

Daan van Kampenhout

**THE TEARS OF THE
ANCESTORS**

**Victims and Perpetrators
in the Tribal Soul**

**Zeig, Tucker & Theisen, Inc.
Phoenix Arizona
2008**

Даан ван Кампенхаут

СЛЁЗЫ ПРЕДКОВ

**Жертвы и преследователи
в коллективной душе**

**Институт консультирования и системных решений
Москва
2012**

ББК 88.5
УДК 615.851

Перевод с английского: Татьяна Варвинская
Научный редактор: к.п.н. Михаил Бурняшев
Редактор: Наталья Титова
Консультанты по еврейским терминам: Ольга Агур,
Шевах Златопольский

Кампенхаут ван Даан

Слёзы предков. Жертвы и преследователи в коллективной душе. – М.: Институт консультирования и системных решений, 2012. – 240 с.

Все права защищены.
Любая перепечатка издания является нарушением авторских прав и преследуется по закону.
Опубликовано по соглашению с автором.

Книга «Слезы предков» стала итогом многолетнего опыта работы автора с темой жертв и преступников, с последствиями исторических трагедий мирового масштаба. Книга была задумана автором как дидактическое пособие, описывающее расстановочные модели и ритуалы, где раскрываются динамики взаимоотношений между жертвой и агрессором, между сообществами, к которым они принадлежат; раскрывается тема взаимоотношений личности и коллектива. Особенно ярко звучит в книге тема прощения. Каждое наблюдение автора иллюстрируется живыми примерами из его практики; в книгу включены также размышления и инсайты многих коллег и друзей автора, серьезных исследователей в названной тематике.

«Слезы предков» будет уникальным пособием для психологов и психотерапевтов, специалистов по системной терапии, а также для социологов, историков и всех, кого интересует тема исцеления последствий межнациональных катастроф, тема предотвращения войн и конфликтов разного масштаба, тема исцеления травм у жертв преступлений, исправления жизни преступников, а также всех, кого волнуют глубокие философские и духовные темы сопереживания, прикосновения к опыту боли и страдания, пути к прощению, соотношения вечных вопросов бытия и повседневной реальности.

ISBN 978-5-91160-049-5

© Daan van Kampenhout, 2008

© Институт консультирования и системных решений, 2012

Содержание

Слова от редактора русского издания	6
Благодарность	10
Обзор	12
Введение	16
Глава 1. Аушвиц-Биркенау	23
Глава 2. Колесо Душ	29
Глава 3. Связи с предками	41
Глава 4. Кто принадлежит?	54
Глава 5. Отсутствующие преступники	66
Глава 6. Поиск нового определения	78
Глава 7. Передача памяти	86
Глава 8. Безмолвный крик	95
Глава 9. Вес мертвого	102
Глава 10. Места убежища	116
Глава 11. Мечты о Германии	126
Глава 12. Тело скорби	143
Глава 13. Объятия виновного	152
Глава 14. Молитвы о разбитых камнях	169
Глава 15. В пространстве молчания	185
Глава 16. Корни которые исцеляют	194
Глава 17. Двойные идентичности	208
Глава 18. Поворот Колеса	218
Глава 19. У ворот Маутхаузена	226
Литература	231
Послесловие научного редактора	
Где можно сделать качественную семейную расстановку и кто может обучать семейным расстановкам	233

СЛОВО ОТ РЕДАКТОРА РУССКОГО ИЗДАНИЯ

От этой книги невозможно оторваться, – таково мое впечатление, – она будит настолько глубокие пласты души, что, читая ее, я чувствовала, как шевелятся мои корни... У меня есть совсем небольшой процент еврейских генов, еще меньше — польских. Но это очень важные для меня проценты. Думаю, что даже если бы не это совершенно личного рода обстоятельство, невозможно было бы остаться равнодушной, читая эту книгу, настолько обнажены в ней переживания автора, настолько глубоки и честны его размышления о жертвах и преступниках, межнациональных трагедиях и их глубинной природе, настолько смела и мужественна его попытка прикоснуться к этим ранам и его жажда исцеления души мира. Глубокий поклон и благодарность.

Благодаря этой книге я вернулась к вопросу, который будоражил меня несколько лет назад, когда я училась на теолога в православном институте. Хотя автор соединяет в себе шаманскую, иудейскую и хеллингеровскую (по его выражению посттеистическую) позиции, могу засвидетельствовать, что нашла множество параллелей с христианством.

Колесо душ, с его югом, западом и севером, с домом души на севере и предельно воплощенной жизнью на юге; и та идея автора, что мы не можем уйти ни из одного из этих полей (по крайней мере, пока живем), – разве не о том же самом пишет Дитрих Бонхеффер — лютеранский пастор-мученик, богослов, участник Сопrotивления, немец, погибший от рук соплеменников-нацистов 9 апреля 1945-го?

В письмах другу из нацистской тюрьмы (и ранее в своем главном труде «Этика») Бонхеффер размышляет о том, почему он, христианин и немец, встал на путь активной борьбы со своим же государством, как будто нарушив тем самым важнейшие христианские заповеди о прощении врагов, о послушании властям...

«Последнее слово невозможно, да и недопустимо произносить до предпоследнего. Мы живем в предпоследнем, а верим в последнее», – пишет Бонхеффер.

Концепции предпоследнего и последнего, столь важные для развития богословия Бонхеффера, аналогичны сопоставлению севера и юга Даана. Верить и стремиться к последней реальности, в которой не будет больше разделений и противопоставлений, но быть честным и принимать жизнь во всей ее полноте, пока эта последняя (северная) реальность еще в перспективе, или в самой глубине, – такое решение принимает Бонхеффер и начинает активную борьбу с нацизмом. Позволю еще одну цитату из его тюремных писем, где о предпоследнем говорится с другой — позитивной – стороны, но весьма наглядно) :

«...В стихотворении:

... чтобы не забывать,
о чем так охотно забывают,
что наша бедная земля
не наш родимый край –

говорится, конечно, об очень существенном, но все-таки о самом слишком уж последнем.

Я думаю, что мы должны любить Бога и настолько доверять Ему в нашей жизни и в том добром, что Он дарит нам, чтобы мы, когда придет пора — но только тогда! — с такой же любовью, доверием и радостью отправились к Нему. Чтобы выразиться пояснее: если человек, даже обнимая свою жену, обязан еще устремляться душой на небеса, то это, мягко говоря, безвкусица, И уж, во всяком случае, не то, чего хочет Бог, Бога нужно находить и любить именно в том, что Он нам дает; если Бог посылает тебе большое земное счастье, то не будь благочестивее самого Бога и не давай высокомерным и дерзким мыслям, безудержной религиозной фантазии, которая никак не может довольствоваться тем, что Бог дает, разъедаешь твоё счастье.

Для того, кто найдет Бога в своем земном счастье и будет благодарен Ему, Бог не поскужится на часы, в которые ему вспомнится, что все земное — лишь на срок и что нужно приучать свое сердце к вечности, а в конце концов немало выпадет и таких моментов, когда мы искренне сможем сказать: «Хотел бы я уж оказаться дома...» Но всему свое время, а главное, не нужно обгонять Бога, забегать постоянно на несколько шагов вперед, хотя не следует и отставать от Него».

В этой нашей предпоследней реальности существует необходимость занять какую-то вполне определенную позицию, здесь

универсуум севера — еще только предвкушение. И это касается как земного счастья, так и трагедии жизни здесь, в предпоследнем. И раз уж здесь необходима определенная позиция, то позиция автора книги представляется достойнейшей. Потому что в его позиции можно достичь исцеления. Не видимости, не профанации. Не розового тумана, окутывающего истерзанную до смерти душу. Не теорий и лозунгов, позволяющих успокоить совесть и забыть об этой реальности.

Встреча с книгой «Слёзы предков» еще раз подтвердила, что Истина в наши дни (или всегда?) не принадлежит какой-то одной традиции, одному народу, одной церкви. Живая Истина ходит по разным пространствам и открывает себя — в разных образах, в разных словах — ищущим ее людям — иудеям, христианам, шаманам, богословам, расстановщикам, — лишь бы они искали ее.

Еще одну общую с Бонхеффером идею, названную иными словами и выраженную предельно отчетливо, обнаруживаю я в книге «Слёзы предков». Автор ставит под вопрос прощение убийц их жертвами (глава 8). А у Бонхеффера есть различие «дешевой» и «дорогой милости». Дешевая милость — аналог того псевдопрощения, картина которого предстает перед нами, когда в расстановке жертв и убийц призывают обняться. Просто взяли и обнялись, — чего ж тут такого? — это ж хорошо. Но беда в том, что в этом нет правды. Потому что это — «дешевая милость». Дешевая милость — без раскаяния, без просьбы об исправлении, без усилий возрождения. Дешевая милость — не куплена кровью и правдой непосредственного проживания того ужаса, в который оказались ввергнуты оба — и жертва, и убийца. Того непосредственного проживания, на которое открыто идет автор, посещая концлагеря и открывая душу тому, что входит в нее в этих пространствах.

Предвижу очередные обвинения со стороны суперправославных братьев и сестер (и не только) в недолжном общении с «не теми» духами, с мертвыми и т.п. — все это действительно страшно. Но ведь страшное и должно быть страшным, и если мы хотим помнить о том, что случилось в нашем мире, — есть ли другой путь, другой способ помнить все, что произошло с нашими бабушками и дедушками во Второй мировой войне (и не только), способ в такой же степени же нелицемерный, как тот, что описан в этой книге? И не показывает ли нам автор фактически то, что мученик-пастор назвал когда-то «дорогой милостью» — милостью, купленной ценой крови, ценой разбитого сердца, ценой жизни?

Что же будет «дорогой милостью», если не то, что описано в завершении этой книги, в 19-й главе? Где еще умирать Богу, как не в нашем теле и не на нашем юго-западе (пока северо-запад еще далеко), чтобы пришло исцеление? Ведь лишь отдавший жизнь обретает Воскресение. Кто еще решится посвятить этому свои усилия, свое время, хоть кусочек себя?

Спасибо, Даан

Наталья Титова

БЛАГОДАРНОСТЬ

Прежде всего, я должен поблагодарить всех, кто приглашал меня в свои страны работать, и всех, кто приходил на мои семинары. Благодаря взаимодействию и реальной работе со всеми вами были разработаны и воплощены в жизнь материалы, представленные в этой книге.

Благодарю предков, которые приходили во снах и делились своими дарами.

Тепло благодарю всех, чьи расстановки, ритуалы, истории, интервью и мысли были включены в этот текст: Алис ван Дрооге, Андреа Хассельбарт, Анке Грасс, Хаим Дасберг, Сесилия Видуныя, Кристиан Вензл, Клод Эншин Томас, Дан Бар-Он, Даниэль Флауменбаум, Берни Глассман, Дина Варди, Дови Кивлович, семья Эстер, Ева из Праги, Эвелъен ван Вест, Габриэль Вильгельм, Джинни Стерн, Иньяки, Ян Билы, Джудит Ротен, Кэти Мерфи, Керстин Меллер, Либби Шапиро, Малика Нор, Марион Лишти, Мартин Буриан, Неска Онг а Квиен, Нэнси Собоня, Оэд Эзрахи, Рэй Вайе, Рефаеэль Давид, Рената Баум, Сабина Обермайр, Сифра Ноотер, Този Теко, Вера и Рейнхард Фихтер, Еша Кармели, и также всех тех, кто написал мне после участия в ритуалах, описанных в главе «Объятия виновного».

В течение года, что я писал эту книгу, я не знал, как она в итоге будет выглядеть, до тех пор, пока я не написал самые последние главы и пока не добавил еще много материалов. Я бы хотел поблагодарить тех, кто поделился своим временем и мыслями со мной, но кто непосредственно не упомянут в книге по имени: Анжелика Фенд, Барбара Стоунх, Билли Мейер, Эрвин Брюгманс, Ева ван Сондерен, Фасила Нанекан, Франческа Мейсон Боринг, Харри Дексхоорн, Инге Маасен, Ирен Бруннер, Лиза Иверсен, Мануэла Вейнборнмайр, Ниаме Гониве, Номфундо Млиса, Оттелин Ламе, Петер Кониг, Пумла Гободо-Мадиказела, Съюзан Натан, Иоланда Мукагасана и Свеня Вахтер.

Тода раба¹ () моей верной группе: Алексу Адлеру, Эмме Хуммелен, Дженет Бресслерс, Мириам Филипсборн, Оскару

¹ Тода раба – большое спасибо. – Прим. пер.

Дэвиду и Питеру ван Зуилеком – за длительные и глубокие пятничные дискуссии и вопросы о природе еврейской коллективной души.

Нескольких человек (некоторые из них уже были упомянуты) я должен поблагодарить отдельно и особенно сильно. Оскар Дэвид был для меня постоянным и надежным источником поддержки разного рода. Нэнси Собоня и Нава-Техила попросили меня связаться с ними по возвращении из Освенцима, и к нашему всеобщему удивлению, они подтолкнули меня к написанию первой версии первой главы этой книги. Хаим Дасберг был честным и вдохновляющим партнером по переписке, всегда держал меня на чеку, щедро поддерживал и, когда это было необходимо, вступал со мной в конфронтацию. Габриэль Вильгельм регулярно делилась со мной своими мыслями о колесе душ и об идентичности агрессоров во многих случаях и помогла мне более ясно увидеть эту важную динамику. Таня Мейбург была активным партнером в основательных и длинных дискуссиях о том, какими путями могут переплетаться жертва и агрессор, и, честно отзеркаливая меня, помогла мне лучше увидеть мои собственные идентификации.

Так много людей разными способами принимали участие в моей работе, что я неизбежно забуду кого-то упомянуть. Я приношу мои извинения всем, кого я не упомянул поименно. И вам тоже моя глубочайшая благодарность.

ОБЗОР

Введение

О моем решении писать с той точки зрения, которая возникла из моего участия в полях шаманизма, семейных расстановок и иудаизма.

1. Аушвиц-Биркенау

Неожиданная встреча с коллективной душой в Освенциме.

2. Колесо душ

Исследование семейного, коллективного, индивидуального и универсального уровней души при помощи колеса четырех направлений.

3. Связи с предками

На колесе четырех направлений душа и предки занимают одно и то же место. Некоторые примеры того, как переживания предков все еще влияют на жизнь их потомков позитивным и негативным образом. Молитвы как мост, чтобы достигнуть мудрости коллективной души: сон о благословении предков, который пришел после молитвы.

4. Кто принадлежит?

Расстановка для Керстин, предками которой были немцы и цыгане, и для Нески, у которой среди предков были голландцы, жители Молуккских островов, китайцы и африканцы. Пример раны в национальном коллективном поле: расстановка в Мадриде, обращающаяся к теме исключения и изгнания.

5. Отсутствующие преступники

Во время посещения военных мемориалов в Берлине, Дахау и Амстердаме я заметил, что преступники очень редко названы поименно. Различные движения в расстановках, которые помогают снова интегрировать нацистов в их родные семьи. Взгляд на примирающие расстановки глазами коллективной души.

6. Поиск нового определения

Разговор с водителем такси в Израиле о напряжении в Голландии, возникшем после убийства режиссера Тео ван Гога молодым мусульманином-экстремистом. Об общей неспособности преступников по-настоящему видеть своих жертв; личные свидетельства высокопоставленного нациста; продолжение размышлений о примиряющих расстановках.

7. Передача памяти

Интервью с Диной Варди, израильским психотерапевтом, экспертом по «второму поколению». О природе передачи и действии памяти в семейных системах жертв, а также о том, как они взаимодействуют. Некоторые мысли о сложности энергии жертв и преследователей в Израиле.

8. Безмолвный крик

Интервью с израильским психиатром Хаимом Дасбергом о сложности концепции «прощение», посещение мемориала холокоста в Иерусалиме.

9. Вес мертвого

Когда умирает один человек, после него остается община. Но что если умирает целое сообщество и остается только несколько человек? О важности предков в случаях огромных коллективных потерь: расстановка для клиента, чьи дедушка и бабушка были убиты в Освенциме. О потребности каждого коллектива горевать без свидетелей и чужаков: расстановка для молодой женщины из Северной Ирландии, среди предков которой – протестанты и католики.

10. Места убежищ

Поездка в Париж после бунтов, в которых были сожжены тысячи машин. Попытка понять с системной точки зрения, что случилось с молодым другом-евреем, который присоединился к ортодоксальной группе. Интервью с социальным работником Маликой Нор, которая работает с подростками-правонарушителями арабского происхождения.

11. Мечты о Германии

Вместе с четырьмя терапевтами и ведущими групп с различным опытом мы исследуем трансгенерационные паттерны в семьях

нацистов. Ритуал в школе в Германии, которая была построена на месте бывшего тренировочного центра нацистов и послевоенного лагеря для перемещенных лиц.

12. Тело скорби

Расстановка в Южной Африке, которая обращается к истории колониального замка; интервью с Нэнси Собоня, американским кинорежиссером, о динамиках скорби. Расстановка для женщины из Чили, чей дядя был убит в 1976 г. режимом диктатуры.

13. Объятия виновного

Групповая расстановка (45 участников из Германии, Австрии и Швейцарии), в которой в немецкий коллектив принимаются жертвы национал-социализма. Письма участников, в которых они описывают свои переживания. Мысли об интеграции «фактора вины» в коллектив: групповая расстановка (40 участников-немцев) о нацистах и качествах души, которые были утрачены через вину.

14. Молитвы о разбитых камнях

Расстановка о полях коммунизма и католицизма в Праге. Посещение концентрационных лагерей в Чешской Республике: как правильно посещать такие места? Размышления о легенде о Големе, глиняном человеке, которого оживил раввин в 15 веке, чтобы защитить гетто. Голем является символом темных аспектов коллективной души: бездумный, неутомонный, неутомимый и в конце концов – разрушительный.

15. В пространстве молчания

Флаги в Берлине. Расстановка о нацисте, который защищал женщину-еврейку. Размышления о самоубийствах, о преступниках-нацистах; расстановка для семьи, где отец был сотрудником концентрационного лагеря. Ритуал вокруг молчания и секретов в семьях нацистов. Посещение тюрьмы Плётцензее, где были повешены многие немцы – члены движения Сопротивления.

16. Целительные корни

В расстановки можно добавлять героев древнейших народных мифов, чтобы принести исцеление. Расстановка с Сарой – матерью еврейского народа, для мужчины, дедушка которого был евреем; расстановка для баска на тему ЭТА, в ходе которой были включе-

ны дохристианские предки, и расстановки с древними богами германских племен для потомков нацистов.

17. Двойные идентичности

О переплетении между энергиями жертв и преступников. Когда они обе присутствуют в коллективе, то в образе себя жертвенность получает преимущество над преступностью. Интервью с Джудит Ротен (терапия для жертв сексуального злоупотребления) и Рэем Вайэ (терапия для лиц, совершивших сексуальные преступления), чьи работы на индивидуальном уровне дают выводы, полезные для работы с большими группами.

18. Поворот колеса

После того как мы познакомились со всевозможными проявлениями и уровнями энергий жертвы и преступника в этой книге, что же нам известно о том, как рождается массовое насилие и какую роль в этом процессе играет коллективная душа? О динамиках между коллективной и универсальной душой, а также о важности уровня индивидуальной души.

19. У ворот Маутхаузена

День, проведенный в молчании и молитве в концентрационном лагере Маутхаузен с группой людей; память о молитве человека, который умер там.

ВВЕДЕНИЕ

Дидактическая книга – вот что я планировал. Техническое пособие, наполненное некоторым количеством расстановочных моделей и ритуалов. Почти два года я пытался начать писать ее – и застопоривался, снова и снова. Потом, во время путешествия, которое не было связано с этой книгой, я посетил Аушвиц-Биркенау. Перед тем, как я уехал в Польшу, несколько друзей попросили меня связаться с ними по возвращении и рассказать им, как прошла поездка. Я сел писать письмо о моих переживаниях в первую ночь по возвращении в Амстердам. Там, в концентрационном лагере, я еще раз понял, что как индивидуум я не просто член семьи, но я также и член огромных коллективов, независимо от того, хочу я к ним принадлежать или нет. Но только в процессе написания письма моим друзьям я ясно понял, что привычные терапевтические, системные и шаманские рамки не могут помочь интерпретировать некоторые из моих переживаний в Биркенау. Я обнаружил, что я прибыл в новое, неизученное место.

Я, по своему обыкновению, начал молиться о наставлении и напутствии, чтобы я мог лучше понять это, и через несколько недель мне приснился сон о колесе четырех направлений. Это колесо представилось как колесо душ: в каждой из четвертей колеса я увидел отдельный уровень человеческой души. Этот неожиданный дар оказался очень полезным инструментом для углубления моего понимания того, что я испытал в Освенциме. В дальнейшем образ из сна привел меня к исследованию новых динамик и линий развития идентичности. И пока я подводил итоги наставления из сна на бумаге, я понял, что я, наконец, начал писать новую книгу. Книгу о коллективной душе.

Хотя до поездки в Польшу я и не планировал писать на эту тему, но сама она для меня не нова. На протяжении нескольких лет я проводил в среднем около 30 семинаров в год, путешествуя по разным странам. В каждой группе я встречал людей, чьи жизни и семьи были разрушены вследствие преследования, этнических чисток, терроризма или войны. Постепенно я начал распознавать паттерны болезней и нарушения порядка, которые разделяли се-

мьи и жертв, и их преследователей. Мне стало ясно, что некоторые симптомы людей в моих группах имели корни скорее в больших коллективных полях, нежели в индивидуальных или семейных историях; и тогда я стал разрабатывать ритуалы и способы взаимодействия с этими ранеными коллективными слоями души, надеясь прикоснуться к ним исцеляющим и уравнивающим способом. Когда я начал писать об этих наблюдениях, колесо четырех уровней души помогло мне более тонко посмотреть на ту работу, которую я сделал прежде. Некоторые методы, которые я уже создал, можно было немедленно внедрять в текст; другие работы скорее служили ступеньками к развитию дальнейших методов, и я ими пользовался при работе с клиентами в группах на протяжении года, пока работал над книгой. Работа, которую я описываю здесь, была отточена и оформлена взаимным развитием трех различных полей. Я вовлечен в разные группы людей, практикующих шаманизм; я состою в международной сети ведущих семейных расстановок, и я также участвую в еврейском сообществе.

Мои отношения с шаманизмом начались немногим более 25 лет назад, когда мне только исполнилось 18 лет. В скорости после того, как я чуть не умер (я заразился малярией во время поездки в Индию), мне приснилось несколько снов. Они стали мне понятны только после того, как я прочитал книжку о традиционном шаманском мировоззрении, и так я начал исследовать шаманизм. Мои сны стали моими первыми проводящими. Позднее я познакомился с учителями-шаманами из разных традиционных культур. Постепенно шаманизм занимал все более и более значительное место в моей жизни, и десять лет спустя, в 1993 году, проведение шаманских тренингов стало моей основной работой.

О семейных расстановках я впервые узнал в 1998 году. Вскоре после этого я стал писать Берту Хеллингеру, и у нас с ним завязалась интенсивная переписка, которая продолжалась около полутора лет. В письмах Берту Хеллингеру я исследовал сходства и различия, которые я видел между шаманизмом и семейной расстановкой, и из этих материалов я позднее создал книгу «Образы души». По мере написания этой книги я начал интегрировать аспекты расстановочной работы в мои шаманские тренинги, и люди стали спрашивать, не соглашусь ли я проводить отдельные семинары только по семейным расстановкам.

После некоторых сомнений я принял эти предложения. Сначала я проводил расстановки в классическом стиле и отдельно проводил мои шаманские тренинги. Однако я уже ступил на

свой путь – от двух разных позиций к средней, в поиске способа объединить лучшее из этих двух миров. Мне понадобилось на это несколько лет, и мне кажется, что сейчас я, наконец, нашел эту серединную землю.

Мое активное участие в еврейском поле началось после того, как я уже вступил на шаманский путь, в конце 1980-х. Как и в случае других важных вещей в моей жизни, все началось, когда я спал. Во сне я поднимался на вершину прекрасного холма, покрытого травой и цветами. Я шел под руку с хрупко выглядевшей пожилой дамой. Я знал, что она – одна из моих еврейских предков. Я должен сознаться, что я был доволен собой. Я даже поздравлял себя с тем, что я такой хороший человек, в один из моих свободных дней я помогаю этой пожилой бабушке взобраться на холм. И пока я наслаждался этими приятными нарциссическими чувствами, я вдруг сделал обескураживающее открытие – мои ноги не касались земли. Я совершал движения ногами, как при ходьбе, но я не касался земли: я взбирался на вершину холма только потому, что эта пожилая дама несла меня. Эта встреча во сне привела меня в контакт с той силой, которая содержалась в еврейской части моих корней. Подъем на холм – это важный духовный символ и в шаманизме, и в еврейской традиции, который обозначает встречу с духами или с Создателем. Поднимаясь на холм или гору, вы готовитесь к встрече с духовным измерением. Очевидно, у предков были некоторые планы относительно меня.

Согласно еврейскому закону галаха², человек может считаться евреем, только если его мама или, по крайней мере, мать матери – еврейка, а в моем случае это не так. И все равно это не мешало предкам приходить ко мне в моих снах и учить меня. Со временем в моей душе связь с еврейской частью моих корней стала сильнее, чем моя связь с христианскими корнями. И это было для меня источником путаницы на протяжении многих лет. Только после расстановки, которую сделал для меня Берт Хеллингер, я наконец смог принять и оценить по достоинству эту ситуацию. В результате я прошел через традиционные ритуалы и процедуры, чтобы официально стать евреем – не для того, чтобы «стать» кем-то или кем-то другим, но для того, чтобы подтвердить и усилить мою связь с предками.

Шаманизм, расстановки и иудаизм. У них не так уж много общего, но некоторые точки соприкосновения есть. Все три признают особую важность предков. Все три признают существование

² Галаха – свод религиозных законов еврейской жизни. – *Прим. пер.*

разных душ, или, другими словами, разных уровней одной души. Все три признают, что никто и ничто не существует в вакууме и что исцеление требует усилий сообщества. Конечно же, между ними есть также много различий. Многие люди могут думать, что невозможно перекинуть мостик между этими различиями. Сравним, например, мир шаманизма, наполненный духами и призраками, пост теистическое мировоззрение Берта Хеллингера и строгий монотеизм иудаизма – как тут вообще можно обнаружить какой-то общий знаменатель? Для меня это скорее приглашение к размышлению, нежели проблема. Различия стимулируют меня смотреть внимательнее и прилагать усилия, чтобы постараться понять разные выражения истины.

После посещения Освенцима, сна о колесе душ и глубокого пересмотра работы, которую я провел на сотнях семинаров ранее, и начался процесс написания книги. Но потом до меня дошло, что я попался в ловушку парадокса. Как один отдельный человек может писать о природе коллективных полей? Если я и вправду лишь часть коллективной души, или лучше сказать, если я являюсь только участником различных коллективных полей, то мое собственное знание может быть лишь малой частью большего понимания. Тогда я решил включить голоса других людей в мою книгу. Первое, что пришло мне на ум, – это попросить некоторых клиентов, с которыми я работал, описать эффект, который произвела на них работа, чтобы добавить их слова в соответствующие места в тексте. Далее, многие историки, социологи, психотерапевты и другие специалисты провели захватывающие исследования разных аспектов коллективной идентичности и опубликовали выдающиеся работы об этом. По мере написания книги я читал их работы и добавлял некоторые открытия и озарения в текст. Также некоторые мои друзья и коллеги достигли глубокого понимания отдельных аспектов динамик, которые имеют место внутри и между коллективами. Мне показалось, что каждый из этих людей мог бы быть ответственным за какой-то элемент пазла, который я решил собрать.

Решение включить голоса некоторых людей, которых я знал лично, имело прямое и неожиданное влияние на структуру книги: мне пришлось совершить путешествия в другие страны и на другие континенты, чтобы побеседовать с ними. Эти путешествия сами по себе стали основательной частью исследования, потому что, отправившись в путь, я решил не просто встречаться с людьми, но также и посетить некоторые места. Это было захватывающее пу-

тешестве, хотя и не всегда комфортное. Иногда мои путешествия выводили меня на дороги, которые меня не очень-то интересовали, и сталкивали меня лицом к лицу с такими вещами, которые я поначалу не собирался специально включать в свое исследование. Конечно, оглядываясь назад, я понимаю, что наиболее трудные встречи и события оказались наиболее важными шагами на пути и в конечном счете привели к самым глубоким озарениям.

Когда исследуешь природу идентичности в группах и то, как она работает, то скоро можно обнаружить, что у каждого коллектива есть свои собственные воспоминания. Некоторые воспоминания внушают чувство гордости, другие – стыда. Воспоминания о победе и поражении имеют особую важность для коллективной идентичности, но эти воспоминания несут сильный заряд и никогда не полны: некоторые детали подчеркнуты, некоторыми пренебрегли, а некоторые просто подавлены. Жертвы и преступники, которые являются частью коллективной истории, продолжают, однако, быть живым присутствием в неподвластной времени реальности коллективной души, независимо от того, сохранилась ясная память о них или нет. Их голоса продолжают нашептывать нам, только мы не можем их слышать. Наше собственное индивидуальное взаимодействие с различными коллективными душами, к которым мы принадлежим, может быть осознанным или неосознанным, но его невозможно избежать. Я думаю, нам предстоит еще многое понять об этой неизбежности и о тех возможностях, которые у нас есть, чтобы справиться с ситуацией. Я надеюсь, что «Слёзы предков» будут вкладом в это понимание.

Давайте начнем путешествие. И как начиналось многое в моей жизни, давайте начнем со сна и истории. Позвольте мне рассказать вам о том моменте, когда шаманизм, расстановки и иудаизм встретились и на какое-то время соединились. Это история, которая открывает дверь в пространство коллективной души.

Я проводил семинар где-то в Германии, и ночью во сне я увидел себя в маленьком восточноевропейском еврейском штетле³ по крайней мере 100 лет назад, а может, и больше. Умер молодой мужчина, и согласно традиции, жители этого местечка собрались вместе, чтобы проводить его. В этом сне я был раввином, я произносил традиционные для похорон молитвы. После молитв, перед тем, как поднимут погребальные носилки, я обратился к собравшимся.

³ Штетл – еврейский городок или деревня, обычно в Восточной Европе. – *Прим. пер.*

Я сказал им, что сейчас я научу их простому нигуну⁴ – простой мелодии без слов, и я попросил их позволить слезам течь вместе с этим нигуном, когда они будут петь, потому что нам нужно было плакать. Мы оплакивали не только нашу собственную потерю, но нам также нужно было плакать и о потерях наших предков. Я рассказал людям, как невыплаканные слезы тех, кто жил до нас, не исчезли чудесным образом после их смерти, а продолжают жить в наших собственных телах. Мы, живущие, являемся телом наших предков, и в своих телах мы несем все слезы, которые они не смогли выплакать, пока были живы.

И когда мы позволяем их слезам литься через нас, что-то восполняется между поколениями, мы вовлекаемся в тикун олям⁵, исцеляя мир.

Я начал петь. Люди подхватывали мелодию, некоторые мужчины подняли гроб, и мы начали шествие. Грязная дорожка привела нас на маленькое кладбище. Мы пели, и мы плакали. Мы пели, и мы танцевали, плача. Шел дождь, и капли дождя смешивались с нашими слезами. Слезы стали молитвами, молитвы стали слезами. В нашей скорби мы стали едины с нашими предками, и они стали едины с нами, и через наш танец танцевали и они. Когда я проснулся, я пел и плакал. Я сразу же записал мелодию, чтобы не забыть ее.

На следующий день после этого сна я попросил участников моей группы присоединиться ко мне в ритуале. Я попросил их стать друг напротив друга в два ряда. Я объяснил им, что все будут проходить по очереди через этот коридор из людей. Проходя по коридору, каждый будет смотреть на людей, стоящих по сторонам, как на своих предков. Те, кто стоит в этих двух рядах, будут смотреть на проходящих, как на своих собственных потомков. Дойдя до конца, каждый участник присоединится к одному из двух рядов, и будет представлять кого-то из предков для тех, кто теперь будет проходить мимо них. Таким образом, каждый участник группы получит возможность пройти через коридор предков и постоять рядом с ними.

Когда объяснения были завершены и все стояли на своих местах, я научил их петь песню из моего сна и объяснил ее значение. Друг за другом они шли по коридору предков. Когда первый начал свое путешествие, потекли первые слезы. Вместе мы пели и

⁴ Нигун – мелодия, в традиции Каббалы – мистическое понятие, связанное с тем, как Господь выражает себя через человека. – *Прим. пер.*

⁵ Тикун олям – понятие «исправление мира», принятое в еврейской традиции. – *Прим. пер.*

плакали. Большинство людей шли прямо, некоторые согнулись, и одного или двух несли. И, как это было в моем сне, на время проведения этого ритуала мы слились в единое целое с предками. Молитвы стали слезами, слезы стали молитвами. Мы плакали нашими слезами и слезами наших предков. Слезы еврейских предков и слезы немецких предков смешались и стали едиными. И для каждого из присутствующих что-то соединилось в тот день.

Даниэль Терон ван Кампенхаут

Глава 1

АУШВИЦ-БИРКЕНАУ

Наконец мы прибыли в Польшу, чтобы посетить Аушвиц-Биркенау. Ровно десять лет назад мы сделали первую попытку попасть сюда, но тогда нам это не удалось. Мы с партнером забронировали авиабилеты и сделали все необходимые приготовления для поездки, но за неделю до запланированного отбытия мы приняли решение остаться дома. Желание посетить Польшу оставалось в наших умах на протяжении десяти лет, и наконец-то мы сделали это. Хотя, должен сказать честно, до самой последней минуты мы не знали точно, действительно ли мы поедем. Мы никогда не писали слова «Польша» или «Освенцим» в наших ежедневниках. Мы как бы случайно выбрали некоторые даты, сказав друг другу, что, возможно, мы съездим в Польшу в это время. Это оставалось неназванным вакуумом в наших плотно заполненных ежедневниках, что-то вроде необозначенной зоны.

После того, как мы зарезервировали билеты, я запаниковал. Я был абсолютно убежден, что самолет потерпит крушение и мы все погибнем, поэтому я хотел аннулировать всю поездку. Я все время летаю на самолетах, и никогда у меня не было таких страхов; и из-за того, что это было так необычно для меня, я тогда подумал, что это у меня какое-то предчувствие. Через некоторое время до меня дошло, что 60 лет назад для еврея транспортировка в Польшу означала практически неминуемую смерть и что поездка в Польшу включила у меня какие-то внутренние сигналы тревоги. Когда я осознал это, я нашел соответствующий контекст для своего страха, и он растворился. Однако когда в назначенное время утром мы прибыли в аэропорт Амстердама и нам сообщили, что рейс в Варшаву отменен, нашей инстинктивной реакцией было большое облегчение. Далее, после бесконечного дня с различными перепланированными перелетами и пересадками и часами утомительного ожидания, мы, наконец, стояли в холле нашей гостиницы в Кракове. Этот отель – место встречи для всех людей, кто приехал в Польшу, чтобы присоединиться к ежегодному ретриту «Свидетельствование» Миротворческой Общины, которая

базируется в Соединенных Штатах и активно работает в разных странах. Завтра мы поедem в Аушвиц-Биркенау, мы проведем там пять дней.

Теперь мы решаем, присоединимся ли мы к группе людей, чтобы поужинать в районе Казимеж – старом еврейском квартале Кракова. Я чувствую смятение. Во-первых, нацисты хотели убить всех евреев, и многие поляки активно поддерживали эту политику нацистов. Количество убитых во время войны евреев нигде не было выше, чем в Польше. Далее, когда война закончилась и нацисты ушли, продолжающиеся в Польше взрывы антисемитского насилия прогнали из этой страны большинство выживших евреев. И теперь, когда практически все польские евреи умерли или уехали, район Казимеж превращен в туристическое развлечение! Действительно ли мы хотим отведать блюда «кошер-стайл»⁶ в ресторане, которым управляют католики? Хотим ли мы послушать нееврейский клейзмерский⁷ ансамбль в доме, чьи владельцы были, вероятнее всего, убиты? Готовы ли мы насладиться этой «аутентичной еврейской атмосферой»? Мы никак не можем решить. Реальность такова, что Польша пугает и подавляет нас. Мы сидим в холле нашей гостиницы и понятия не имеем, что же нам теперь делать дальше. К счастью, к нам подходит Джинни, член команды ретрита, и уделяет нам немного своего времени, спрашивает, как нас зовут, как мы себя чувствуем и что бы мы хотели сделать. Мы по-прежнему не знаем. Но когда она уходит, мы с удивлением обнаруживаем, что мы встаем и идем за ней – таким образом, мы оказываемся за большим столом в Клезмерхойс, в Казимеже, с Джинни и еще несколькими очень дружелюбными поляками, немцами, одним американцем и одним палестинцем, которые тоже приехали на ретрит.

Наше подавленное смятение сменилось легкой манией: мы заказываем больше еды, чем в принципе могли бы съесть. Здесь и сейчас в Казимеже мы хотим съесть все, что есть в меню, все традиционные еврейские блюда: латкес⁸, гефилте фиш⁹, суп с клецками, – всего не перечислить! Подается блюдо за блюдом, а мы едим и едим, как будто мы никогда раньше не пробовали хорошей еды. В середине трапезы мой партнер поворачивается ко мне с полными слез глазами и говорит: «Я всю жизнь ждал этой

⁶ Кошер-стайл – еда, соответствующая принципам кашрута в соответствии с пониманием хозяев, а не в соответствии с требованием еврейского закона – *Прим. пер.*

⁷ Клейзмер – фольклорная музыка восточноевропейских евреев. – *Прим. пер.*

⁸ Латкес – картофельные оладьи. – *Прим. пер.*

⁹ Гефилте фиш – фаршированная рыба. – *Прим. пер.*

трапезы!» Я чувствую то же самое, и до меня доходит, что дело не только в том, что мы приехали в Польшу, но в том, что мы как будто, наконец, вернулись сюда. Хоть мы сами тут никогда не жили, мы вернулись назад. Назад, в бывшее сердце восточноевропейской еврейской общины. И теперь, когда мы здесь, мы обнаруживаем, что мы до смерти проголодались, и нам надо есть, есть, есть. Мы хотим схватить и поглотить все, каждую маленькую крошку, до которой можем дотянуться.

На следующее утро мы уезжаем в Освенцим, который был переименован нацистами в Аушвиц. В нашей группе есть евреи, христиане, буддисты, даже несколько мусульман. Люди приехали из разных стран Европы, Латинской Америки, из Израиля, Палестины, Пакистана, из Соединенных Штатов. Некоторые, как и мы, приехали впервые, но многие другие уже участвовали раньше один или два раза в ретрите «Свидетельствующие». Мы проведем большую часть времени в Биркенау. Мы будем молча сидеть на селекционной рампе, медитируя. Мы увидим различные части лагеря. Мы будем петь имена убитых. Мы посетим некоторые выставки, и мы будем делиться тем, что происходит внутри нас. Желающие могут петь и молиться вместе на католических, буддистских или еврейских службах. Можно присоединиться к программе или побыть в одиночестве и сделать что-то другое. Команда сообщает это очень четко: все предложенные программы посещаются по желанию. Настоящий ведущий этого ретрита – это сам Аушвиц-Биркенау. Берни Глассман, инициатор этой серии ретритов, объясняет нам: «Большинство людей приходят сюда всего на несколько часов, и они уходят, радуясь тому, что можно прийти снова. Но мы остаемся. Мы приходим на следующий день, а потом на следующий и еще на следующий. Мы строим отношения с этим местом и его историей. Мы не можем предсказать, что случится в этом обмене. Вместе мы будем в месте не-знания. Итак, если вы практикуете медитацию, то, когда мы сидим тут на рампе, где проводили отбор, выполните свою медитацию в течение всего нескольких минут, чтобы задать движение, а потом остановитесь. И дальше просто будьте здесь, позвольте этому месту говорить с вами. Не надо много делать, просто будьте открыты, будьте свидетелем всему, что захочет быть познанным вами».

И так это и случается. Каждое утро мы отправляемся в Биркенау и остаемся там до наступления вечера. День за днем, день за днем. Аушвиц-Биркенау. Я знаю его по бесчисленным

фотографиям, документальным фильмам, книгам и историям, и сейчас я здесь, чтобы самому увидеть, почувствовать, прикоснуться и услышать его. Возле главного входа начинаются длинные ряды деревянных бараков, за которым тянется лес просевших кирпичных дымоходов, который кажется таким же бесконечным. Это остатки печей сотен и сотен разрушенных бараков, и все эти покалеченные призраки вместе создают потусторонний ландшафт. Наконец, в конце длинной рампы, которая пересекает весь лагерь, находятся руины газовых камер и крематория. И каждый раз – шок, когда в неожиданных местах попадаются безмолвные колодцы. Каждый из них хранит пепел убитых людей. Слово «молчание» приобретает здесь новое значение, это место пустынно, опустошено, оголено. Это за пределами любого понимания. Я могу понять концепцию могилы одного человека. Как я могу понять эту могилу как минимум полутора миллионов людей? Здесь наступил конец целому миру.

Всего через несколько часов, проведенных здесь, мой ум начинает расшатываться. Может быть, именно поэтому большинство групп посетителей, которые заходят на территорию лагеря, пробегают по нему всего за два часа. Им надо уйти до того, как это место действительно захватит их и прорвется через их защиты. Когда долго остаешься в Аушвиц-Биркенау, все привычные защиты и концепции начинают разваливаться на части. Ментальные конструкции рушатся. Каждая попытка охватить своим пониманием это место проваливается уже хотя бы из-за его размеров.

Бывают моменты, когда уходит потребность попытаться смириться со всем этим. И тогда, когда мой ум отключается и думание останавливается, я временно растворяюсь, я исчезаю в расширении моей души, в бессловесном состоянии. Биркенау – это место, которое проявляет ограничения моего аналитического ума более эффективно, чем любая духовная практика прежде.

Каждый день я участвую в некоторых из предложенных медитаций и молитвенных служб, но я стараюсь оставить время, чтобы походить по лагерю в одиночку. И я становлюсь все меньше и меньше в этой огромной пустоте. Я не могу остановиться и в конце могу только ползти вперед. Двигаюсь по дну моря слез, дышу водой, каждый вздох – слеза. Чьи это слезы? Граница между «тогда» и «сейчас» иногда растворяется, как и граница между «я» и «они» – те, кто были узниками здесь и погибли. Я позволяю тишине поглотить себя, я принимаю присутствия, которые, я знаю, прячутся в ней. С каждым днем я двигаюсь медленнее. В последний

день моего пребывания здесь по-прежнему будут части лагеря, которых я никогда раньше не видел.

После дней, проведенных здесь, усталость становится привычным другом. В некоторые моменты на меня накатывает волна скорби, и я плачу, завывая и дрожа, обретая иной вид отсутствия рассудка. За такими моментами следует возвращение моей способности петь и молиться. Ритм устанавливается сам: меня поглощает, а потом я всплываю снова. Меня тянет вниз и снова выталкивает на поверхность. Я тут – свидетель, и это место начинает открываться мне. Какие слова могу я подобрать, чтобы выразить это странное состояние полного замирания от погружения в бесконечную скорбь, удивление от того, что я познал покой, неведомый мне ранее, не где-нибудь, а здесь, в Биркенау? Иногда я чувствую, как будто все, кого я когда-либо знал и кто был дорог мне, прошли через это место, и я последний человек, оставшийся в живых. Тут потеряны не мертвые, а живые.

Я жажду, чтобы меня поглотили трава, земля, жажду стать частью молчания. Поначалу в эти моменты слияния с мертвыми мой разум протестует, он борется с тем чувством правды и правильности, которое я испытываю, сливаясь с ними. В психотерапевтическом формате и в семейных расстановках живых просят отделиться от мертвых, но я принадлежу к ним. Только к ним. Когда я прекращаю интерпретировать свои переживания с терапевтической позиции, сопротивление и суждение уходят. И тогда я более тонко чувствую то, что происходит внутри. Я вижу, что дело не в том, что я хочу присоединиться к безмолвному хору, но я чувствую, что я уже являюсь и всегда был его частью. Это не то чтобы потерянная часть моей души нашла свой путь вернуться ко мне, но скорее я нашел путь возвращения к той части моей души, которая ждала меня здесь.

Это не похоже на какой-то вид психологической идентификации. Я обнаруживаю, что я прибыл в секретный важный центр моей жизни. Здесь все молчаливо и пусто, и я слышу эту тишину всю мою жизнь, за всеми звуками. Наконец-то я и физически нахожусь здесь. И я здесь останусь. Это окончательное прибытие выбивает меня из колеи. Эта сила, которую оно дает, – откуда она берется? Я никогда не чувствовал себя более заземленным, более присутствующим, более полным. Но меня также пугает и стыдит то, что я нашел такую полноту в этом переживании, потому что это против всего, что я узнал ранее. Когда я пытаюсь заговорить об этом размытии границ с некоторыми другими евреями в нашей

группе, оказывается, что и они переживают нечто подобное, но все переживают это по-своему. Я не осмеливаюсь поделиться этим с не-евреями. Позже, по окончании ретрита, мой друг Эвелъен, который уже неоднократно участвовал в этом миротворческом ретрите, скажет мне: «Мой опыт таков, что ты никогда не возвращаешься полностью после того, как побываешь там. Часть тебя остается в Аушвице, и эта часть становится источником исцеления, силы и покоя».

В течение этих дней в Биркенау я вижу, как друг за другом появляются и проходят все виды психологических идентификаций, проекций и сопротивления. Я узнаю некоторые из них и двигаюсь дальше или обнаруживаю их, когда они разваливаются сами по себе от взаимодействия с лагерем, оставляя меня свободным и пустым, чтобы открыться для более глубоких слоев. Внутреннее пространство, куда я наконец попадаю, не похоже ни на что испытанное мною ранее. И чтобы объяснить это, уже недостаточно не только моего психологического понимания, но и моих знаний о шаманизме. Шаманские традиции учат, что все заблудшие части души должны вернуться назад к своему владельцу. А сейчас я обнаруживаю, что часть моей души всегда жила здесь и что она должна здесь остаться. Я понимаю, почему верны шаманские целительские методы и психотерапевтические парадигмы, но я также ясно вижу сейчас, что они верны не на всех уровнях. Они не могут дать правильные подсказки для понимания того опыта, который я переживаю сейчас. Я прихожу к выводу, что то, что я переживаю, – это часть моего существа, которая находится вне пределов моей личной души или привычных областей моей личности. Я прикоснулся к пространству, где разум и логика – не главное, а реальность души шире и пространнее, чем я когда-либо испытывал ранее. Я переживаю опыт коллективной души.

Хотя это, возможно, и правда, что у меня есть личная душа, но также верно и то, что я есть у коллективной души.

Глава 2

КОЛЕСО ДУШ

Что такое душа? Каждая культура, религия и духовная традиция используют разные определения. Люди по всему миру узнают в себе что-то такое, что они ощущают как отдельное и независимое от их физических тел, и они называют этот аспект своего существа душой или дают этому другое название со схожей коннотацией. Большинство духовных традиций учат, что у каждого из нас есть своя личная душа, которая иногда рассматривается как искра божественного света, у которой есть свое независимое сознание. Индивидуальная душа – это что-то личное, что-то связанное с нашей глубоко личной сущностью. Но – личная душа это не единственная душа, которая у нас есть. Например, шаманские традиции учат, что у нас есть несколько душ. Во многих других традициях также развиваются подобные представления. Чем бы ни была душа, у нее есть личный аспект, но она также многослойная, многогранная.

В семейных расстановках мы видим только то, как работает семейная душа. В этом поле находятся дети, родители (и их братья и сестры), дедушки и бабушки, и иногда прадедушки и прабабушки. В некоторых расстановках мы видим, как члены семьи могут быть связаны различными лояльностями. Эти лояльности не логичны, они даже не осознаются, и они могут создавать переплетения между людьми, которые даже не осведомлены о существовании друг друга. Семейная душа – вне времени, и она ничего не забывает и будет помнить тех, кто забыт или исключен отдельными членами семьи. Исключенных людей можно найти по следам симптомов, которые проявляются в более поздних поколениях. Об этом явлении известно не только людям, которые знакомы с семейными расстановками, оно также обнаруживается и в контексте психоанализа, в семейной терапии и в других формах системной терапии.

Берт Хеллингер создал семейные расстановки из разных источников. Он обнаружил, что люди принадлежат не только к своей собственной семье, они также являются частью поля, которое он

называет «большей душой». Эта большая душа включает в себя всех людей. Каждый отдельный человек участвует в ней и испытывает различные ее влияния. Согласно Хеллингеру, эти силы, состоящие на службе у Большого, объединяют противоположности. В ядре большей души соединяются все полярности и решаются все парадоксы. В ней содержится активная сила, которая находится за пределами понимания и слов, и в конце все станет единым.

Я вижу и осознаю механизмы работы индивидуальной души, семейной души и большей души, но с годами мое внимание привлек еще один слой души. Где-то посередине между семейной душой и большей душой мы находим пласт, в котором индивидуум участвует в коллективных полях, и эти различные коллективы отделены друг от друга. Эти коллективные поля значительно больше и сильнее, чем семейное поле, но они не участвуют в процессе объединения всего в Единое, которое можно распознать в хеллингеровском пласте большей души. Я называю такие коллективные поля «коллективными душами»¹⁰.

То, что я называю уровнем коллективной души, – это не явление, которое обнаруживается специально и не имеет отношения к племенам в антропологическом смысле этого слова. Любой коллектив, который определяет себя как отличный от других, имеет коллективную душу. И поскольку существует много различных видов таких коллективных полей, то каждый отдельный человек является частью нескольких коллективных душ одновременно.

На уровне коллективной души мы отпускаем некоторые аспекты нашей индивидуальности. Здесь наша идентичность базируется на общности. «Я» освобождает место для чувства «мы». Активные и преданные фанаты футбольной команды объединяются в коллективную душу, так же как и члены религиозных групп, таких как Общество Сознания Кришны или Свидетели Иеговы. Коллективная душа создается, когда группа людей объединена сильными связями. Такие коллективные поля существуют какое-то время и умирают, когда группа распадается. Некоторые коллективные души существуют очень непродолжительное время, но некоторые поля коллективных душ существуют уже очень давно. Наиболее древние и наиболее мощные из них разделяются по границам полов и рас. Коллективные души, основанные на религии, также очень сильны, некоторые из них существуют уже тысячи лет и к ним принадлежат бесчисленные миллионы людей.

¹⁰ «коллективными душами» – в оригинале – *tribal soul*. – *Прим пер.*

Мы рождаемся в определенных коллективных душах, и мы можем присоединиться к другим по собственной воле. Мы, человеческие существа, не любим быть сами по себе, мы существа социальные. Мы хотим принадлежать, мы хотим быть в компании других, с которыми мы можем идентифицироваться, и на основе этой потребности мы формируем группы и коллективы.

Но принадлежность по определению сопровождается непринадлежностью: когда мы принадлежим к какой-то определенной группе, для нас автоматически исключается возможность принадлежать к некоторым другим группам. Как только мы принадлежим к первой коллективной системе, мы отделяемся от второй или даже отвергаем ее. Отождествление с одной конкретной системой означает разотождествление с другой.

Часто коллективные идентичности имеют несколько слоев. Более широкая христианская коллективная душа делится на православных, католиков, протестантов и некоторые другие ветви. Каждая из этих групп делится на подгруппы, которые, в свою очередь, тоже могут делиться. Каждая из этих подгрупп определяет себя как отличную от других, и эти различия иногда основываются на очень мелких деталях. И все же этих деталей достаточно, чтобы создать разделение между «нами» и «ними». Идентификация с разными ветвями и подгруппами коллективного поля варьируется при любой конфронтации с теми, кто не состоит в них. Протестант может идентифицироваться как коренным образом отличный от католика, но если на сцене появится мусульманин, то различия между ними станут вдруг менее значительными. Первые два станут вместе просто христианами. Мусульманин может быть суннитом и чувствовать свое превосходство над мусульманами-шиитами. Однако эти двое почувствуют себя едиными в своей вере, если на сцене появится еврей.

Существует много способов рассматривать двойственные динамики принятия одной идентичности и в то же время отвержения другой, и эти процессы были описаны многими способами. Берт Хеллингер описал динамику принадлежности к системе в терминах действия совести. «Порядки любви», описанные в его книге «Два рода счастья» (1998), написанной в соавторстве с Гунтхардом Вебером, знакомят читателя с революционным хеллингеровским анализом совести и с ее функцией столпа (основания) идентичности. Другие говорили о формировании групповых идентичностей с социологической позиции, или с бихевиористской, или с эволюционной. Каждый из этих «языков» будет подчеркивать некоторые

аспекты коллективных идентичностей и игнорировать другие, объясняя их существование в своих терминах. Ни одно описание устройства коллективного разума не может быть полным само по себе, так как у предмета есть много слоев и аспектов. Однако каждая точка зрения может добавить ценные озарения и сделать вклад в его общее понимание.

Описывая те слои коллективных полей, которые имеют отношение к моей работе с группами, я использую духовно-энергетический язык. Одним из инструментов, которые помогают мне объяснить этот концепт, является «колесо четырех направлений». Круг, разделенный на зоны: восток, юг, запад и север, служит картой физической реальности и одновременно является духовным инструментом для организации нашего восприятия и познания мира. На традиционном колесе каждое направление связано с определенным животным, концепциями и качествами. Разные шаманские культуры и племена разработали и используют очень отличающиеся друг от друга разновидности колеса, и все они правильные и верные для контекста, в котором они появились и в котором они используются. Самые известные – это колеса первых жителей Северной Америки и Канады, и многие люди называют их магическими колесами¹¹. Я не буду утверждать, что я понимаю колесо четырех направлений так же, как мои друзья и учителя-индейцы, и чтобы избежать впечатления, будто бы я представляю или объясняю их традиционные знания, я не использую термин *medicine wheel* и говорю просто о «колесе».

Колесо учит тому, что ничто не может существовать само по себе и напоминает нам о том, что мы можем узнать о чем-то, изучая контекст и окружение, в котором это что-то появилось. Это значит, что если мы хотим узнать больше о коллективной душе, то мы должны посмотреть, где находится ее место на колесе направлений и как она связана с другими уровнями души, которые уже были упомянуты: индивидуальная душа, семейная душа и большая, или универсальная душа.

Прежде чем мы сможем посмотреть на место каждого уровня души, мы должны понять фундаментальные динамики колеса. На востоке встает солнце. На юге солнце находится в зените. На западе солнце садится, и на севере его уже нет. Этот цикл начала, созревания, пика, завершения и исчезновения – один из фундаментальных паттернов, который показывает нам колесо. На востоке мы находим различные начала, которые мы можем

¹¹ Англ. *medicine wheels* – магическое колесо, шаманское колесо. – *Прим. пер.*

наблюдать в природе: восход солнца и утро, весна и прорастание семян. Восток – это также место рождения младенцев и цыплят, щенят и других детенышей. На юге мы находим солнце высоко в зените и полдень, лето и зрелость растений и животных. Запад приводит нас к заходящему солнцу и вечеру, к осени и пожилому возрасту. Север принесет нам тишину и темноту ночи и зимы, голые стволы и скелеты, пустоту. Однако тишина севера не безжизненна – когда дни станут длиннее и солнце наберет силу новой весной, на голых деревьях вырастут новые листья.

Северо-восток – это место или момент зачатия. Здесь встречаются яйцеклетка и сперма. Восток – это зона рождения и детства. Юг – это место взрослых, запад – место старых. Северо-запад – это место, где жизнь заканчивается. Это врата смерти. Север, наконец, – это время после смерти и до зачатия. Это место, где находится душа после физической смерти и перед рождением.

Когда мы смотрим на колесо, нам нужно помнить, что границы между направлениями не всегда так четко прочерчены, как может показаться на первый взгляд. Когда точно заканчивается весна и начинается лето? В некоторые годы можно действительно прочувствовать этот переход, но в другие годы смена сезонов – это постепенный процесс. Границы существуют, но колесо показывает нам паттерны внутренней соединенности, и иногда границы могут быть широкими и проницаемыми вместо того, чтобы быть жесткими и четко очерченными.

Рисунок 1. Колесо четырех направлений

Глядя на базовое колесо, можно обнаружить, что одной из самых важных полярностей является полярность между телом и душой. Физическое тело находится на юге, а дом души находится на севере. На юге мы находим физический мир во всех его формах, место, где осуществляются все взаимодействия между живыми существами. Юг – это место, где мож-

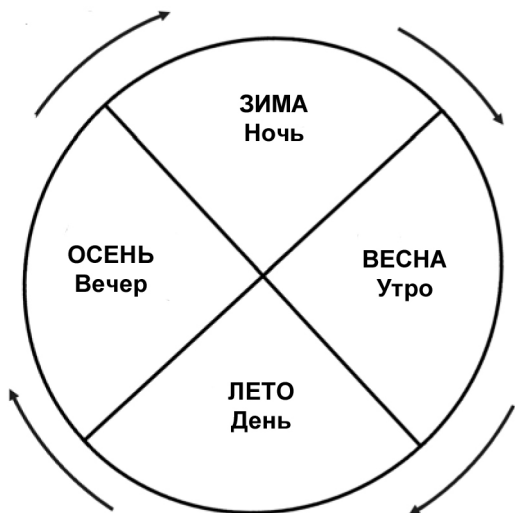

Рисунок 2.

Рисунок 3.

но быть воплощенным, и быть воплощенным не только в своем личном физическом теле, — это также место сообщества, к которому принадлежишь. Север является противоположностью воплощению — там мы находим мир бесформенности. Это также место, где накапливается мудрость, где каждый может найти своего рода обзор процесса жизни и умирания. Север — это дом души.

На колесе все отражается и взаимодействует. Восток может быть местом начала и весны, но и сама весна имеет начало, пик, окончание, а также фазу несуществования. Так, мы можем сказать, что на востоке мы находим все четыре направления, и то же самое будет верно и для юга, и для запада, и для севера. Если посмотреть внимательно, то каждое

направление является колесом в себе.

Мы уже знаем, что север — это место души. Таким образом, чтобы узнать больше о душе, мы можем сосредоточиться на севере, чтобы обнаружить то колесо, которое спрятано там.

Рисунок 4.

Рисунок 5.

На колесе души на севере мы можем найти четыре различных уровня души, каждый из которых будет располагаться на одном из четырех направлений.

Север – это место бесформенности, мудрости и покоя, так что для нас не будет сюрпризом, если именно здесь на колесе души мы обнаружим большую душу. На севере напряжения растворяются, потому что сама полярность исчезает. Люди, которые когда-то не могли поладить друг с другом, здесь примиряются. Противоположности трансформируются и становятся единым целым. Отождествление с ограниченными фрагментами реальности здесь остается позади. Север делает все это возможным, потому что он дает тишину, пространство и открытость. Север – это дом мудрости, а не деятельности. Это место бестелесности, место, где мы оказываемся, когда мы покидаем физический мир со всем его многообразием форм. На севере мы пережи-

ваем опыт единства, которое лежит в основе всего, и мы можем принять все аспекты творения. Но важно понимать, что мы можем это почувствовать только потому, что уже не находимся в мире по-настоящему. Север – это место отшельника, который отрекся от мира, дом монахов и монашек, которые отказались от всего. Здесь, на севере, мы находим время и покой, которые необходимы нам, чтобы почувствовать единство, лежащее в основе всего, единственную причину всех проявлений. Здесь мы находим хеллингеровскую большую душу, которая все объединяет. Я называю ее универсальной душой.

На юге мы находим коллективную душу. На этом секторе колеса душ мы находим различные характеристики юга, которые мы уже упоминали, но теперь они проявляются на уровне души. Юг – это место по-настоящему выросших форм, зрелости и активности. Дополнительные аспекты юга – это взаимодействие и общность. На юге мы никогда не бываем одни – ключевое слово здесь «сообщество». В сообществе есть много силы, оно всегда сильнее, чем отдельный человек. Когда ты являешься частью коллектива, ты добавляешь ему свою силу, и ты также можешь воспользоваться силой, которую вложили в него другие. Ты добавляешь свои знания о вещах, которые считаются ценными в данном сообществе, и у тебя есть доступ к мудрости других. Там есть энергия, жизнь и мощь. Во время совместной молитвы, совместного ритуала, танца в кругу или другой совместной деятельности границы между отдельными членами коллектива могут частично растворяться, и когда это случается, люди сознательно участвуют в большем сознании.

Однако у этого обогащающего опыта есть цена. Можно стать активным участником этого поля только за счет некоторых аспектов своей индивидуальности. В коллективной душе приветствуются те наши части, которые гармонируют с коллективом. Наша связь с группой сохраняется или разрушается в зависимости от того, хотим или не хотим мы поддерживать то, что считается священным в коллективе, и отвергать то, что отвергает коллектив. Коллективная душа требует идентификации с группой, коллективом и строится на ней.

Таким образом, коллективная душа окружена четко обозначенными границами, и по другую сторону этих границ существуют другие коллективы, другие группы. На юге принадлежность к одной системе автоматически означает отсутствие принадлежности к некоторым другим.

Таким образом, принадлежность, которую мы переживаем в коллективной душе, имеет другую природу, чем принадлежность через единство, которую мы переживаем в универсальной душе на севере. На юге принадлежность условная, на севере она безусловная.

На уровне универсальной души на севере нет ни интереса, ни потребности идентифицироваться с отдельным коллективом. Тут индивидуум чувствует себя частью всего в буквальном смысле. На севере больше нет границ, и таким образом тенденция к идентификации и разделению становится избыточной. На коллективном уровне единство, которое мы переживаем, – конкретизированное, ему нужны границы и оно зависит от них. Связи между членами группы существуют, потому что они продолжают помнить разницу между «мы тут» и «они там».

Мы уже знаем, что на колесе душ на севере находится большая душа, а на юге – коллективная душа. У первой нет границ, тогда как вторая определяется ими. Чтобы узнать больше об этих границах, нам нужно изучить два направления, которые соединяют север и юг: это восток и запад. Естественное движение круга – по часовой стрелке, и таким образом мы обнаруживаем, что установление границ происходит на востоке, а на западе они снова растворяются.

Восток – это дом семейной души. Мы уже знаем, что вос-

Рисунок 6.

ток, который является местом начинаний и начала жизни, также является местом ребенка. Ребенок не рождается из ниоткуда, он рождается у матери и отца. Когда мы говорим «ребенок» – мы подразумеваем, что речь идет о «маме, папе и ребенке». Ребенок рождается в семье и впитывает многие семейные ценности, идеи и идентификации. Так как семья предоставляет рамки для опыта ребенка и он не

может выжить без заботы и крыши над головой, которые дает семья, восток является местом семейной души. В самом начале жизни новорожденный ребенок не различает разные расы, религии, социальные классы или футбольные команды. Он только что прибыл прямо с севера и переживает опыт этого мира через северную перспективу всеединства. Но постепенно, по мере роста ребенка и формирования его личности, у него развивается все большее количество концепций по поводу самого себя и всех остальных. Когда ребенок наконец вырастает и уже готов покинуть родительскую семью, он покидает восток и входит в зону юга как молодой взрослый. Но к этому времени открытость севера уже осталась в прошлом, и вместо этой безграничности у него теперь есть множество идей, убеждений, мнений, отрицаний и предпочтений.

На западе, который является местом вечера и осени, с деревьев падают листья. Это место отпуская и, наконец, физической смерти. На западе мы находим индивидуальную душу. Мы можем прийти в этот мир только при помощи мужчины и женщины, которые становятся отцом и матерью, но умереть мы можем в полном одиночестве. На западе некоторые из крепко установившихся ментальных стен, воздвигнутых вокруг коллективной идентичности, становятся тоньше и исчезают. Это естественный и постепенный процесс. Осенью зеленые листья сначала становятся желтыми, потом коричневыми, потом их уносит ветер. Таким же образом некоторые грани идентичности, основанные на коллективной принадлежности, в каком-то месте начинают слабеть. Запад приносит процесс индивидуации, которая является отделением от ограниченной реальности коллективного мировоззрения. Это второй процесс отделения; но это растворение границ сильно отличается от процесса отделения от универсального единства, который случается на востоке. На востоке отделение происходит негативным образом – семья учит ребенка тому, что он должен принять, ясно показывая ему то, что он должен отвергнуть. На востоке мы отделяемся от универсального единства. Создаются точки зрения, сужающие наше видение, служащие разделению. На западе колеса люди начинают видеть сквозь некоторые коллективные конструкты. Они начинают открывать, формулировать и принимать индивидуальные ценности. Это отделение от группы и ее ограниченного способа видения. Запад помогает некоторым избавиться от ригидности и вдолбленных идентификаций, приобретенных на юге. Тут начинается процесс расширения и приветствуется более персонализированный опыт. Это не отвержение

коллективной души, к которой принадлежит индивид, но скорее расширение собственного внутреннего пространства, которое потом в свою очередь сможет включить в себя большее. Индивид начинает видеть и ценить сходства между различными системами вместо того, чтобы сосредотачиваться на их различиях. У полностью индивидуализированной души независимость тихая. Ей нет необходимости покидать коллектив и быть в одиночестве, она может оставаться членом коллектива и продолжать участвовать в нем, даже если со своей личной точки зрения она понимает ограничения и недостатки сообщества.

Ничто не статично, и хотя коллективная душа четко определяет свои границы (потому что ей необходимо отделяться от соседей), она тоже развивается, растет и со временем меняется. Могут развиваться новые идеи, тогда как некоторые вещи, которые ранее считались очень важными, могут постепенно отойти на задний план. Можно подумать, что изменения всегда приходят с востока, так как это место весны, утра, начинания и обновления. Это действительно так, восток может привести изменения в коллективную душу, но не каждая новая идея, которая родилась на востоке, может быть воплощена на юге. Ребенок, который готов совершить переход с востока на юг, только что прошел через пубертат. Мы уже знаем, что восток характеризуется формированием границ, и в это специфичное время такой процесс может быть довольно экстремальным. Некоторые молодые люди перенимают стиль одежды, который огорчает их родителей, или слушают такую музыку, которую их братья и сестры не могут выносить. Они становятся обидчивыми и не склонными к сотрудничеству. Это способ установить некоторого рода независимость, почувствовать более ясно, кто они такие сами по себе, вместо того чтобы постоянно сливаться с семейной системой, как это обычно требуется от детей. Для сторонних наблюдателей такие попытки приобретения независимости могут быть довольно потешными. Для самих же молодых людей это очень серьезный процесс. Однако та независимость, которую они пытаются установить на востоке, не очень глубока. Им не хватает опыта, «пробега», денег и навыков, и они необходимым образом продолжают зависеть от семьи и/или от общества. Присоединение к субкультуре может казаться актом бунтарства, но для большинства молодых людей это на самом деле время, когда они учатся быть активными членами доминирующей культуры.

Иногда подростки избегают входить в зону юга и отказываются входить в общество. Это значит, что естественный процесс

установления границ, который происходит на востоке, пошел как-то не так, и они остаются в вечной юности. Люди, которые отказываются входить в зону юга, обычно застревают в бунте, и у них редко получается оказывать влияние на коллективную систему, которую они отвергают, потому что они не взаимодействуют с ней уважительным образом. Они пытаются реформировать общество извне, вынося суждения и указывая на то, что неправильно, но они отказываются устанавливать настоящие отношения с ним. Поэтому коллектив не признает их как значимых членов и может легко отказаться от них. Единственные новые идеи, которые коллектив может впитать, – это те идеи, которые способствуют усилению коллективной идентичности, а поскольку часто идеи таких молодых людей основываются на отвержении коллектива, то лишь очень малая часть их вклада может быть интегрирована в доминирующий образ мышления.

Рост и изменение также могут приходиться с запада. У опытных членов коллектива есть мудрость и зрелость, чтобы предлагать изменения тут и там, и у них есть достаточный авторитет, чтобы воплощать их. Старшие предлагают перемены не потому, что они отвергают сообщество, но потому, что они его ценят и поддерживают. Они знают, что главное, что не должно меняться, а что можно безопасно подправить и изменить. Иногда старшие могут увидеть некоторую правоту в критике молодежи и поддержать ее. Тогда новые идеи, которые приходят с востока, попадают на юг, проходя через запад.

Коллективная душа преподносит много даров. Иногда мы можем пережить чувство единства с коллективом, которое выходит за пределы обычного переживания времени и пространства. Тогда мы как отдельные личности сливаемся с чем-то большим, мы участвуем в коллективном поле на уровне души. В такие моменты у нас есть прямой доступ к опыту и знаниям коллективной души. И в такие моменты коллективная сила поддерживает нас, но, к сожалению, нас ослепляют коллективные слабости и предрассудки. Это происходит с каждым из нас. Иногда это сознательный опыт, но чаще бессознательный. Тогда коллективная душа диктует нам, как нужно интерпретировать реальность – за счет индивидуального восприятия и рассудка.

Глава 3

СВЯЗИ С ПРЕДКАМИ

Из всех возможных коллективов, к которым мы принадлежим, поле наших предков имеет на нас особо сильное воздействие. Для лучшего понимания связи между душой и предками нам может пригодиться колесо поколений. Исследуя это особое колесо, мы снова начинаем с востока, который является местом восхода, весны и начинаний. Тут мы находим поколение новорожденных – детей. Мы следуем за колесом по часовой стрелке, и когда мы продвигаемся на юг, мы входим в фазу жизни, которая наступает после детства – взрослый или родитель. В следующей фазе жизни, на западе, родители становятся прародителями. Что происходит, когда поколение прародителей переходит в следующую фазу? Конечно, есть прародители, которые становятся прапрародителями, но я здесь имею в виду не это. Покидая запад, чтобы войти в зону севера, прародители проходят врата смерти, поэтому, воз-

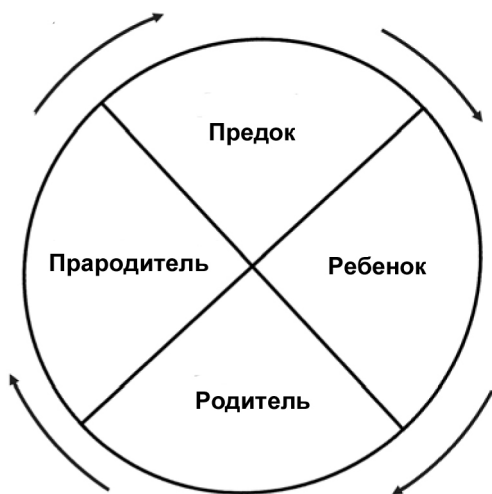

Рисунок 7.

можно, вопрос стоит переформулировать. Когда прародители переходят в следующий мир, то кем они становятся? Они становятся предками.

Если мы наложим это колесо поколений на первое колесо, которое я описал, мы увидим, что север теперь является одновременно и домом предков, и домом души. Колесо движется по часовой стрелке. Так, когда мы двигаемся с севера на восток, что-то движется вперед от предков и души к следующему поколе-

нию. Может быть, это можно описать так: родители дают ребенку физическое тело, а предки дают душу.

Многие люди думают, что душа – прозрачная, чистая, спокойная и прекрасная. Мы видели на колесе душ, что эти качества присущи большей или универсальной душе. Реальность, однако, такова, что ангельское сияние – это не единственная субстанция, из которой состоит наша душа. Колесо душ показало нам, что рядом с универсальной душой также существуют индивидуальная, семейная и коллективная души. И какой бы мирной и целостной ни была универсальная душа, на индивидуальном, семейном и коллективном уровне мы обнаруживаем все виды динамических проявлений: некоторые из них мы можем рассматривать как позитивные, другие – как негативные. И теперь, когда мы знаем, что север – это не только место души, но также и дом предков, мы можем понять, почему все это так. Предки влияют на все уровни на колесе душ, потому что предки и колесо душ накладываются друг на друга на севере базового колеса.

На севере хранятся воспоминания и переживания многих поколений предков. Север вне времени, он не знает ни прошлого, ни будущего. Опыт предков, однако, хранится не как старые истории, но как актуальные реальности. В области души горести и радости предков – это не прошлое, они продолжают существовать здесь и сейчас. В материальном мире нам известна линейность времени: наши тела со временем стареют, и по мере старения наша способность помнить понемногу снижается. Реальность души иная. В физическом мире мы можем легко забыть всевозможные вещи,

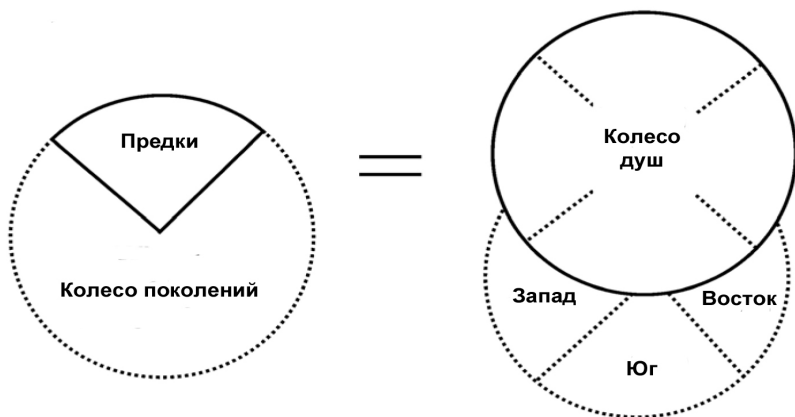

Рисунок 8.

но душа не забывает. Со временем мы можем переписывать наши истории, чтобы они выглядели красивее или уродливее, по нашему желанию, но душа ничего не меняет. Триумфы и поражения, надежды и разочарования наших предков – они всё еще все там, в определенной форме.

И в этом поле предков, которое пронизывает всю душу, мы находим не только присутствие предков, которые родили нас. Коллективная душа включает в себя всех, кто когда-либо принадлежал к полю предков, включая тех, кто умер молодым, и тех, у кого не родились собственные дети. Реальность души широка и пространна, она включает в себя и объединяет всех, кто принадлежит к коллективной системе, живых или мертвых.

Поскольку север – это место молчания, предки не говорят с нами вслух. Они шлют нам послания, но наши уши только изредка могут их услышать. Только когда мы близко подходим к северу, когда мы сами становимся очень тихими, мы иногда начинаем замечать наших предков. Иногда мы встречаемся с ними во снах или можем их увидеть, находясь в легком трансе. Их слова могут достигнуть нас, когда мы пусты, во время поста и молитвы. Различные шаманские традиции, как и многие другие культуры, знают, что некоторые люди могут легче слышать голоса своих предков, нежели другие. Такие люди получают специальное обучение, что поможет им служить обществу в качестве мостика между предками на севере и людьми в физическом мире на юге, между теми, кто уже ушел в другой мир, и теми, кто живет в этом. На Западе мы начали называть таких людей шаманами, но у каждой культуры для них есть свое название. Они могут пересекать границы духа, чтобы передавать сообщения туда и обратно.

Шаманские традиции поняли, что предкам нужны молитвы. Некоторые предки умерли трагично или в тяжелых обстоятельствах, и тогда им нужна будет некоторая помощь после физической смерти. Иначе в безвременном мире души их страдания будут продолжаться, и это будет затрагивать живущих. Мы не должны путать безвременное страдание в мире духа с продленным страданием, которое мы знаем в физическом мире линейного времени. Некоторые предки, которые тяжело умерли, как бы застряли, замерли во времени. Когда мы пытаемся понять это, нам это может показаться «вечностью», но в той реальности нет времени. Молитвы помогут этим предкам очнуться и осознать факт, что они уже умерли, и это поможет напомнить им, что они могут двигаться дальше. И если общих молитв недостаточно, тогда

шаманы могут пойти к ним и предложить им помощь. Традиции учат, что неважно, в каком месте и в каком состоянии находится умерший предок, опытный шаман обычно знает, как к нему добраться. Предки могут исцеляться, и их слезы могут высохнуть. Они могут присоединиться к тем, кто уже нашел покой.

На севере предки присутствуют со всеми своими воспоминаниями и переживаниями, счастливыми и печальными. Колесо учит нас тому, что все связано и что мы связаны с нашими предками, осознаем мы эту связь или нет. Силы предков будут касаться нас, и их тяжелое бремя будет влиять на нас тоже. Иногда мы хорошо себя чувствуем, и это случается потому, что мы настроены на волну радости наших предков. А иногда мы смотрим на мир через призму страданий наших предков. Позвольте мне поделиться с вами историей, которую мне рассказала моя подруга Сабина:

Некоторое время назад мой 7-летний сын не хотел доедать свою порцию еды, но я хотела, чтобы он доел. Я была настойчива, он начал жаловаться, я разозлилась, он начал ныть. Я думаю, вы можете себе представить эту сцену. Его нытье достало меня по-настоящему. Каждый раз, когда он это делает, что-то внутри меня ожесточается. В этот раз, как случилось иногда и раньше, я действительно сильно разозлилась на него и начала кричать. Я ненавижу это делать, но я не могла остановиться. Тогда мой муж посмотрел на меня и сказал спокойным голосом: «Возможно, тебе стоит посмотреть на заряд, который стоит за всем этим». Я вышла из комнаты и некоторое время стояла на балконе кухни. Размышляя о его предложении посмотреть, что же происходит, я сделала несколько шагов назад, представляя, что я вхожу в поле, которое оказывало такое сильное влияние на мое поведение. И тогда со мной случилось очень мощное переживание. Что-то пришло сзади и окатило меня. Это была странная и гибкая волна энергии. И вдруг я их увидела, действительно их увидела. Люди, идущие сквозь снег. Сотни людей, все идут в одном направлении. Люди разных возрастов. На земле много мертвых, в основном дети и старики. Все те, кто был слишком слаб, чтобы продолжать двигаться, или не мог согреться, упали и замерзли на снегу. Я каким-то образом была там и могла их видеть. Я слышала, как матери и отцы кричали детям: «Шевелитесь! Не останавливайтесь!» У некоторых детей кровоточили ноги, у некоторых отмерзли пальцы, все были истощены. Но родители должны были толкать и подгонять детей дальше: «То, что осталось позади – хуже, чем смерть, двигайтесь дальше!» Толпа двигалась как один большой организм, вперед и вперед. Оставляя за собой вереницу мертвых. Все те, кто не мог выдержать, просто останавливались, падали и умирали. Это был очень мощный опыт. Вам когда-нибудь приходилось бывать на по-настоящему сильном морозе? Холодный воздух, который попадает

в ноздри, создает в носу особые ощущения. Я почувствовала это, пока стояла на балконе. Я почувствовала запах этих людей, которые много дней не мылись, странный запах, как будто липкий, почти сладкий. Я чувствовала запах лошадей, у некоторых людей были лошади, они везли детей. Я видела их и чувствовала их запах, и я действительно чувствовала холод. Я слышала, как они кричат, и видела, как они падают и умирают. И тогда я поняла, что иногда я обращаюсь со своим сыном с той же жесткостью, недостатком чувствительности, с той же решимостью, как и те несчастные истощенные родители, которые подстегивали своих детей продолжать идти.

В последующие десять дней после этого переживания я каждый вечер выделяла время и молилась за этих людей. Я обнаружила, что я могла возвращаться к ним каждый раз. Опыт оставался таким же, как и первый раз: я ясно видела их, слышала их, чувствовала их запах и холодный воздух в носу. Я не взаимодействовала с ними, я просто была там с ними и молилась за них, особенно за тех, кто умер во время этого долгого и медленного бегства. Возвращаясь к ним десять вечеров подряд, я стала замечать, как часто я чувствовала то же, что те люди. Я часто чувствовала, как будто я шла с ними через обжигающий холод и снег. Никогда не оглядываться назад, никогда не думать о том, что осталось позади, только продолжать двигаться вперед – это довольно сильно определяет некоторую часть меня. Я увидела, что выжившие смогли сделать это благодаря своей решимости, увидела, что эта сила является и моим качеством. Еще я увидела, как им пришлось закрыться от некоторых частей самих себя, потому что это было ужасно и больно. Некоторые из них просто перестали чувствовать, вообще. Так много умерших...

Десять вечеров я молилась за них и узнавала о них. И оказалось, что таким образом я узнавала и о себе.

Мой отец австриец, моя мать полячка. Она происходит из той области, которая принадлежала Германии в то время, когда она родилась, но сейчас принадлежит Польше. Во время войны им пришлось очень трудно, но им никогда не приходилось бежать, как этим беженцам, по снегу. Это не происходило также с их родителями, прародителями или другими относительно близкими членами семьи. Очень похоже на то, что какие-то дальние родственники были в числе этих беженцев, шествующих где-то через Восточную Европу под конец войны, убегая от русских в зимние месяцы, но я не знаю, кем именно они могли бы быть. Некоторые из родственников моей бабушки по матери умерли во время войны, и отец моей матери был убит под Сталинградом. Кое-кто из его родственников тоже не выжил в этой войне. Но они не умерли среди этих беженцев, насколько мне известно. Я не думаю, что мой опыт соединения с этими беженцами происходит непосредственно из моей семьи. Это похоже на память другого рода. В этом переживании я была вместе со всеми этими людьми в снегах, я не сосредотачивала внимание на одном или двух. Я как бы была частью всей группы,

частью коллектива. Я уверена, что это переживание происходит из коллективной души, частью которой я являюсь. Оно произошло из моей врожденной связи с народами Восточной Европы. Даже если эти люди, которые убегали от русских, прибыли в конце концов в какое-то безопасное место, то все равно в безвременном мире духа есть место, где они по-прежнему идут. И моя одинокая молитва недостаточно сильна, чтобы всерьез повлиять на это. Чтобы действительно что-то изменить, потребуется много людей и много молитв, и молитвы должны будут длиться довольно долго, чтобы достигнуть всех их. Но лично для меня произошло важное изменение: теперь я знаю, что они там есть и что я связана с ними. Я чувствую, как будто всю мою жизнь за ширмой шел фильм, и теперь ширму убрали. Теперь я знаю. Не то чтобы у меня были галлюцинации или я их в буквальном смысле все время видела, но где-то в углу моего сознания я знаю, что они есть. Я не забываю о них.

Несколько дней назад я снова разозлилась на сына, и я вдруг почувствовала этот сладковатый липкий запах снова, и на мгновение я вдыхала холодный воздух, я его чувствовала ноздрями. Тогда я поняла, что я снова, в очередной раз смотрю на мир глазами этих беженцев, дышу их ноздрями. И действительно, я почувствовала, как я внутри стала очень жесткой и очень уставшей, и я принуждала моего сына, пытаясь заставить его делать то, что мне казалось необходимым. Теперь я осознаю, что таким образом я сливаюсь с частью коллективной души. Это значит, что я также могу отделяться от этих людей и продолжать молиться за них. Без сомнения, жизнь для меня стала намного легче с тех пор, как это все прояснилось. Я стала добрее, стала менее жесткой. Мне уже не нужно использовать всю эту силу, если я хочу, чтобы мои дети что-то сделали. Я чувствую себя более расслабленной с ними, я стала добрее и к самой себе.

В этой истории мы видим, как коллективная военная травма, которую разделили тысячи и тысячи людей, хранится в замороженном виде в коллективной душе. Как обнаружила Сабина, такие коллективные травмы могут становиться непознаваемыми факторами в нашей ежедневной жизни, вмещиваясь в наши отношения и деформируя наше видение мира. Хотя она и не знает ни о ком из прямых членов ее семьи, кто был вынужден бежать вот так через Восточную Европу во время войны, она участвует в этой памяти. У Сабины есть прямой доступ к ней, потому что она принадлежит к той же коллективной душе, что и те люди, которые бежали в снегах.

В августе 2005 года мир стал свидетелем схожей динамики во время вывода еврейских поселений из сектора Газы. Любопытное и волнующее явление проявилось за недели до вывода. Многие

протестующие еврейские поселенцы начали носить оранжевую звезду Давида на своих одеждах, очень похожую на желтые звезды, которые нацисты заставляли носить евреев. Эта акция продлилась недолго, потому что она дискредитировала протестующих в глазах всей израильской публики. Но все же разные виды символики времен холокоста всплывали в эти недели до вывода: некоторые люди, которых выслали из Газы, начали писать свои номера социального страхования на руках, что было похоже на номера, вытатуированные на руках пленных концлагерей; другие протестовали против выселения в хорошо известных одеждах в сине-белую полоску, что напоминало одежду пленников концлагерей. Все это очень смущало, и большинство людей в Израиле рассматривало эти акции как выход за те границы, за которые выходить нельзя.

Во время этого процесса в Израиль съехались молодые евреи со всего мира, чтобы помочь защитить поселения от израильской армии, которая собиралась их ликвидировать. Большинство приехало из Америки, и многие из них происходили из семей, которые покинули Европу за несколько десятков лет до холокоста. Поколение прабабушек и прадедушек этих молодых людей бежало не от нацистов, а от взрывов антисемитского насилия в Восточной Европе и Украине в конце 19 века. Молодые американские евреи занимали пустые дома, которые уже покинули настоящие владельцы за несколько дней или недель до этого, и когда армия пришла, чтобы вытащить их оттуда, они кричали: «Не смейте выгонять меня из моего дома, вы, нацисты!» В этом мы можем узнать силу коллективного кошмара в Шoa¹² – он крепко держал этих молодых американцев в своей хватке. Из всех возможных реакций, которые у них могли быть, верх взяла именно память о коллективной травме, и в действительности все эти протестующие переживали опыт прошлого «здесь и сейчас», были в полной идентификации с ним. В один день солдатам удавалось вытащить их из домов, но на следующий день они находили тех же молодых людей в другом покинутом здании. Ночью они занимали новый пустой дом, и снова молодые активисты орали: «Мой дом! Мой дом! Нацисты уничтожат нас всех!» Это был кошмар во многих смыслах, не только для людей в тех домах. Большинство солдат были полностью шокированы, так же как и израильтяне, которые наблюдали эти сцены дома по телевизору.

¹² Шoa – катастрофа, гибель европейского еврейства во Второй мировой войне. – *Прим. пер.*

Этих американских детей легко классифицировать как истеричных религиозных фанатиков, которые злоупотребляли прошлым в политических целях, попавших в нездоровую идентификацию с жертвенностью. Возможно, такие суждения имеют в себе долю правды и объясняют часть того, что происходило. Но для меня религиозный и психологический уровень не объясняет особую интенсивность депортации из Газы. Вывод из Газы в 2005-м, со всей его потрясающей интенсивностью событий, является ярким примером бессознательной передачи из коллективной души.

К счастью, на нас может воздействовать не только травматический опыт наших предков или коллективных полей, к которым мы принадлежим. Поля предков также хранят вне времени много хорошего, и мы можем соединиться и с этим тоже. Когда случается такое соединение, мы можем испытать мощное ощущение целостности и силы. В своей книге «Восхождение на Святую гору» рабби Дэвид Купер рассказывает удивительную историю о неожиданном проявлении коллективной души. Дэвид Купер происходит из светской еврейской семьи, он не получил традиционного религиозного воспитания или элементарного еврейского образования. Он почти ничего не знал об иудаизме. Однажды, будучи уже взрослым, он побывал на лекции рабби Залмана Шахтер-Шаломи, который сказал аудитории, что если кто-то из присутствующих хочет стать раввином, то он может обратиться к нему. Слова «стать раввином» запали Дэвиду Куперу в душу, и через несколько месяцев он наконец договорился о встрече с Залманом Шахтером. Во время этой встречи реб Залман спросил его, не хочет ли он получить опыт ношения тфилин. Ему пришлось объяснить Дэвиду Куперу, что тфилин – это такие молитвенные завязки, которые ортодоксальные иудеи используют во время утренних молитв. Набор тфилин состоит из двух маленьких квадратных коробок, сделанных из сыромятной кожи кошерных животных, одна привязывается на лоб, а другая – к левой руке, при помощи кожаных тесемок.

Залман Шахтер взял свой собственный набор тфилин, помог Дэвиду Куперу надеть их и потом оставил его в тихой комнате примерно на час. Дэвид Купер пришел в состояние измененного сознания, в котором он увидел много древних еврейских символов, о которых он ничего не знал. В своем видении он обнаружил, что он понимает иврит, и он увидел высокого священника времен Первого Храма, а также некоторые предметы и ритуалы, которые использовались в те времена. В конечном счете он утратил свое привычное самосознание и полностью растворился в тишине.

Когда реб Залман вернулся и позвал его, к Дэвиду вернулось обычное состояние, и он обнаружил, что его лицо мокро от слез.

Дэвид Купер объясняет, что содержание своего видения он понял только через годы и что он по-прежнему очень озадачен этой передачей традиционных еврейских символов и знаний. Он спрашивает себя, не связано ли это с древним мистическим представлением, будто бы у евреев есть еще одна душа, которой нет у других людей, – представление, которое он упоминает, но отвергает, потому что оно пахивает превосходством и исключительностью. Для него точная динамика, которая вызвала это переживание, остается неразгаданной.

На некотором уровне у евреев действительно есть особая душа, которой нет у других. Но традиционное представление не исчерпывающее. Нужно добавить, что эта особая душа – она не личная, а коллективная, и этот вид души есть не только у евреев, а у всех. У не-евреев тоже есть «еще одна душа», в зависимости от их собственных связей с предками. Для каждого из нас эта «еще одна душа» – это слой души, который мы разделяем с другими представителями нашей группы. Таким образом, существует особая душа, которая есть только у евреев и которой нет у остальных народов, или, по крайней мере, у них нет вот этой конкретной души, которую разделяют все евреи. Но также верно и то, что у других есть «еще одна душа», которой нет у евреев.

История Дэвида Купера – это красивый пример внезапного погружения в коллективную душу, и на самом деле это случается не так уж редко. Я слышал подобные истории от разных людей, имеющих разное происхождение. У каждого из нас есть предки, и если связь с ними вдруг активизируется, то коллективная душа говорит с нами и делает нас участниками памяти наших предков. В истории Дэвида Купера важен тот факт, что ему было предложено надеть личный тфилин реба Залмана Шахтера. Такие личные ритуальные предметы, которыми пользуются ежедневно год за годом при молитве, являются мощными духовными инструментами. Помимо силы этого конкретного набора тфилин, которая произошла от многократного личного использования, традиция ношения тфилин во время утренних молитв насчитывает в буквальном смысле тысячи лет, и этот ритуал создает немедленную и сильную связь с полем предков. В дополнение ко всему этому Дэвид Купер получил благословение от реба Залмана Шахтера, когда он впервые в жизни надел тфилин. Все вместе сработало и открыло канал к коллективной душе широко и ясно, а молитвы и

духовный контекст подкрепили понимание, что оттуда идет что-то мощное и укрепляющее.

В традиционных шаманских культурах предки всегда находятся рядом с живущими. Я слышал, как старые коренные жители разных племен говорят, что любой выбор, который мы делаем, должен быть сделан с учетом семи следующих поколений, и также каждая наша молитва должна упоминать эти поколения. Таким образом, они не только учат свою молодежь вести себя подобающим образом, они также учат тому, что семь поколений, которые жили до них, молились за них и думали о них. Так, многие молитвы будут не только о будущих поколениях, но в них будут и слова благодарности тем, кто был тут до них. Такие молитвы создают связь с предками, которой можно активно пользоваться в случае необходимости. Примеры, приведенные в этой главе, показывают, что передачи из коллективной души могут быть негативными или позитивными. Народы традиционных культур, для которых коллективная душа – реальность, знают об этом, и у них есть много способов сделать так, чтобы их связь с предками приносила пользу.

Я завершил вступление к этой книге сном, в котором я научился песне, которую потом использовал на церемонии после пробуждения. Этот сон был первым в длинной череде снов, в которых я научился у моих предков разным мелодиям. Очевидно, связь с еврейской коллективной душой открылась так сильно, что все эти способы прямой передачи стали возможными для меня постоянно. Сначала я не разговаривал с раввинами или другими людьми из еврейской общины о том, что происходило. Еврейская традиция, как и многие другие, не особо поощряет людей открыто говорить о своих личных духовных переживаниях. Потом, через некоторое время, этот процесс стал более интенсивным, и в своих снах я начал учить иврит и каббалистические концепты. В тот момент я почувствовал, что мне нужно начать искать старшего духовного наставника-еврея. Через друзей я познакомился с ребом Залманом Шахтером-Шаломи, который поощрил меня в моих поисках и открытиях, которые приносили мои сны. Я бы хотел поделиться с читателями одним из снов, в котором я выучил одно слово на иврите, потому что это пример того, как передача из коллективной души может по-настоящему благословлять и исцелять нас. Он также показывает, что часто, когда мы молимся о других, мы сами получаем благословение.

В многоквартирном доме, где я жил, также жил один пожилой господин. Я его встречал то тут, то там в окрестностях дома,

иногда мы встречались в местном магазине здоровых продуктов питания. На протяжении нескольких лет мы говорили друг другу только «доброе утро» и «добрый вечер», иногда мы обменивались парой фраз о погоде, как это принято у голландцев. В какой-то момент я заметил, что моему соседу трудно ходить. Он начал использовать трость. Однажды, встретив его в магазине, я предложил ему донести сумки с покупками до его квартиры. «Спасибо за предложение, но я не думаю, что это уже необходимо», – ответил он мне с улыбкой. «Дайте знать, когда будет пора, мое предложение будет оставаться в силе», – ответил я. Я повторил свое предложение еще несколько раз по соответствующим поводам, но он все еще был способен сам носить свои сумки с покупками. Через некоторое время, когда мы снова встретились в лифте, он спросил меня, не могу ли я ему помочь. Через пару недель ему предстояла операция на бедре. И у него не было никого, кто мог бы помочь ему с покупками. В действительности ходьба была уже так болезненна для него, что он уже не мог сам носить сумки. Он сказал, что сейчас он направляется в магазин, и спрашивал, смогу ли я забрать там его покупки сегодня или завтра. Я сказал, что буду рад помочь. Чуть позже в тот же день я стоял перед дверью его квартиры с его пакетами из магазина. Пока я ждал, чтобы мне открыли дверь, я заметил мезузу – это такой небольшой предмет, который соблюдающие традиции евреи прикрепляют к дверному косяку, в нем содержится кусочек пергамента с особым текстом, написанным от руки. Я не знал, что мой сосед еврей. Когда он открыл мне и я вошел, я прикоснулся к мезузе особым жестом, который делают ортодоксальные евреи, когда проходят мимо, и мы улыбнулись друг другу.

Его операция на бедре прошла по плану, но восстановление шло не очень хорошо. Все заживало очень медленно, и мой сосед страдал от постоянных болей. С того дня, когда он вернулся домой, я навещал его ежедневно (кроме тех случаев, когда я уезжал из страны по работе), я приходил спросить, как у него дела и принести ему еду и что еще было нужно. Я не предполагал, что мое предложение помощи будет значить, что я буду видеть его ежедневно, но я следовал тому, что было продиктовано необходимостью.

Однажды я нашел старика плачущим в кровати от боли, и я начал молиться, когда вернулся к себе. Я чувствовал уверенность, что какие-то из песен, которые я выучил во снах, могут ему помочь. Некоторые из них помогли облегчить разные виды боли у других людей. Но что же делать? Нельзя просто предложить человеку

исцеление, он должен попросить об этом сам. Это одно из самых важных правил, которое я выучил у традиционных учителей. Однако мой сосед не знал о том, что он может попросить у меня об этом виде помощи. Он не знал о моих снах. Он не знал о том, что мне были даны некоторые песни, которые облегчают боль – не песни других культур, а еврейские песни. Для него как соблюдающего традиции еврея это было бы важно. Что же я мог сделать? Его боль была такой сильной, что мне было трудно смотреть, как он страдает. Но поскольку всегда разрешается молиться за кого-то, то это я и сделал. Я попросил о помощи для своего соседа и попросил наставления о том, какой должна быть моя роль.

Той ночью мне приснился сон. Я сидел напротив одного из моих предков, который в предыдущих снах учил меня песням, но я не мог видеть его лицо. В левой руке у меня были буквы на иврите. В то время я знал всего несколько слов на этом языке и я даже не знал точно, как некоторые из этих букв надо правильно произносить. В том сне мне было сказано, что я должен сосредоточиться на имени Создателя, которое состоит из четырех букв, и пока я это делаю, я должен взять четыре буквы, которые были в моей руке, и положить их на стол. Я последовал этим указаниям, и когда я увидел образ черных букв на светлом столе, я проснулся. Я записал буквы в свой дневник снов. На следующее утро я позвонил подруге, которая знала библейский иврит. Было бы совершенно бесполезно спрашивать у кого-то, кто говорит на современном иврите, на котором говорят сейчас в Израиле; хоть он и происходит от древнего иврита, но фактически это уже другой язык. Подруга заверила меня, что такое слово есть, но ей нужно было проверить в своих словарях его точное значение. Слова на иврите записывают только при помощи согласных букв, и написанные слова можно произнести различным способом. Каждое произношение имеет свое значение. Первое произношение было *samuch*, и его значении было «бок-о-бок», рядом друг с другом, «прилегающий». Второе слово было *samosch*, что значит, поддерживающую палку, которую втыкают рядом с растущим деревом. Это я тоже мог понять, так как я делал покупки и всячески помогал ему. Третье слово снова произносилось *samuch*, но оно означало что-то вроде «быть посвященным через рукоположение». Это значение относится к ритуалу, в котором новый раввин рукополагается в сан его учителями, когда они кладут на него руки в благословляющем жесте. Я почувствовал, что третье значение сообщает, что мне было позволено поговорить с соседом и рассказать ему о

моей работе, что я мог ему сказать, что если он хочет, то может попросить меня спеть для него. Несколько лет спустя один друг в Израиле сказал мне, что слово, которое я видел во сне, можно также прочитать как *smoch* на современном иврите, что означает доверие. Я был счастлив, потому что я знал, что мои предки считают меня достаточно квалифицированным, чтобы помочь. Я решил сказать соседу о моих молитвах, о сне, и о значениях слов. Он ответил после некоторого размышления: «О'кей. Я бы хотел, чтобы ты спел для меня немного сегодня вечером, перед тем, как я лягу спать». Я уже заходил к нему каждый вечер перед сном, в ту ночь я просто посидел с ним немного дольше и немного попел. На следующий день он сказал мне, что боль уменьшилась, и помимо этого еще что-то начало исцеляться. Но подробности – это его история, а не моя, и поэтому я не могу сказать об этом больше сейчас. Следующие несколько недель каждый вечер перед сном я пел ему некоторые исцеляющие песни из моих снов. Потом, в один день, он сказал мне, что уже достаточно, и я перестал. Песни дали ему то, что могло быть дано, и мы больше об этом не говорили. Для многих из тех, кто прошел через холокост, тяжело просить о помощи, потому что это напоминает им о предельной беспомощности, которую они тогда пережили. И если даже просить о помощи тяжело, то получать ее еще труднее. Итак, мы говорили о других вещах, хотя мы по-прежнему ежедневно виделись еще некоторое время. И я и сейчас еще навещаю его время от времени, хотя ни один из нас уже не живет в том многоквартирном доме.

Глава 4

КТО ПРИНАДЛЕЖИТ?

Керстин участвует в моих семинарах вот уже несколько лет, и она всегда была милым дружелюбным человеком, с которым приятно находиться рядом. Но по мере того, как я узнавал ее лучше, я начал замечать, что ее дружелюбность казалась смешанной с какой-то потребностью извиняться или даже быть неким образом невидимой. Однажды Керстин сказала мне, что у нее по линии отца есть предки синти и что она бы хотела сделать расстановку в связи с этим. Синти и рома – это два основных цыганских племени, которые бродили по Европе сотни лет. Ни синти, ни рома никогда не присоединялись к доминирующей культуре в разных странах, где они жили, и в семьях, где есть предки-цыгане и предки-не-цыгане, цыганские предки часто отрицаются и высмеиваются, и таким образом они исчезают из семейной картины. Когда я услышал об этом аспекте происхождения Керстин, мне стали более понятны системные воздействия, которые влияют на ее слегка извиняющуюся осанку.

Я сказал, что для нас это будет честь – пригласить ее предков синти в нашу группу и что мы можем сделать расстановку, которая позволит ей отдать дань уважения всем своим различным предкам и их выбору. Сначала Керстин выбрала заместителей для своего отца и его брата, а потом для их родителей. Потом я попросил ее выбрать кого-то для заместителя несломленной силы синти и поставить этого заместителя где-то позади родителей отца. После того как она сделала это, ей нужно было решить, сколько еще поколений стояло между ее прародителями и этой несломленной силой.

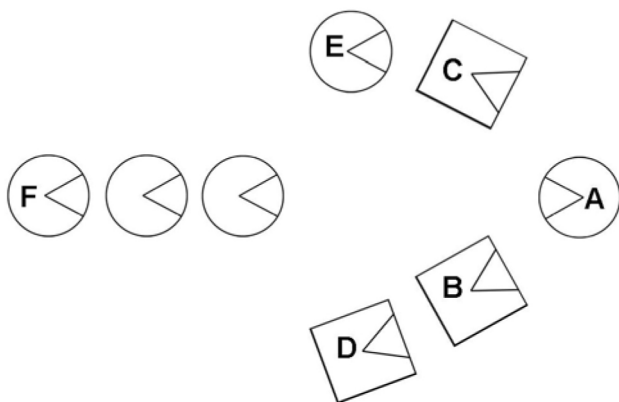
Я обнаружил, что в такого рода расстановках ближайший предок, который на 100% синти (или коренной американец, или зулус, или еврей), не обязательно является тем, кто все еще находится в контакте с несломленной силой. Иногда надо добавить еще несколько поколений, прежде чем найдется кто-то, кто находится в полном контакте. Керстин решила, что нам нужно еще два поколения, поэтому мы поставили двух заместителей для них.

Керстин начала с выражения почтения своему отцу и дяде, и она сообщила им о своей потребности соединиться с корнями предков.

Она попросила разрешения стать перед несломленной силой синти, которая была спрятана в прошлом. Она признала выбор отсоединиться от корней, который сделало поколение ее отца, и выразила уважение этому выбору:

– Я не полностью синти, и я не собираюсь или хочу вдруг такой стать. Но я – Керстин, и у меня есть предки-синти, это часть моих корней, и я хочу соединиться с ними, чтобы знать, что я целая, чтобы стать целостной. Я очень жду встречи с ними. У вас были свои причины, чтобы отвернуться от наших предков-синти, но для меня сегодня ситуация выглядит по-другому. Я очень жду встречи с ними и прошу вашего согласия открыть мне путь.

Слова Керстин явно принесли облегчение заместителям отца и дяди, и они почувствовали, что могут отойти в сторону. Для Керстин открылась дверь, чтобы встретиться со следующими людьми в ряду, с ее бабушкой и бабушкой по отцу. Тот же базовый шаг был повторен в каждом поколении, пока она не смогла встретиться с силой синти, воплощенной последним предком в ряду. Этот предок признал Керстин как своего потомка и был рад приветствовать и благословить ее. Пока она возвращалась с благословением на свое место, все поколения, включая отца и дядю, выразили свою поддержку. Они были рады, что кто-то

А – Керстин; В – Отец; С – Дядя; D – Дедушка; E – Бабушка;
F – несломленная сила синти
Рисунок 9.

делает это, и они почувствовали, что шаги Керстин сделали их сильнее. Было ясно, что она это делает не только для самой себя, но и для всей семьи.

Через два дня после этой расстановки Керстин написала мне письмо.

Дорогой Даан,

Когда я вчера вечером вернулась домой после семинара, там меня ждал небольшой пакет. Я открыла его и обнаружила словарь языка цыган рома, который послал мне хороший друг. Так как я немного стеснялась открыть его, то мой муж предложил мне почитать вслух. И я обнаружила, что я слушаю историю племен рома и синти и об их языке. Это было невероятное начало.

Далее, сегодня утром я поговорила с мамой. Она сказала мне, что мой отец в последнее время беспокоился по поводу того, что он не чувствовал себя способным уважать своих предков. Его проблемы с сердцем и диабетом за последний год усугубились. Это глубоко тронуло меня, так как на разговоры об этой части семьи было табу на протяжении долгого времени. Мама сказала, что она заметила, что отец стал спокойнее после последних выходных.

Сегодня утром я снова пробовала слушать цыганскую музыку. Когда я пробовала это делать раньше, то я едва могла дослушать до конца одну песню, так больно это было. Сегодня все было по-другому, я могла наслаждаться этими красивыми песнями, их печалью и их радостью. Я впервые смогла позволить себе почувствовать глубокие чувства и соединенность, которые эта музыка пробуждает во мне.

Удивительно, что все это случилось в такое короткое время после семинара.

Я исполнена благодарности во многих смыслах,

Керстин.

Через год Керстин прислала мне еще одно письмо, сообщая, что проблемы с сердцем у ее отца прошли и что он в целом чувствует себя больше в ладу с самим собой и с другими. Когда о предках-синти вспомнили, то появилось больше уважения, и члены семьи стали друг к другу ближе, чем раньше.

Многие из нас происходят из семей, в которых смешаны расы, религии и национальности. И глядя на детей, у которых одинаковое смешанное происхождение, часто можно заметить, что у каждого ребенка своя особая связь с определенной группой предков. Один ребенок может, например, чувствовать большую связь с индонезийским дедушкой и группой предков, связанной с ним, тогда как другой ребенок будет больше связан с японской частью семьи. Интересно, что предки могут «распределяться не-

равномерно» среди детей. Глядя на это с точки зрения души, можно сказать, что первый ребенок принадлежит к одной коллективной душе, второй – к другой, и так далее. Эта динамика не всегда очевидна, и бывают дети в смешанных семьях, которые чувствуют, что они принадлежат ко всем системам или, наоборот, ни к какой не принадлежат. Но одно или два поколения спустя их потомки могут обнаружить, что их необъяснимым образом тянет к какой-то одной группе предков.

У каждой коллективной души есть ядро, границы и поле, которое находится между ними, и между этими тремя позициями есть значительная разница. В ядре можно найти людей, у которых совершенно нет вопросов об их принадлежности. Они отвечают всем критериям, которые группа установила для своих членов. Люди, которые находятся в сердце группы, смотрят внутрь, в центр. Их стиль жизни, их выборы – все направлено на активное участие в группе. Если смотреть из центра, то ядро группы – это единственное место, которое имеет значение. То, что происходит вне ядра и ближе к границам, едва ли имеет значение. Люди в ядре полностью идентифицируются с этим положением и у них нет особой потребности вести диалог с людьми, которые не полностью принадлежат к этому месту.

Между центром и периферией коллективной души находятся разные типы людей. Одна группа состоит из тех, чье членство немного под вопросом, поэтому они не могут принадлежать к группе ядра. Они могут иметь смешанное происхождение или их поведение не всегда гармонирует с правилами группы. Некоторые из людей посередине хотели бы принадлежать к группе ядра, и они пытаются найти туда дорогу. Это движение возможно, но оно может быть очень медленным. Для некоторых может потребоваться несколько поколений. Например, я родился на острове, мои родители «эмигрировали» туда с материка. Я не считался островитянином, хотя и родился там. Если бы я остался на острове и женился там, то мои дети были бы первыми, кто считался бы настоящими островитянами. Только тот, чей отец и мать были рождены на острове, может принадлежать к этой особой группе.

Область коллективной души, которая лежит между ядром и границами, также населена теми, у кого есть полноправное членство, но кто покинул или покидает ядро, потому что им интересно то, что происходит в других местах, или потому что они хотят избежать ограничений, которые налагают на них люди в центре.

На самом краю коллективной души люди покидают систему и присоединяются к ней. Во времена покоя и расслабленности границы между разными племенами значительно более проницаемые, чем во времена напряженных отношений. Во времена войн и преследований границы полностью запечатываются. В донацистской Германии, например, было много браков между евреями и немцами. Когда пришел к власти Гитлер и правительство стало антисемитским, количество смешанных браков резко снизилось, еще до того, как их официально запретило государство.

Некоторые люди, которые покинули коллектив, никогда не вернуться. Они вступают брак с кем-то за пределами группы и присоединяются к группе партнера. Другие могут уходить просто потому, что они отвергают образ жизни и верования, которые предписывает группа, или потому, что они нашли лучший способ жить, чем тот, который им предлагался.

Войти в коллективную душу можно через брак, обращение в веру или пройдя определенные тесты на соответствие критериям, требуемым для членства. Вхождение в четко определенную коллективную систему никогда не бывает легким, потому что это требует новой ориентации, которая может затронуть многие, если не все аспекты жизни. Люди, которые хотят присоединиться, должны иметь сильную мотивацию. И даже если они пройдут, то они могут обнаружить, что по крайней мере некоторые люди в ядре группы будут все еще отвергать их. С перспективы центрального ядра такое отвержение вовсе не странно. Кто-то, кто уже покинул свое племя, чтобы присоединиться к другому, не был лоялен своей изначальной группе. Такое отсутствие лояльности с точки зрения коллектива является сомнительной чертой. Если кто-то однажды уже сменил свою лояльность, значит, он может сделать это снова, поэтому лучше сразу держать этого человека на расстоянии.

Представление о коллективной душе как некоей биологической клетке с ядром и мембраной, заполненной внутри жидкостью, немногочисленно. Могут быть маленькие коллективы, у которых одно ядро, но большие группы и коллективные объединения на самом деле состоят из различных ядер. У Керстин есть предки-цыгане, эта группа делится на две части – синти и рома. Рома делятся на различные группы: кэлдэрары, ловари, сэрвы, влахи и др. И далее конечно же они снова разделяются на подгруппы. Для тех, кто находится вне группы, может казаться, что все цыгане, евреи, китайцы, христиане, бельгийцы, буддисты или мусульмане

принадлежат к одной большой группе, и на каком-то уровне так оно и есть. Но такие большие коллективы на самом деле многослойны и разделены на сектора.

Различные подгруппы, которые принадлежат к одной большой системе, могут чувствовать себя едиными, когда они имеют дело с «чужаками», но как только чужаки уходят, разделения внутри племени вновь становятся заметны, и старый привычный способ мышления – «я отличаюсь от тебя» (читай: «я лучше тебя») – снова занимает свое место. Например, ортодоксальные евреи будут чувствовать себя больше евреями, чем «модерн ортодокс». «Ортодоксальные модернисты», в свою очередь, могут чувствовать легкое превосходство над консерваторами, которые в свою очередь более основательны, чем евреи-реформисты. Эти разные группы на самом деле являются подгруппами с разными центрами, которые сосуществуют в коллективной еврейской душе. Каждая из них ценит свою независимость, они хотят быть отдельными, и они действительно отделены друг от друга, и в некотором смысле каждая группа видит своих соседей как чужаков. Но все они встанут бок-о-бок, если в воздухе витает антисемитизм. Это явление присуще не только еврейским группам, это универсальный паттерн, который можно заметить во всех больших коллективах.

Когда различные группы в рамках большого коллектива тесно связаны друг с другом, то у каждой из них будет свое хорошее место и ей будет позволено сохранять его. Но если некоторые элементы коллектива будут определены как чужеродные, то они могут потерять свое место, их могут забыть или исключить. Например, Керстин выросла в Германии. Там, как и в остальных государствах Европы, цыгане никогда не принимали участия в доминирующей культуре. У самой Керстин не было осмысленной, прямой связи с народом своих предков, потому что немецкая культура не поддерживала ее в том, чтобы открыто признавать эти особенные корни. Но забыть и не смотреть на своих предков, как это диктовалось правилами семьи, плохо сработало для Керстин. Она жила с усиливающимся чувством, что она отрезана от чего-то жизненно важного, чего-то сущностного. Наконец, через многие годы она отвела на зов предков и смогла найти способ соединиться с ними.

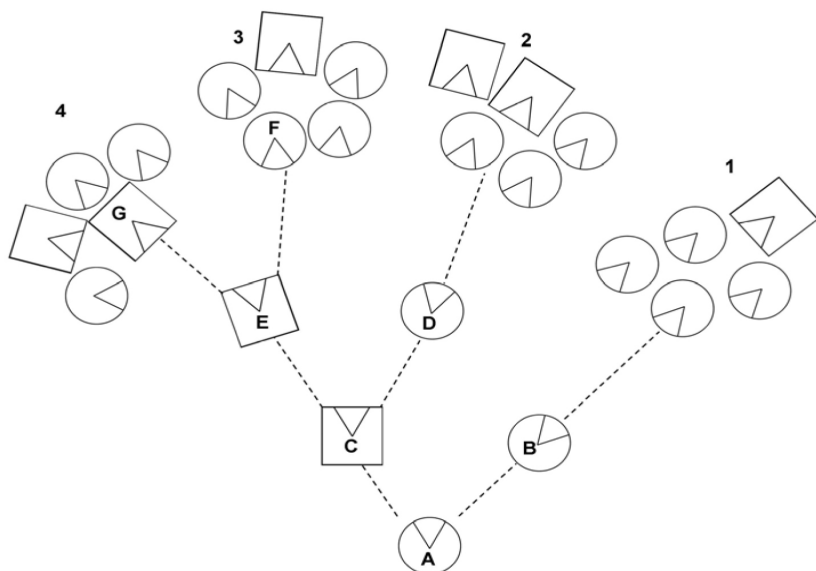
В первый день одного семинара в Голландии одна участница по имени Неска попросила сделать расстановку для нее. Она сообщила мне, что ее предки – это смесь голландцев, жителей Молуккских островов и китайцев и что некоторые из них были в японских концентрационных лагерях во время Второй мировой

войны. И еще некоторые предки были исключены семьей. Было упомянуто много материала, который мог бы быть фокусом для расстановки, но у меня было чувство, что это еще не подходящий момент делать что-то, поэтому в тот день мы не работали. На следующее утро Неска сказала мне, что она забыла кое-что упомянуть: у нее был прадедущка, который был рабом в Суринаме, который при его жизни был голландской колонией. Когда я услышал об этом человеке, я понял, что это и была та важная информация, которой не хватало накануне. То, что Неска не смогла вспомнить про этого члена семьи, когда она пыталась перечислить всех своих предков, было, скорее всего, симптоматичным проявлением того, как в семье в целом помнили о нем. Неска рассказала, что ее прапрабабушка, которая не была рабыней, родила дедушку Нески от раба, и поскольку он родился как раб, он принадлежал рабовладельцу. Мать смогла выкупить его на свободу за свои деньги. Потом она вышла замуж за немца, и черный отец ее ребенка, который оставался рабом, исчез со сцены.

Я попросил Неску выбрать пять или шесть заместителей для каждой группы предков: голландцы, молуккские островитяне, китайцы и чернокожие. Эти группы расположились в линию на равном расстоянии друг от друга. Потом я поместил заместителя дедушки Нески между его чернокожими и китайскими предками, и заместительницу его жены – бабушку Нески – лицом к ее предкам – жителям Молуккских островов. Отец Нески стоял на некотором расстоянии от его родителей, а ее мать стояла перед своими голландскими предками.

Я попросил родителей и прародителей Нески по очереди найти для себя хорошее место. Для ее матери это было просто, она просто присоединилась к голландцам, и оттуда она могла смотреть на свою дочь с гордостью и любовью. Тогда я спросил у ее отца, куда он хочет пойти. Было видно, что он сосредоточен на своей матери, но еще не может двигаться. Сначала его мать должна была найти себе хорошее место со своими предками-островитянами, и только после этого он мог последовать за ней.

В итоге только дедушка Нески стоял один, между его матерью, которая стояла со своей китайской семьей, и его отцом, который стоял со своими чернокожими предками. Поначалу он действительно не знал, куда идти. Потом я спросил его: «Где ты найдешь то достоинство, которое нужно твоей душе?» И тогда он понял, что ему нужно повернуться к народу его отца. Он был рожден рабом,

А – Неска; В – Мать; С – Отец; D – Мать отца; E – Отец отца;
 F – Мать отца отца; G – Отец отца отца;
 1 – Голландцы; 2 – Предки с Молуккских островов;
 3 – Китайцы; 4 – Чернокожие.
 Рисунок 10.

как и его предки, они обняли друг друга и горевали вместе. Но их слезы были подобны живой воде, они имели целебный эффект, и прадедушка обрел силу у своего отца и его народа.

Теперь, когда родители и прародители Нески нашли хорошее место и прапрадедушка получил признание и уважение своего собственного сына, сама Неска наконец смогла двигаться в расстановке, представляясь каждой группе предков. Голландцы тепло ее поприветствовали, с капелькой характерной голландской сдержанности. Островитяне важно приняли ее. Китайцы поприветствовали ее громким спонтанным и удивленным смехом, чернокожие обняли ее со слезами, а потом начали петь. Неска попросила все четыре группы встать близко друг к другу, и так, опираясь на чернокожих, она смогла стать близко к ним всем. Позже она заметила, что она начала по-настоящему ясно видеть своих чернокожих предков только после того, как ее дедушка был принят ими, и после того, как они приняли и ее, она смогла видеть их еще яснее.

Коллективы, большие или малые, помнят прошлое различными способами. Но независимо от того, что именно семья или коллектив решает помнить, всегда будут вещи, которые никогда не будут упоминаться, которые кто-то хотел бы забыть. Опыт, который слишком тяжел для того, чтобы его проглотить, слишком постыдный, слишком болезненный или слишком стесняющий, будет оттесняться в зоны безмолвия. Однако люди, которым отказывают в членстве в семье или в группе, или болезненные события прошлого будут продолжать присутствовать где-то здесь, влияя на последующие поколения.

Из разных типов коллективных систем, которые мы можем выделить, нация – это, пожалуй, самый динамичный вид. Разнообразные группы людей в нациях формируют коллективную идентичность таким образом, что они могут жить и работать вместе. Вероятно, все существующие нации имеют историю вторжения – когда они куда-то вторгались или сами были объектами нападения; их границы передвигались несколько или даже много раз в связи с расширением и/или потерей территории. Со временем разные группы эмигрантов, нападавших или беженцев были поглощены нацией, а другие группы покинули ее, по собственному желанию или потому что их изгнали. Некоторые из этих исторических событий так и остаются «непереваренными» сообществом. Эта не высвобожденная энергия может создавать следы или паттерны в коллективной душе нации или страны, которые будут проявляться в жизни последующих поколений. Иногда, работая с группой, я обнаруживаю, что многие участники задают похожие вопросы, или что у них похожие симптомы. Такие общие темы иногда можно проследить до исторических событий на национальном уровне. Если это так, если можно распознать конкретное историческое переплетение, то может быть уместным провести ритуал или расстановку с участием всей группы.

Однажды я проводил семинар в Мадриде, и во время первой встречи, которая состоялась вечером, все участники, которые хотели поработать, вручили мне письма, в которых они описали свои трудности и чего они хотели достичь. На следующее утро после завтрака я с одним из моих помощников просматривал все письма. Мы оба отметили, что очень многие люди просили о помощи в связи с темой исключения. Это было очевидным образом общей темой: многие люди или их близкие родственники были исключены из своих семей. Поскольку так много участников написало об этом,

было ясно, что нам нужно посмотреть на коллективную душу как корень этой конкретной проблемы.

Я сказал группе, что я хочу сделать круг в комнате. Участники могут присоединяться к нему по очереди. Каждый, кто чувствует, что его тянет туда, может сделать шаг вперед и присоединиться к кругу в качестве заместителя отдельной группы, которую однажды исключили из участия в испанской культуре. В круге нам также были нужны заместители для людей или групп, которые принадлежали к доминирующей культуре, потому что мы хотим, чтобы этот круг был максимально возможным образом полон, и мы приветствуем в нем не только исключенных, но и тех, кто их исключил. Я сказал участникам, что было бы хорошо, если кто-то, кто действительно является потомком этого коллектива, захочет быть заместителем для конкретной исключенной или изгнанной группы и будет таким образом замещать своих собственных предков. Я подчеркнул, что это не обязательно. Люди, которые присоединялись к кругу, занимали свои места со словами: «Я замещаю предков (Испании)», заполняя пробел именем той группы, которую человек выбрал замещать.

Сначала мы стояли молча, а потом, после первой молитвы, первые участники начали вставать в круг. Я не помню все группы и всех людей, которые в конце были представлены, но их было намного больше, чем я ожидал. Там были заместители древних предков на Иберийском полуострове: дохристианские племена, римляне, поселенцы из Греции, Финикии и Карфагена. Там были эмигранты из Северной Европы и Португалии. Там были евреи, изгнанные из Испании в 1496-м, евреи из Толедо, евреи, которых заставили принять христианство и которые стали конверсо¹³ и которых по-прежнему дискриминировали на протяжении многих поколений. Мы увидели племена цыган, мужчин-геев и убитых инквизицией женщин, которых считали ведьмами, и еще кого-то, кто был заместителем для всех остальных жертв инквизиции. Потом присоединились христиане, миссионеры, инквизиторы. Мы включили коренное население стран Латинской Америки, которое было колонизировано испанцами, гуанчей (аборигенов Канарских островов) и коренных жителей азиатских колоний, метисов – жителей колоний, у которых смешанная кровь. Людей из различных областей Испании с «национальной» идентичностью: каталонцы, андалузцы, кастильцы, галисийцы. Народ басков, проживающий на земле, на которую претендует Испания...

¹³ Испанский еврей, обращенный в христианство. – *Прим. пер.*

В круг приходили все новые и новые заместители для других групп.

Через некоторое время к кругу присоединилось около 50 человек, в основном представляя тех, кто был исключен, дискриминирован или изгнан, и некоторые замещали тех, кто поддерживал или организовал это исключение, отвержение и иногда убийство. Теперь круг стал очень большим. Когда, наконец, новые заместители перестали присоединяться, я попросил стоящих людей просто посмотреть друг на друга.

Я спел молитву. Далее я пригласил тех, кто еще не был задействован в этой расстановке, встать в круг поменьше внутри большого круга заместителей. В этом новом внутреннем круге они будут заместителями тех людей в бóльшей испанской коллективной

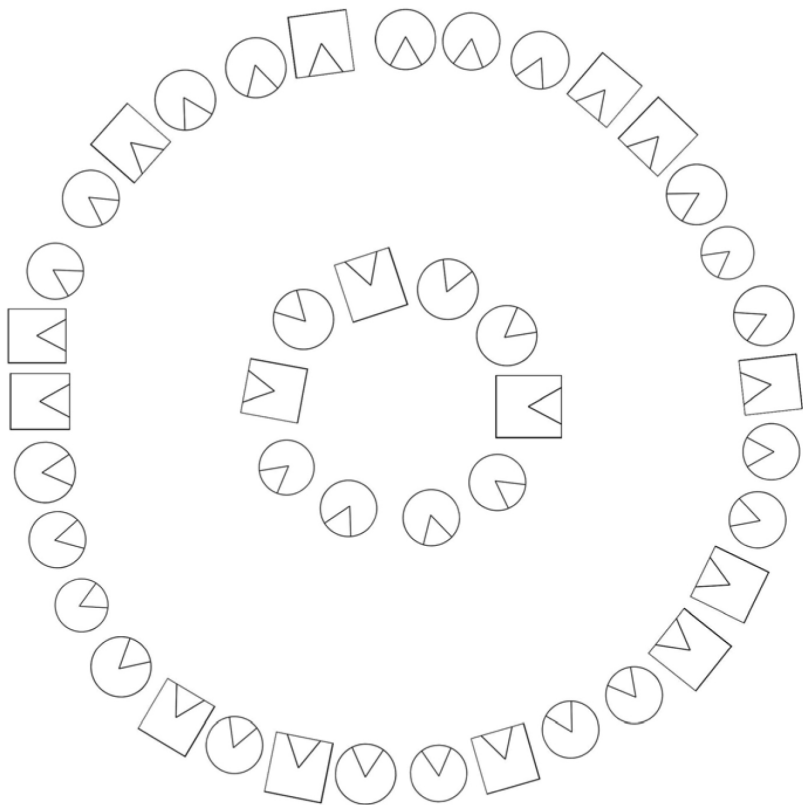

Рисунок 11

душе, кто может перешагнуть за пределы коллективной идентичности, кто может выходить за пределы религиозных, этнических и территориальных разделений, кто был способен поддерживать человеческий контакт хотя бы с одной группой «других». Люди в этом новом круге стояли взявшись за руки и смотрели на заместителей в большом круге, которые стояли лицом к ним. Я попросил всех помолиться и потом пойти туда, куда им нужно пойти. Люди в середине начали двигаться первыми, но уже через какое-то время весь круг превратился в дышащий, текучий организм. Примерно с полчаса люди ходили туда-сюда, образовывали двойки, тройки и маленькие группки. Они встречались друг с другом, обнимали друг друга, плакали вместе и утешали друг друга. Формировался небольшой кластер, он рос и потом растворялся, и в других местах круга образовывались новые группы. Это был органичный процесс, медленный, но интенсивный. Много слез было пролито, много рук протянуто друг другу. Я все время пел молитву, иногда люди пели вместе со мной, иногда я пел один. А когда движение начало замедляться, я попросил всех в группе найти себе место в едином большом круге. Все еще раз молча посмотрели друг на друга. Потом они все поклонились друг другу, и так мы завершили этот ритуал.

Предки, которых отвергает вся семья в целом, раньше или позже попросят по крайней мере одного из потомков дать им место в своей душе, как это было в случае с Керстин и Неской. Эти две женщины заметили пустоту в своих душах, дыру, которая привела их к особой группе их предков, которым отказывали в праве на свое место. На национальном уровне похожую, но более многослойную динамику можно было обнаружить в одной группе в Испании, где энергия исключения присутствовала в семьях многих участников. И, как мы уже знаем из опыта на уровне души семьи и души нации, когда исключенных снова принимают в группу, они становятся источником силы. Поскольку им возвращается их достоинство, они тоже возвращают достоинство тем, кто помнит и приветствует их.

Глава 5

ОТСУТСТВУЮЩИЕ ПРЕСТУПНИКИ

Пока я провожу семинар в Берлине, у меня есть время, чтобы посетить «Мемориал памяти убитых евреев Европы», расположенный прямо в центре города. Открытие этого памятника, которое произошло всего пару недель назад, обширно освещалось в средствах массовой информации, и я подумал, что по телевизору и в газетах вся эта штука выглядит ужасно. Это было похоже на огромное место погребения с гигантскими анонимными надгробиями, тяжелыми и уродливыми. Но когда я сам посетил памятник, то я нашел его странным образом красивым. По мере того как я шел по длинным рядам необъятных серых бетонных блоков, справа и слева от меня открывались и закрывались длинные туннели. Сквозь эти туннели я видел людей по частям, некоторых ближе, других издалека. Но в тот момент, когда я хотел посмотреть на них, они уже уходили снова. Казалось, что памятник проглатывает людей! Пока я ходил там, я пережил особое чувство изоляции, которое приводит меня в безмолвное внутреннее пространство. В конце концов я сел на краю поля камней и запел молитву, наблюдая, как удивительно грациозно черные вороны перепрыгивают с камня на камень.

Ниже уровня улицы находится центр для посетителей, и там я обнаруживаю имена и лица некоторых из людей, которые были убиты. Они – «жертвы национал-социализма». Но я спрашиваю себя: кто совершил убийства? Этого не может сделать абстракция, могут только реальные люди. Не должна ли тут рядом быть еще и комната с именами, лицами и семьями убийц? Вдруг оказалось, что они странным образом отсутствуют. Как можно помнить о шести миллионах убитых людей, едва упоминая о тех, кто их убил? Здесь, в Берлине, мне вспоминается моя поездка в Дахау годом ранее. Там было то же самое. Центральный памятник в мемориале концентрационного лагеря говорит о «тех, кто был уничтожен здесь». Уничтожен – но ни слова о тех, кто уничтожал. Нацизм – но не нацисты. Убийцы спрятаны за ширмой.

Когда я вернулся в мой родной Амстердам, меня продолжало занимать странное отсутствие преступников Третьего рейха. Мне

захотелось исследовать положение дел в моем городе, и поскольку в Амстердаме находится около сотни мемориалов, посвященных войне, то мне было легко прыгнуть на велосипед и объехать несколько из них. Первое место, которое я посетил, был бывший Голландский театр (Hollandsche Schouwburg). В довоенные годы это был известный концертный зал, но нацисты издали указ, по которому выступать на сцене и посещать этот зал могли только евреи, поэтому он был переименован в «Еврейский театр». Вскоре после этого евреи, проживающие в Амстердаме, были собраны здесь для того, чтобы оттуда на поездах отправиться в концентрационные лагеря. На сегодня сохранилась только часть сооружений. На одной из стен записаны 67 тысяч имен. Я останавливаюсь там, чтобы прочесть надписи, и вижу фамилии своих друзей, близких родственников и свое собственное семейное дерево. Я не впервые посещаю эту стену, поэтому я ненадолго здесь задерживаюсь. Сегодня я приехал, чтобы взглянуть на другой список, хотя я не очень-то и ожидаю его здесь обнаружить. И, как я и предвидел, единственным упоминанием о преступниках являются фразы о «силах захватчиков». Во всем музее я обнаружил только одно имя человека, который принадлежал к этим самым «силам захватчиков». Шестьдесят семь тысяч имен жертв – и только одно имя, представляющее агрессоров? Как-то очень не сбалансированно.

Это меня фрустрирует, и я отправляюсь к другим мемориалам, чтобы проверить, как обстоят дела там. На улице поблизости от Еврейского театра я прохожу мимо мемориальной таблички, на которой выгравированы имена 12-ти рабочих из движения Сопротивления. Эти люди уничтожили часть архивов Амстердама, чтобы нацистам было труднее найти евреев. Табличка гласит, что они «пали за свободу». Хорошо. В нескольких сотнях метров дальше находится памятник жертвам Освенцима. Но там я тоже нахожу только уже знакомые мне абстракции. Я решаю попробовать еще раз и отправляюсь навестить памятник неподалеку от моего дома, Розенорд (Rozenoord). Он находится между рекой Амстел и скоростной автомагистралью, в маленьком и почти забытом уголке города. И там та же история. Более 100 голландцев, участвовавших в движении Сопротивления, мужчины и женщины, были застрелены «немецкими оккупационными силами». Да, эти памятники и мемориалы сообщают мне, что люди погибли, но каким-то мистическим образом складывается впечатление, что единственными реальными людьми, которые участвовали в случившемся, были только жертвы.

В постнацистской Европе агрессоры как отдельные личности по большей части отсутствуют. И те немногие, чьи имена были публично оглашены, обычно представляются как жестокие, бесчеловечные твари, ненормальные и демонические. В «Нюрнбергских интервью», автором которых является врач-терапевт и психиатр Леон Гольденсон, приведены записи бесед, проведенных автором с нацистами высших чинов, которые отбывали заключение после Нюрнбергского суда. Интересно то, что за исключением одного или двух, все нацисты подчеркивают свою нормальность. Каждый из них пытается убедительно доказать автору свою обычность, нормальность. Очевидно то, что мы не можем продолжать придерживаться точки зрения, что все нацисты были психопаты-дегенераты. Некоторые из них имели садистские наклонности или были неуравновешенны, но в целом они все не были ненормальными. Из этого я могу сделать один вывод, что акцент на бесчеловечных сумасшедших характеристиках нацистов – это еще одна «дымовая завеса».

Вольфганг Шивельбуш предлагает в своей книге «Культура поражения» некоторые ключи для понимания того, почему это произошло. Один из выводов, к которым он приходит в результате своего исторического исследования, состоит в том, что если страна проиграла в войне, то ей нужен внутренний «козел отпущения». Обычно им оказывается бывший режим власти. Лидеры, за которыми раньше следовали с энтузиазмом, теперь будут играть роль виновных, которые направили нацию к разрушению. Коллективно отворачиваясь от бывшего режима, пораженная страна очищается и обретает в своих собственных глазах что-то вроде моральной победы. Наблюдения Шивельбуша дают частичный, но не полный ответ. Да, совершенно ясно, что Гитлер и высшие чины нацистов были принесены в жертву и сейчас изображаются в виде монстров. Насколько это возможно, вина и ответственность за все преступления нацистов были возложены на их плечи, до некоторой степени «очищая» всю нацию. Но опять-таки: а как быть с теми сотнями тысяч нацистских преступников и даже большим количеством людей, кто их активно поддерживал? Их имена и лица спрятаны. Они мне представляются абстрактной массой, в ней нет отдельных людей. За исключением нескольких случаев, в местах, где были совершены преступления, отсутствует ощущение личного присутствия тех, кто их совершал.

Семейные расстановки показывают, что мы можем исключить кого-то из семейной системы, но у этого будет своя цена.

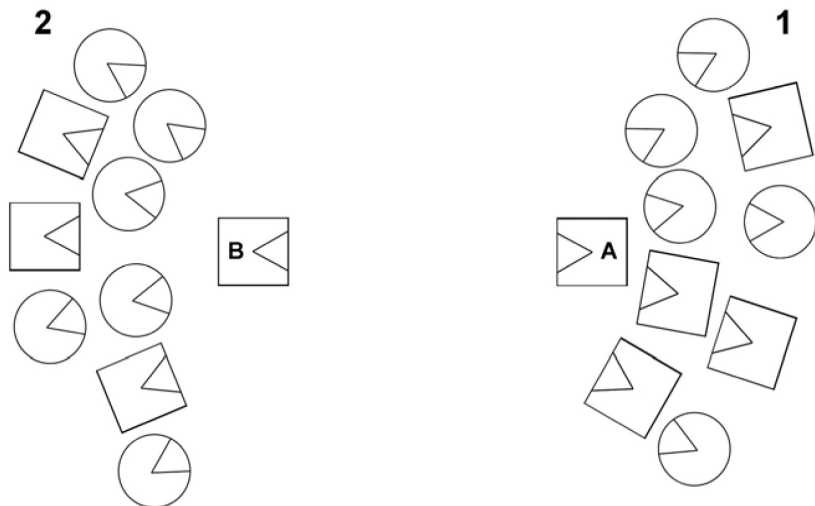
Родственники, которым отказывают в месте и о ком больше никогда не вспоминают, не исчезают магическим образом, как будто бы их никогда и не было. Раньше или позже в одном из последующих поколений будет потомок, который начнет замещать исключенного человека. Эта существенная динамика происходит не только в семейных системах, но и в больших коллективах. Это значит, что в случае войны и геноцида нужно помнить и жертв, и убийц. Коллектив, к которому принадлежат жертвы, должен помнить и тех, и других, и то же самое касается коллектива, к которому принадлежат убийцы. Очевидно, что это проще сказать, чем сделать. Помнить хотя бы жертв уже не очень легко. Жертвы могут страдать от посмертного отвержения, потому что то, как они умерли, кажется постыдным, потому что они показали моральную слабость большого коллектива или просто потому что помнить о них слишком больно. Во время первых 20 лет существования Израиля холокост был окружен молчанием, и мало кто интересовался историями выживших.

И когда дело касается преступников, если невозможно отвергнуть и изгнать всех причастных личностей, например, по той причине, что виновна значительная часть населения, то тогда личная вина будет обезличена и любой вид личной ответственности будет отрицаться и отвергаться.

На семинарах я встретил много людей, которые происходят из семей нацистов. Некоторые участники сразу открыто говорят о своей семейной истории, потому что они уже поняли, что их собственные симптомы напрямую связаны с их братом, папой, тетей или бабушкой, которые были нацистами. Но в большинстве случаев я слышу о родственниках-нацистах через довольно длительное время, уже после того, как я повторно задам некоторые вопросы. Люди, которые не говорят о своей истории полностью, таким образом проявляют симптоматику полупамятования, которую им в этот момент времени диктует коллективная душа. Военные преступники не забыты полностью, но их и не помнят ясно. Их роль как активных нацистов стала какой-то достопримечательностью в прошлом, которая видится сейчас как будто несущественной и на которую можно с легкостью не смотреть. Прошлое не то что отрицается, а скорее не признается. Оно интеллектуально доступно, но переживается без личных чувств – не то чтобы все прошло, но скорее как будто оно не связано с реальной жизнью.

Когда кто-то хочет сделать расстановку в связи с тем, что его родственники участвовали в преступлениях нацистов, то очень

важно дать нацистским преступникам четко определенное место в их родительской семейной системе. Это очень важное движение из-за различных отрицаний и исключений, которые касаются прошлого. В таких расстановках я часто включаю заместителей преступника и хотя бы одну из его жертв. Я могу начать с того, чтобы поставить их лицом друг к другу, на некотором расстоянии. Их семьи и другие, кто относится к их системам, будут стоять сзади них.

А – Жертва; В – Агрессор;
1 – Семья жертвы; 2 – Семья агрессора
Рисунок 12.

Я обычно прошу жертву начать говорить первой, например, сказать агрессору фразу: «Ты меня убил. Ты отнял мою свободу, мой голос, мою силу. Я стою перед тобой как душа, как призрак, это все, что от меня осталось. Я – та часть меня, которую ты не смог забрать, которую ты не смог разрушить».

И сейчас я тебя покидаю. И я покидаю то место, где ты меня лишил свободы и убил. Я больше не связан с тобой». После этого жертва поворачивается к своим близким и обращается к ним: «Они забрали у меня все, даже мое тело. Они меня убили. Пожалуйста, помните меня, посмотрите на меня. Примите меня назад. Заберите меня из этого кошмара».

Обычно в этот момент что-то приходит в движение: жертва может сделать несколько шагов в сторону своей семьи, а семья

делает несколько шагов к жертве. Часто люди начинают плакать. Некоторым заместителям требуется поддержка друг друга, тогда как другие могут смотреть в сторону. Перед теми, кто отвернулся от жертвы, я добавляю несколько заместителей для предков, у которых есть сила. Те, кто избегают смотреть на убитого родственника, могут попросить у этих предков: «Пожалуйста, дайте мне сил, чтобы я смог посмотреть на моего убитого родственника». Иногда эти слова открывают доступ к глубокой боли, и предкам теперь нужно поддерживать и утешать горюющих членов семьи. В других случаях члены семьи могут напрямую принять предложенную поддержку и повернуться к убитому, пока предки поддерживают их. Постепенно жертва, семья и предки соединяются и становятся единым целым.

Агрессор и люди за ним наблюдают за этим процессом. Теперь черед нациста повернуться лицом к своей семье: «Я стал убийцей. Система, которой я служил, потребовала этого от меня, и я выполнил то, что требовалось. Делая это, я потерял часть себя. Так я потерял часть своей души. Пожалуйста, не отворачивайтесь от меня и от моей вины. Позвольте мне покинуть то место, где я совершил свои преступления, и вернуться к вам. Я возвращаюсь к вам виновным, но я все еще ваш родственник. Пожалуйста, примите меня назад и позвольте мне снова стать человеком». Обычно несколько членов семьи отвернутся со стыдом и отступят назад, тогда как один или два сделают шаг вперед. И так же, как в группе родственников жертвы, я добавлю заместителей предков для тех, кто отвернулся или шагнул назад. Я даю этим новым заместителям в расстановке четкие инструкции, сообщая им, что они являются теми предками, кто, в свою очередь, не отвернулся от виновного. Я сообщаю им, что они – те, кто способен увидеть вину, они могут видеть того человека, который несет вину, и они ничего не отрицают. Тогда член семьи просит у родственников: «Мой родственник стал убийцей. Мне очень тяжело смотреть на него. Пожалуйста, дай мне силу, чтобы я мог посмотреть на него, не убегая». Обычно с помощью предков большинство оказываются способными повернуться к преступнику. Постепенно создается круг, и убийца находит там себе место. Теперь он снова дома, там, куда он принадлежит, в своей собственной системе. Почти всегда в системе преступника есть люди, которым и дальше нужна дополнительная поддержка предков. Это неудивительно, с учетом того, что общество в целом отказывается открыто смотреть на агрессоров и ту вину, которую они несут.

Обычно люди в каждой семейной системе сосредоточены на своей собственной группе. Но все же в определенный момент я прошу обе системы признать друг друга. Они смотрят друг на друга с некоторого расстояния, и часто их чувства уже не будут очень сильными. Самая важная работа происходит внутри семейной системы. После того как они посмотрят друг на друга, обе группы могут захотеть сделать несколько шагов назад, увеличивая таким образом пространство между ними.

Часто на этом расстановка заканчивается. И агрессор, и жертва находят свое место в своих собственных системах и остаются там. Конечно, каждая расстановка развивается по-своему, и иногда нужно сделать некоторые дополнительные движения. Может быть так, что жертва остается беспокойной. Это может быть знаком, что в расстановку нужно включить и других жертв, и тогда я просто спрашиваю у заместителя жертвы, сколько еще других жертв нужно добавить в расстановку. Тогда мы выбираем заместителей и вводим их в расстановку, помещая их рядом с кругом, где жертва может видеть их. Каждая из новых жертв опирается на одного или двух своих собственных предков. Тогда жертва может расслабиться в своей системе, зная, что другие жертвы тоже нашли себе хорошее место. Или этот человек может захотеть присоединиться к другим жертвам – на некоторое время или он может там остаться.

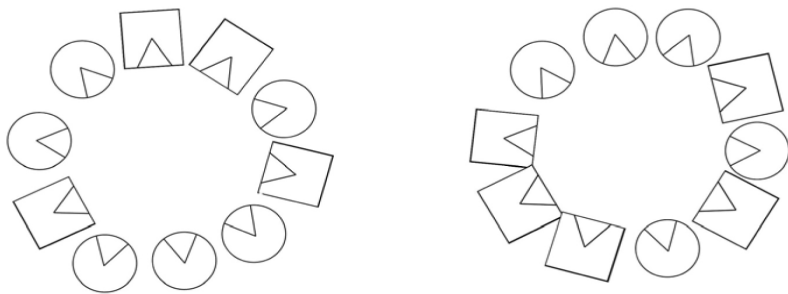

Рисунок 13

В других семейных системах может оказаться так, что агрессор остается беспокойным и не может найти себе место в семье. Это может происходить из-за чувства вины. Агрессор может чувство-

вать, что он потерял право принадлежать к своей семье. Тогда это часто бывает изолированная позиция. Ему позволено занять это место, но я обычно прошу присоединиться к нему одного или двух из его предков и сказать ему: «Я тебя не покину». Обычно это принесит облегчение для агрессора.

Если заместитель агрессора остается беспокойным, это может происходить из-за его собственной внутренней жесткости и чувства превосходства, потому что он не может выдерживать доброту и поддержку, которые он интерпретирует как слабость. В этом случае я могу попросить агрессора стать где-то в стороне, и тогда я выбираю несколько дополнительных заместителей для других агрессоров и ставлю их всех в маленький круг. Тогда они образуют новую независимую систему. Это расслабляет агрессора. Глядя на свою семью, он может сказать: «Теперь я принадлежу к ним». Иногда такая группа агрессоров ощущается как угроза. Тогда их круг можно окружить более широким кругом предков как защитой для всех остальных.

Большинство агрессоров соглашаются с этим, потому что они очень хорошо знают, что они опасны.

Иногда в расстановке все еще будет проявляться другая динамика. После того как они побудут некоторое время со своими семьями, жертва и агрессор могут почувствовать, что их снова тянет друг к другу. В моем опыте такое случается очень редко, но все же иногда так бывает. Тогда жертва и агрессор создают совершенно новую систему вместе. Эта ситуация длится некоторое время, и потом они снова возвращаются в свои группы. Или они могут захотеть остаться вместе.

Этот последний образ особенно интригует, так как его редко можно увидеть. Что же такое происходит, когда заместители жертвы и агрессора сливаются таким образом? Не является ли это каким-то видом прощения? Я работал индивидуально, вне системного контекста, с клиентами, которые были жертвами физического и сексуального насилия, серьезных преступлений. Прощение иногда наступало как почти случайный побочный продукт глубокого и интенсивного процесса. И я все же не припоминаю случаев, чтобы клиенты сообщали о том, что они чувствуют некое единство с тем, кто совершил нападение на них. Если случались моменты выхода за пределы травмы, то результат был такой, что клиент мог отпустить насильника, совершившего преступление. Вместо того, чтобы бесконечно сливаться с агрессором, они были способны отодвинуться от

него. Они становились свободными и могли отвернуться от несчастья. Слияние между жертвой и преследователем не является обычным результатом психотерапии или работы с травмой. Почему это появляется в расстановке? Что это может значить?

Первая задокументированная расстановка, которая закончилась образом слияния жертвы и агрессора (о которой мне известно), случилась на семинаре Берта Хеллингера в Берне в 2000 году. Он подробно описывает эту расстановку в своей книге «Прощание» (Farewell, 2005). В этой расстановке, которая была сделана для клиента-еврея, Берт Хеллингер добавил рядом с семьей ряд из семи заместителей жертв и ряд из семи заместителей преследователей. Постепенно, по мере того, как их просили посмотреть друг на друга, эти жертвы и агрессоры начали смешиваться в очень интенсивном и эмоциональном процессе. Это движение произвело сильное впечатление на всех присутствующих. Берт Хеллингер говорил об этой расстановке на последующих семинарах и повторял такой формат несколько раз, особенно для клиентов, которым приходилось иметь дело с наследием Третьего рейха и холокоста. Однако впоследствии члены семьи больше не включались в расстановки, выбирались только заместители для ряда жертв и ряда агрессоров. Вскоре другие ведущие расстановок тоже начали выставлять заместителей жертв и агрессоров в ряды друг напротив друга, как мне показалось, с ожиданием, что они найдут или даже должны найти мир вместе.

Глядя на эти слияния в расстановках, я иногда спрашиваю себя: что или кого эти заместители представляют? Реальных отдельных убийц и убитых, или воображаемых, или идеализированных? Замещают ли заместители свои собственные внутренние конструкции энергий жертв и агрессоров? Идеи и абстракции? Реальных нацистов-убийц или немцев, которые не сыграли активную роль как нацисты, но чувствовали сожаления обо всем, что случилось? Просто объятия жертв и агрессоров не всегда были для меня понятны. Иногда такой процесс выглядел прекрасно и аутентично, но часто он выглядел как плохая пародия. Однажды, в качестве эксперимента, глядя на слияние жертв и агрессоров в расстановке, я представил, что заместители агрессоров замещают «Топчущую кобылу»¹⁴ и подобных ей военных преступников,

¹⁴ «Топчущая кобыла» – надзирательница в концлагере Майданек, настоящее имя Гермина Браунштайнер. – *Прим. пер.*

имена которых известны. Кобыла, преданная нацистка, работала в концентрационном лагере Майданек. Там она заработала свое прозвище за то, что носила подкованные железом сапоги. Ей нравилось маршировать и топтать в них по еврейским детям, которым она приказывала лежать на земле рядами. И хотя я старался изо всех сил, мне не удавалось представить, что «Топчущая кобыла» и те маленькие дети, которых она затоптала до смерти, могут быть представлены заместителями в таких исполненных любви объятиях, как показывала расстановка. Может быть, если им приказать, то дети будут обнимать ее, – ведь дети, которым угрожают смертью, сделают все, что им скажут.

Существует несколько примеров узников концентрационных лагерей, которые удивительным образом смогли сохранить свои сердца открытыми для своих мучителей, но история сообщает нам лишь о нескольких, кто смог сделать это. И как насчет самой реальной Кобылы? Обняла бы она своих жертв, которые, по ее определению, даже не были полноценными людьми? Почему нацистка вдруг будет обнимать своих жертв и просить их о прощении? Были нацисты, которые чувствовали сожаление и угрызения совести, но большинство из них в лучшем случае чувствовали расплывчатое затруднение от того, что они делали. Они получали приказ убивать, и они должны были делать это. Их совесть была чиста, и только некоторые из них вообще чувствовали личную ответственность. Конечно, из правил есть исключения, и некоторые бывшие нацисты могли бы испытывать чувство вины и стыда, если бы им пришлось встретиться со своими жертвами вне контекста лагерей и общих могил. Может быть, они бы даже склонились и просили прощения, как это делает большинство их заместителей в расстановках. Но кто же остался, чтобы ответить? Миллионы их жертв мертвы. Кто имеет право прощать и с какой целью?

Как только заместители агрессоров и их жертв сливаются в расстановке, они создают новую систему. Я заметил, что это приносит облегчение их бывшим системам, снимая с них задачу, или даже обязательство принять их обратно. Семье нациста не нужно больше связывать себя с нацистом и его виной. Больше не встает вопрос о том, как любимый брат, отец, сестра, тетя или бабушка мог стать убийцей, ведь расстановка предлагает хэпши-энд для этой непростой истории.

Учитывая тот факт, что общество в целом защищается от признания агрессоров как личностей и постоянно пытается спрятать их от публичного обозрения, я думаю, нам позволительно задать

вопрос: не являются ли расстановки такого рода легким способом не смотреть на агрессоров и их вину? Не может ли быть так, что на этот раз нежелание смотреть замаскировалось под системное решение? Этот вопрос актуален, так как с определенной точки зрения ничего не решается, когда жертва и агрессор сливаются друг с другом. Почему не решается? Потому что агрессор не становится вновь интегрированной частью своей собственной системы, и жертвы тоже не становятся. Расстановки, в которых ставят ряд жертв и ряд агрессоров, больше не включают семьи, изначальная задача их интеграции в семьи забыта. Или ее избегают? В любом случае, самое важное движение оказывается вне расстановки.

Пришло время вспомнить о колесе душ. В какой части колеса я нахожусь, когда у меня возникают все эти чувства недоверия – на востоке, юге, западе или на севере? Очевидно, что я не на севере, который является домом универсальной души, полем мира и единения. Если я сам находился бы там, меня бы это не волновало, все было бы едино и я бы не испытывал потребности отделяться от этого особого типа расстановок, я бы просто принимал их. Возможно ли, что я смотрю на расстановки со слиянием с уровня моей семейной души? Маловероятно. В моей собственной семейной истории есть столько разных позиций и ролей, столько разделений между людьми, что я бы приветствовал такое коллективное объединение, скрепленное объятиями, как благословение. Индивидуальная душа? Нет. Я ясно чувствую, что с индивидуального уровня я могу принять расстановку. Я могу чувствовать к ней интерес, и я могу принять то, что она показывает. У меня могут быть вопросы об этой расстановке, но на личном уровне у меня нет потребности придерживаться такой позиции, где я ставлю ее под вопрос. Таким образом, должно быть, я нахожусь на юге, на уровне коллективной души. По крайней мере, теперь я знаю, где я и откуда происходит мое сопротивление.

В своем описании расстановки в Берне Берт Хеллингер приводит личные впечатления разных заместителей. Я беру книгу и еще раз медленно и внимательно перечитываю ее в поисках ключей, которые помогут мне понять, о чем была эта расстановка. Что примечательно, все заместители, которые испытали сильное чувство примирения и покоя, описывают свои переживания в словах, которые ясно показывают, что они прикоснулись к полю универсальной души на севере колеса. Заместитель жертвы говорит: «Я вижу большее целое. (...) Я взглянул на бытие, и я все еще чувствую это». Заместитель агрессора говорит: «Все присутствова-

ло, я был связан со всем, и в то же время меня не было». Он даже описывает, как он двигался через различные уровни души, прежде чем достиг поля большей души: «Сначала меня покинул личный стыд, потом коллективный стыд, потом сердечная любовь, потом вселенская любовь и потом, в конце, моя идентичность. Осталось только чувство единения всего со всем». И другой заместитель: «Я не могу точно описать чувства, это было похоже на осознание большего единства, которое является связью, полной и счастливой». В реальности большей души, где все едино, «нет чувства разделения на жертву и агрессора», как говорит один из заместителей. На севере нет «никакой личной скорби, только чувство большей силы», как говорит другой заместитель. В универсальной душе, на севере колеса, заместители познали единство. Но для тех заместителей, кто не смог войти в царство большей души, расстановка не принесла удовлетворительного завершения, они не нашли там продолжительного успокоения.

Иногда заместители жертв и агрессоров могут найти глубокое чувство примирения и единения в расстановке, и если смотреть на это с перспективы колеса души, они познают это, когда их направляет универсальная душа. Их личности растворяются, и они все становятся одним. Они переживают этот опыт как мощное благословение. Однако для тех, кто переживает встречу жертвы и агрессора с перспективы коллективной души, такая расстановка ничего не решает. С этой позиции разделение между жертвой и агрессором сохраняется. Кто-то был жестоко убит, кто-то совершил убийство, и между ними существует огромная разница. Одни были убиты, другие были убийцами. Коллективная душа жаждет принять назад в сердце своих мертвых, она хочет вернуть себе их души или то, что от них осталось, и она не хочет оставлять их в руках агрессоров, независимо от того, как мирно выглядят их заместители в расстановке. Только сами жертвы могут заполнить черные дыры в коллективной душе, провал, который образовался от миллионов потерянных, умерших без молитвы и утешения. Там нет места или любви для их убийц.

Глава 6

ПОИСК НОВОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Прибыв в аэропорт Тель-Авива и пройдя таможенный контроль, я обнаруживаю, что меня ждет сюрприз: два водителя такси держат таблички с моим именем. Оба мужчины работают на одну и ту же фирму и им обоим сказали, что они должны меня встретить сегодня. Я шучу по поводу этой ситуации и говорю им, что теперь я чувствую, что меня вдвойне приветствуют. Один из них рассмеялся, второй разозлился, и, к счастью, я еду с Юрием, тем, кто рассмеялся. Юрий задает мне много вопросов, пока везет меня в Иерусалим. «Почему вы приехали?» – «Навестить друзей и семью». – «Вы уже приезжали сюда раньше?» – «Да». – «Когда вы собираетесь переехать жить в Израиль, когда вы собираетесь совершить Алия¹⁵?» – «Я пока это не планирую». Но когда Юрий спрашивает меня, что мне больше всего нравится в Израиле, я пытаюсь дать больше чем стандартный ответ. Я говорю ему, что на некотором уровне это для меня как теплая ванная. Что-то во мне расслабляется здесь, та часть, которая не расслабляется в других местах. Мои друзья-не-евреи не могут понять этого, потому что они знают Израиль только по сюжетам из новостей в газетах и на телеканалах, где они видят, что политики делают выборы, которые им кажутся излишне провокационными, злых палестинцев, бардак, который создают самоубийцы-подрывники и ответ армии на все это.

Мы говорим о том, чем отличается жизнь в Израиле и в Голландии. Я рассказываю Юрию о том, что уже некоторое время в воздухе Амстердама повисло хроническое напряжение. Регулярно случаются инциденты, в которых молодые мусульмане ведут себя словесно или физически агрессивно, особенно в адрес евреев или гомосексуалистов. Мне не хочется затевать политическую дискуссию, поэтому я не говорю, что эти молодые голландские мусульмане идентифицируются с палестинцами в секторе Газа и оккупированных территориях, хотя они сами никогда не встречали

¹⁵ Алия – возвращение евреев в Израиль. – *Прим. пер.*

палестинца или еврея. В этом я распознаю влияние коллективной души: молодые мусульмане в Голландии называют себя жертвами, потому что они переживают страдания палестинцев как свои собственные. Но группы европейских мусульман, которые называют себя жертвами, сейчас сами действуют как агрессоры. Мне сложно описать Юрию чувство притесненности, которое сейчас испытывают многие люди.

Он удивленно смотрит на меня. «И что предпринимает правительство по этому поводу?» Теперь это сложно объяснить, особенно израильянину. Я осторожно подбираю слова и отвечаю, что голландское правительство скорее любит говорить, нежели действовать. Юрий слышал об убийстве Тео ван Гога, режиссера, убитого в ноябре 2004 года, когда он ехал на велосипеде по улице недалеко от своего дома. Убийца, Мухаммед Б., сначала несколько раз выстрелил в Тео, а потом перерезал ему горло. В конце он воткнул в живот жертвы нож, к которому было привязано письмо. Это было письмо, адресованное Хирси Али, политику эфиопского происхождения, который очень активно предупреждает об угрозах фундаменталистского ислама. В этом письме Мухаммед Б. написал: «Это факт, что в голландском правительстве доминируют евреи, и они являются продуктом талмудических школ, так же как и ваши коллеги по политической партии». За этим следует серия разрозненных цитат из Талмуда, некоторые из них вымышленные. За исключением тех частей, которые прославляют ислам, это классический антисемитский текст. Для Мухаммеда Б. люди в голландском правительстве – это евреи, что автоматически означает, что они против ислама, и поэтому они заслуживают быть убитыми. Это жестокое убийство распространило волну шока по всей стране. И что сделала королева Голландии? Через пару дней после убийства в новостях показывали, как она разговаривает с молодежью мусульман об их проблемах. Она не посетила еврейскую общину, чтобы поговорить с ними о случающихся инцидентах агрессии, растущем страхе и множасьихся угрозах, таких, как в письме убийцы. Когда я слышу свои собственные слова, мне это кажется абсурдом.

Это происходит как вчера, за день до моего отбытия в Израиль: какие-то подростки-мусульмане бросили в меня камнем. Я ехал на велосипеде по городу, на мне была кипа¹⁶. Вдруг что-то пролетело рядом с моей головой и отскочило от стены – это был камень. Шокированный, я оглянулся по сторонам и увидел несколько

¹⁶ Кипа – еврейский мужской головной убор. – *Прим. пер.*

мальчишек-североафриканцев, которые стояли на углу и смеялись, глядя на меня. Я не осмелился ответить или как-то вступить в конфронтацию с тремя юными арабами по поводу того, что в моих глазах выглядело как охота на евреев. Я рассказываю Юрию об этом, и он с трудом может в это поверить. «Здесь, в Израиле, евреи не боятся быть евреями. Это арабы боятся быть арабами. Если араб бросает в тебя камень, убей его!» Для Юрия все просто. Для меня это не так просто. В Голландии этих людей, которые швыряются камнями, рассматривают как жертв, за ними стоит целая армия социальных работников, которые готовы выслушать и понять все, и королева приходит выразить свое почтение, когда кто-то из них начинает убивать. В Израиле, если брошен первый камень, – ты стреляешь, если нужно – убиваешь. И то, и это кажется мне неуравновешенной и непродуктивной стратегией. Я хотел избежать политической дискуссии, но я забыл, что в Израиле это невозможно. Юрий высаживает меня у дома моей подруги Дины, где я буду жить эту неделю. Когда я отхожу от машины, он кричит мне вслед: «Здесь, в Израиле, носи без страха свою кипу! Будь счастлив, что ты еврей!» Я машу ему рукой, охваченный амбивалентными чувствами.

В ту ночь, сидя на кровати в гостевой комнате, я чувствую себя раздраженным и не на своем месте. И зачем вообще я сюда приехал? Это же какое-то невозможное место, этот Израиль. Я жажду оказаться у себя дома в Амстердаме. Пока я так сижу и предаюсь печальным размышлениям, я замечаю на полке перед собой книгу. Это «Унаследованное молчание: беседы с детьми Третьего рейха» Дана Бар-Он. Уже некоторое время я хотел прочитать эту книгу. И вот она ждет меня здесь, и я сразу же приступаю к чтению.

Дан Бар-Он проводил беседы с детьми военных преступников-нацистов между 1985 и 1987 годами, в то время, когда почти ничего не печаталось о системном воздействии преступлений нацистов на семейные системы преступников. Это захватывающая книга, не только из-за подробных бесед, но также из-за введения и заключения и коротких личных размышлений и замечаний автора, вставленных в различные места в текстах бесед. Становится ясно, что попытки понять это все с трудом даются и людям, с которыми он проводил беседы, и самому автору, и различным исследователям, которых он цитирует. Были ли нацисты «нормальными» людьми? Дети нацистов, слова которых приведены в книге, сейчас уже взрослые люди, и им как-то нужно осмыслить то, что отец, которого они нежно любили, был профессиональным убийцей. Как

эти два факта свести в единый когерентный образ? Послевоенное общество Германии не помогло им, потому что в годы после свержения режима Третьего рейха, когда эти дети еще только росли, все, что касалось правления нацистов, было просто вычеркнуто из школьных учебников истории, как если бы этого никогда не было. Народ был не готов встретиться со своим собственным прошлым, и таким образом все, что не могло быть переварено, было отвергнуто и отрицалось.

Одна формулировка во введении поражает меня: Бар-Он приходит к выводу, что нам нужно «новое определение нормальности». Такое новое определение должно обязательно основываться на принятии того, что способность к добру и злу существуют одновременно. Но, как я уже обнаружил во время посещения концентрационных лагерей и различных мемориалов, общество в целом просто отрицает свою причастность к виновной стороне. Нацисты или отсутствуют, или представляются как бесчеловечные, так что они не могут быть нашим правдивым отражением. Мы хватаемся за нашу идентичность приличных человеческих существ, и мы отворачиваемся от людей, которые любят своих детей, с улыбкой гладят собаку, и уходят из дома на свою работу в индустрии убийства. Один из опрошенных детей нацистов прямо так и говорит, пытаясь создать целостный образ своего отца: «Это вопрос того, чтобы быть и таким, и таким одновременно, не или-или, а целым и неделимым человеком, одной личностью» (стр. 159).

Глядя в расстановке на отдельного виновного человека, мы видим человеческое существо – не абстрактного монстра, а мужчину или женщину, как и мы сами. Это может привести нас к тому, что мы можем распознать и в себе самом потенциальную способность причинить вред – как-то, где-то, когда-то. Когда такой инсайт случается в расстановке, мы устанавливаем связь с другим через вину. Вина становится общим знаменателем, и на какой-то момент может показаться не важным, испытываем ли мы актуальную или потенциальную вину – нас связывает человеческая способность быть виноватым. Это очень тонкий момент, потому что когда затмевается различие между тем, чтобы действительно быть виноватым в убийстве, и иметь способность стать убийцей, мы можем начать забывать, что факт убийства действительно имел место. Глядя в расстановке на виновного, мы можем также почувствовать (спящее? потерянное? действительное?) «доброе» в нем. Так же, как мы можем почувствовать нашу собственную потенциальную вину, когда мы смотрим на убийцу, мы можем по-

чувствовать способность убийцы к доброте, способность, с которой нам самим нравится идентифицироваться. Тогда мы начинаем устанавливать связь с другим через качество потенциальной доброты, и она становится нашим общим качеством. Теперь, когда убийцу можно увидеть как отдельное человеческое существо, и наконец, присутствует его вина, проявляется и ее противоположность. И оба заместителя в расстановке могут идентифицировать себя как одновременно виноватый и невиновный. Этот процесс часто приносит облегчение заместителям, но что он проясняет?

На колесе душ это взаимное признание облегчает движение на север, в мир универсальной души, где все едино. Там все есть то, что оно есть. Всегда ли это эволюционный шаг вперед или это тоже может действовать как побег в пространство, где никому не нужно иметь дело с реальностью прошлого? Является ли опыт «ты – это я, а я – это ты» еще одним умным способом избежать настоящей встречи с виной, потому что вина прикрыта покрывалом, которое называется «у нас у всех есть способность и к добру, и к злу?» Что именно требуется от меня теперь, когда я помню, что нацист – это человеческое существо, может быть, даже нормальное человеческое существо?

В книге Дана Бар-Он я нахожу запись редкого документа. Это политическое завещание одного из высокопоставленных нацистов, написанное им в камере в Нюрнберге (стр. 129–134). Дан Бар-Он получил этот текст от дочери этого человека, и он смог его опубликовать, только пообещав ей, что он не откроет имя ее отца.

Итак, у нас есть слова нациста из верхушки, которого посадили в тюрьму и который знал, что его будут судить. Его мечта о Третьем рейхе рухнула. Как он смотрит на свое недавнее прошлое? В его словах так много противоречий, и они встречаются на стольких уровнях, что сначала вообще трудно понять, что же он пытается выразить. Он описывает, что он видит руку Бога в своей жизни, которая направляет его, и он также верит, что завещание, которое он пишет, вдохновлено озарениями, дарованными ему Богом. Бог управляет его жизнью, поэтому Бог сделал так, что он в прошлом писал антисемитские тексты. Потом автор утверждает, что нацисты покинули Бога в своем антисемитизме. Как это интерпретировать? Он утверждает, что антисемитизм был ошибкой, но в следующем предложении он объясняет, что это было необходимой защитой от наплыва евреев с Востока. Он предлагает немцам стряхнуть с себя антисемитизм, резко и тотально. «Недостаточно сказать (...) что мы примиримся с евреями, что

необходимость диктует нам это». Нет, требуется открытое сердце, новое отношение. Взаимное примирение! Извините – я правда вижу слово «взаимное»? Да, действительно так. Мало того, что евреям предлагается благородно броситься в раскрытые объятия немецкого народа, – нет, еще немцы должны простить евреев. Простить евреев? За что?

Автор идет дальше. «Либо они искоренят нас, либо мы готовы сделать этот шаг». Он не узнает старые антисемитские страхи и фразы в своих собственных словах, и он честно думает, что он предлагает радикально новое видение.

Автор просит немцев протянуть свои руки евреям и забыть о последствиях их предшествовавшего антисемитизма, – просто так! Это обязанность, вмененная Богом. Таким образом, совесть немцев будет очищена, Бог на их стороне. Автор не полный дурак, поэтому он предвидит, что евреи могут не доверять тому, что антисемитское прошлое завершилось, вот так внезапно. Евреи, конечно же, откажутся от этого галантного предложения. Но, предупреждает этот нацист из верхушки, они будут очень страдать из-за своего отказа, и целый мир пострадает от этого. И во всех несчастьях и всемирном расколе, которые затем последуют, будут виноваты евреи.

В то время, когда он писал эти слова, печи крематориев еще остывали и еще велись подсчеты миллионов умерших. Все это, однако, не останавливает этого человека, с Богом на его стороне, от желания вести народ Германии к чудесному новому будущему. Я задаю себе вопрос: не переживал ли он психотический эпизод, когда писал это? Это во всех смыслах антисемитский манифест. Он думает, что он увидел свет, я же вижу другую форму тьмы.

В этом тексте кажется, будто агрессор просит о прощении, но в действительности он даже не видит жертв, к которым он обращается, он просто берет их внаем. Миллионы умерших не важны, на них легко не смотреть. «Взаимное примирение», которое он предлагает, – это отвлекающий маневр, камуфляж. Единственный императив для него – это обеспечить благополучие его собственного племени, немецкого народа, и несколько уцелевших бывших жертв нужны только для того, чтобы выполнить это, чтобы Германия могла быть целостной и благополучной.

Когда я качаю головой над абсурдностью этого завещания, вдруг у меня по позвоночнику проходит холодок. В воображении я снова вижу расстановки, в которых ряд заместителей нацистов стоит напротив ряда заместителей евреев. Я вижу, что замести-

телям нацистов через некоторое время становится некомфортно, они ерзают и переминаются. Некоторые просят прощения и им нужно утешение от жертв, которых они же и убили. Но прочитав слова реальных нацистов и их детей, я уже не впервые спрашиваю себя: почему агрессоры должны стать способны вдруг настоящему увидеть своих жертв? Если они не были способны на это в прошлом, то что же сделает их способными открыть глаза сейчас? Потребность в прощении – приходит ли она из истинного признания страданий жертвы или это проявление совершенно другой динамики? Вполне возможно, что жертвы остаются полностью невидимыми для агрессоров. Может быть, осознание своей собственной вины просто невыносимо для агрессора, и так же, как нацисту в книге Бар-Она, агрессору нужно прощение жертвы, чтобы он мог отвернуться от своей вины? Может быть, в момент, когда вина поднимается, ее снова отвергают?

Я помню одну историю: во время хаоса при освобождении одного из крупных концентрационных лагерей несколько оставшихся нацистов и капо (узники, которые помогали нацистам поддерживать порядок в лагере) пытались переодеться узниками. Они спрятали свою немецкую униформу и оделись в старую грязную одежду заключенных. Одна женщина-нацистка не присоединилась к их попытке спрятаться. Она осталась в униформе и ждала прибытия сил союзников. И когда ее арестовали, она кричала заключенным: «Не смейте прощать нас!» После прочтения завещания в книге Бар-Она я должен признать, что я верю этой женщине больше, чем нацисту, который просит жертв национал-социализма держать и утешать его. Эта женщина запрещает жертвам прощать ее, потому что она точно знает, что она сделала. Другой нацист хочет, чтобы его жертвы простили его и обняли, и возможно, он все еще закрывает глаза на реальность.

Во сне, который я видел той ночью, я был членом небольшой группы узников, нас было восемь или десять человек. Я вцепился от голода и истощения. Один стражник в униформе с большим пистолетом ведет нас строем через лес. Очевидно, что по этой тропинке много ходили, и она очень болотистая. Идти трудно, у меня на ногах вместо обуви какие-то плоские деревянные башмаки, которые то застревают в грязи, то скользят по ней, поэтому мое внимание сосредоточено на ногах и тропинке. Потом лес заканчивается, и мы выходим в сад. Трава зеленая, и все выглядит совершенно. Мы строем входим в большой и просторный дом. Молча проходим через кухню в гостиную. Некоторые из обитателей

дома сидят там, болтая и попивая кофе, когда мы проходим мимо них. Потом мы идем через спальню и какой-то гараж, и проходим мимо еще нескольких людей. Никого из них не интересует, что за странных призраков проводят через их дом, и они даже не смотрят на нас. Они не могут нас видеть, они не хотят. Там находится подогреваемый бассейн, и некоторые в нашей группе такие грязные и так замерзли, что они прыгают в него и выпрямившись стоят в воде. Через несколько секунд охранник замечает это и пытается выгнать всех из теплой воды. Потом вдруг все заключенные, включая меня, несут кто целое тело, кто какие-то части тел. Эти тела нереально легкие, тонкие и безжизненные, как мумии или набитые соломой тряпичные куклы. Мы располагаем тела и части тел на лежаках вокруг бассейна и в креслах на траве. Мы покидаем эту сюрреалистичную живую картину с покойниками, лежащими вокруг бассейна и сидящими за столом, как если бы все было в порядке. Нас снова ведут в лес, и мы молча повинемся, истощенные, строем бессмысленно бороздя грязь деревянными башмаками.

Глава 7

ПЕРЕДАЧА ПАМЯТИ

Дина Варди – признанный на международном уровне специалист по «второму поколению» – детям выживших в холокосте. Она родилась в Италии и переехала в Израиль со своими родителями в возрасте одного года, как раз тогда, когда Европа погружалась в войну. Она обучалась в США, и после получения лицензии психотерапевта вернулась назад в Израиль. В середине семидесятых она заметила, что все больше и больше ее клиентов упоминали о том, что их родители выжили в холокосте. После беседы с коллегой (Тамар Шошан) у нее родилась идея начать длительную терапевтическую группу для этой особенной группы клиентов, чтобы помочь им лучше изучить свои симптомы и потребности. На эту тему еще не было книг, и концепция второго поколения еще не была разработана. Терапевтическая группа начала работать в 1975 году, она была первой в своем роде и длилась пять лет. Формат, разработанный для первой группы, использовался и для последующих групп, используется и до сегодняшнего дня, тридцать лет спустя.

В 1990 году Дина Варди опубликовала свою книгу «Мемориальные свечи» (Memorial Candles), основанную на ее обширном терапевтическом опыте со вторым поколением. Примерно в то время, когда книга издавалась, небольшая группа терапевтов, в которую входила Дина, основали Амча (ивр.: «мой народ»). Амча предлагает психотерапевтическую помощь для выживших в Шоа и для их потомков. Амча начала работать в Иерусалиме и сейчас активно действует во многих городах в Израиле.

Я хочу поговорить с Диной Варди о памяти и передаче. В системной работе мы видим, что на младшие поколения влияют те, кто был перед ними. Есть передача чувств, образов и мечтаний. Но как это получается, что именно передается и каким образом? Вся работа Дины посвящена трансгенерационной передаче, и я хочу больше узнать у нее, из ее опыта и инсайтов. Я спрашиваю у Дины, замечала ли она когда-либо, что что-то в передаче от одного поколения к другому выходит за грани речи и прямой

информации? Прежде чем ответить на мой вопрос, она описывает общие динамики, присутствующие семьям, основанным теми, кто выжил после войны.

Большинство моих клиентов знали, что их родители прятались или были в лагерях, но большинство из них не знали никаких подробностей обо всем этом. Например, большинство клиентов даже не знали, в каком из лагерей находились их родители. Часто в семьях выживших передается очень мало фактической информации, за исключением некоторых родителей, которые навязчиво говорят о своем прошлом. Но даже те родители, которые часто говорили об этом, давали очень мало информации, так как они рассказывали раз за разом одни и те же истории. Выжившие родители не рассказывали о том, что с ними случилось. Таким образом, вербально передавалось немного информации.

Большинство родителей использовали своих детей как защитный экран, превращая ребенка в мемориальную свечу. Родители проецировали своих умерших родственников (убитых братьев и сестер, родителей, тетю и дядю, дедушек и бабушек и т.д.) на новое поколение. Это не передача травмы родителей, это что-то другое. Выжившие, которые стали родителями, не могли видеть живущего ребенка как нового человека, а только как мертвого родственника. Для них был невозможен нормальный процесс траура, и фактически не было отделения от тех, кто погиб. С новым ребенком обращались так, как если бы он был умершим. И таким образом ребенку приходилось обходиться со скорбью, злостью, чувством утраты, чувством покинутости и т.д. его родителей. В терминах психологии это называется проективной идентификацией. Родитель проецирует на ребенка определенные чувства, образы и внутреннее переживания, и родитель идентифицируется с этим через ребенка, который их несет. Помимо всего этого, выживший часто чувствует вину, чувство, что он покинул умершего. Любой дальнейший вид разделения для выживших становится невыносимым, и нормальная сепарация для них больше невозможна.

Мы некоторое время говорим об этих паттернах и о том, что некоторые из чувств, которые принадлежат этим выжившим, кажется, присутствуют повсеместно в еврейском сообществе, включая людей, которые сами не являются выжившими в лагерях или их детьми. Дина описывает свою поездку в Берген-Бельзен, и как она чувствовала, что она буквально не могла покинуть лагерь, или – более точно – она чувствовала себя неспособной покинуть людей, которые умерли там. «Все, что я чувствовала, было: «Я не могу оставить их здесь». У меня были такие тяжелые ноги, я совсем не могла двигаться, физически. Я не могла уйти из лагеря, я не могла оставить их. Это было впервые, когда я так ясно пережила

это сама». Я рассказываю Дине о моем пребывании в Аушвиц-Биркенау, о чувстве, что я в буквальном смысле оставил часть себя там, и что каким-то образом это соединяло меня с жизнью больше, чем если бы я пытался отделиться от мертвых. Дина понимает это. «То, что мы пережили, это были чувства выживших. И только подумай: они чувствуют так всю свою жизнь».

В Освенциме многие люди сообщили мне о том, что им снилось, будто они сами были там узниками и умирали там. О таких снах рассказывали и евреи, и не-евреи. Есть много людей, которые считают, что такие образы, должно быть, приходят из-за того, что они сами там были в прошлых жизнях. Дина тоже слышала от своих клиентов о таких снах. Она не делает спекуляций по поводу того, что может быть причиной таких переживаний у не-евреев, так как она работает исключительно в еврейской общине. С ее точки зрения, сны такого рода, как пребывание в лагере, могут возникать из потребности детей понять своих родителей. Ребенок идентифицируется с фактом, что родители были в лагерях, но родители очень мало рассказывали об этом. Поэтому у ребенка нет прямой информации о том, что в точности произошло. Однако, поскольку дети видели фильмы о том, что происходило в лагерях или читали об этом в книгах, они могут создать образ того, как, должно быть, выглядела жизнь в лагере. «Возможно, – говорит Дина, – другие люди тоже создают себе такие сны, так как им необходимо попытаться прийти к примирению с тем, что случилось».

Но дело не только в том, что дети пытаются воспроизвести реальность жизни их родителей во время войны, это более сложно. Существуют различные виды памяти, и работают разные динамики». Она упоминает книгу «Завещания Холокоста – Руины Памяти». Автор, Лоуренс Л. Лангер, исследует природу прямой вербальной передачи у выживших, которая отличается от письменных записей, найденных в книгах. Изучая сотни видеозаписей бесед с выжившими в Шоа и сам проведя беседы со многими из них, он смог выделить пять различных типов памяти. Не все в исследовании Лангера показалось Дине практически полезным в ее работе с детьми выживших, но оно очень помогло ей более ясно увидеть природу передачи от выживших родителей детям, которые родились после войны. Ее видение было отточено Лангером, и теперь она выделяет два типа памяти.

Первый тип памяти, и самый очевидный, – это «ежедневная память». Она хронологична, рефлексивна и линейна. Выживший рассказывает фактическую историю, объясняет подробности, приводит имена и даты:

о прошлом опыте повествуется с ясностью, когерентно. Факт, однако, состоит в том, что многие травмы у выживших были в основном физические, это были прямые телесные переживания и чувства. Громкие крики, ползание и укусы паразитов, болезненные раны, которые не затягивались, предельный и непрекращающийся голод, диарея, побои, запахи и пронизывающий холод – это лишь некоторые примеры. Реальность этих переживаний отрезана от слоя ежедневной памяти. В действительности ежедневная память даже не осознает этого. Люди не могут позволить этим переживаниям, которые хранятся в «глубинной памяти», быть доступными для осознания, потому что они являются прямой угрозой той личности, которая каким-то образом была восстановлена и создана после того, как миновали травматические годы.

Глубинная память может затопить эго и перепрыгнуть его защиты, и когда она прорывается, выживший может стать психотичным, депрессивным или суицидальным. Душа защищается от глубинной памяти, чтобы защитить себя от дезинтеграции. В кошмарах, которые сняты многим выжившим, содержатся следы глубинной памяти. В пожилом возрасте защиты эго ослабевают и фрагменты глубинной памяти могут всплывать на поверхность. Травматические события, такие как потеря супруга, могут открывать доступ к глубинной памяти, эго открывает также приближение к собственной смерти.

Кроме небольшой части информации, которая передается вербально в историях, которые рассказываются из перспективы ежедневной памяти, второе поколение впитывает также и не озвученную глубинную память родителей. Настоящие факты никогда не передаются словами. Так что некоторые сны о пребывании в лагерях могут возникать из потребности понять родителей; но дети создают эти образы не только для того, чтобы заполнить молчание, они в действительности получают также образы и переживания, переданные без слов, прямо от родителей. Я считаю, что некоторые из кошмаров детей выживших являются результатом впитывания глубинной памяти родителей. Эта глубинная память подавляется, но переживания, которые хранятся в ней, продолжают существовать и просачиваются сквозь щели. И я считаю, что этот материал впитывается не только от родителей, но и от большей семейной системы (рода) и даже от всего коллектива (народа). У выживших есть разные чувства, которые связаны с их переживаниями и являются их частью и которые хранятся в глубинной памяти, и им нужно вести непрекращающуюся борьбу, чтобы держать эти чувства подальше от повседневного сознания. Это требует много сил! И все же переживания должны быть каким-то образом высвобождены, они требуют, чтобы их переработали. Энергия просочится, раньше или позже, там или здесь. Сами выжившие не в состоянии открыть все это, потому что объем и интенсивность этих переживаний слишком сильны для них. Таким образом, это оставляется для второго поколения, это предстоит сделать ему. Если оно не может совладать с тем, что нужно открыть, то это остается третьему поколению или даже более поздним поколениям.

Динамика, о которой говорит Дина, известна в шаманских традициях. Переживания, которые не могут быть обработаны, отделяются. Они не исчезают, но они остаются нетронутыми, словно тени их владельцев, блуждая по иному миру. Их называют потерянными частями души. Задача шамана – найти эти блуждающие части души и вернуть их клиенту, которому приходится потом иметь дело с чувствами и эмоциями, содержащимися в них. Сложность, конечно, состоит в том, что те, кто потерял частичку своей души, потеряли ее именно потому, что были не способны справиться с определенным травмирующим событием. Если ничто не изменилось в жизни клиента и он не научился новым способам обходиться с прошлым, то найденная часть души может быть отвергнута в тот же самый момент, когда ее нашли. Такие потерянные части души могут быть подобраны теми, кто близок к людям, которые их потеряли.

«Я верю, что существует коллективное бессознательное групп или племен, – продолжает Дина. – Евреи – это племя. Где бы мы ни жили, везде было преследование, сотни и сотни лет. Шоа связано с неким центральным элементом в коллективной душе, в аниме племени, в коллективном бессознательном – можете назвать это так, как вам больше нравится. Это надо переработать, проработать каким-то образом. Многие художники помогают это сделать, обращаясь к более глубоким слоям и открывая информацию из коллективного бессознательного племени. Они используют образы, чтобы выразить то, что слова не могут охватить».

Наша дискуссия поворачивается к включению или исключению агрессоров в памяти выживших. В семьях клиентов Дины о нацистах помнят по-разному. Есть истории о редких «хороших нацистах», которые спасли кого-то из членов семьи, потому что так сложились обстоятельства или это было их собственное решение. Иногда имел место длительный личный контакт между выжившим и отдельным нацистом. Существует много разных образов, личных образов, плохих и хороших. Но опять-таки дети выживших слышат об этом очень немного, всего несколько слов. Таким образом, им нужны более конкретные образы нацистов, и иногда они будут видеть сны о них или даже начинать проживать энергию агрессоров в своих действиях. Во снах детей выживших нацисты обычно обладают контролем. Те, кто находится в сильной идентификации с агрессором, могут иногда видеть сны о том, что они сами являются нацистами. «Невозможно отрицать существование части агрессора, – говорит Дина. – Часть жертвы должна

найти путь, чтобы встретиться и вести диалог с ней, и наоборот. Эти голоса присутствуют во всех, – конечно же, в разных видах и формах, но они всегда есть». Она рассказывает историю:

Одним из моих клиентов на одной из групп был Моше. Его мать еще девочкой была в Освенциме, и она единственная, кто выжил из всей ее семьи. Его отец участвовал в движении Сопротивления во время войны, возможно, он был партизаном. Моше был их единственным живым ребенком, но у его матери было много мертворожденных детей. Моше – высокомерный мужчина, очень самоуверенный, ему нравится очень быстро водить автомобиль. У него есть мотоцикл, и еще он лазит по горам без страховки. Фактически все время он проверяет жизнь на прочность. У него была очень явная идентификация с паттерном Сопротивления, который можно увидеть в некоторых семьях выживших. В медицине он выбрал специализацию по недоношенным детям. Это выражает его идентификацию с ситуацией матери и со всеми его мертворожденными братьями и сестрами. И снова он нашел способ быть на грани между смертью и жизнью. В какой-то момент ему нужно было пройти службу в армии, и он в качестве офицера боевой единицы находился недалеко от арабского города на оккупированных территориях во время первой Интифады. Он работал на одном из пропускных пунктов и сказал мне, что всегда видел, как арабы стоят в длинной очереди. Ему нравилось видеть, что теперь другие стоят в очереди, и это не мы, не евреи. Однажды ночью во время комендантского часа он патрулировал город на джипе с несколькими солдатами. И вдруг на них полетели камни с одной из крыш. Они остановили джип, побежали к дому, с которого бросали камни, и увидели, что это делают трое арабских мальчишек. Дети начали убежать, солдаты побежали за ними, но мальчишки бежали легче, на них не было тяжелой экипировки, и они знали улицы. Место было холмистое, и через некоторое время у солдат не осталось сил продолжать погоню. Сам же Моше обнаружил, что он не может остановиться. Вокруг него стояла глубокая тишина из-за комендантского часа, и он слышал только эхо своих сапог, звучащее на улице. На вершине холма ему удалось догнать одного из мальчиков. Он повернулся и положил руки за голову, показывая, что у него нет оружия, глаза его были огромные и перепуганные. В тот момент, сказал Моше, что-то в нем растаяло: он увидел в этом ребенке знаменитую фотографию маленького мальчика с поднятыми руками в Варшавском гетто. Вся злость улетучилась, он потрепал ребенка по голове и сказал: «Больше не бойся, я ничего тебе не сделаю». Он привел ребенка домой, они позвонили в звонок у двери, и им открыл испуганный отец. Моше сказал: «Не волнуйтесь, я просто привел вашего мальчика домой». Мальчику было девять, может, десять лет. После того как Моше рассказал эту историю в группе, я сказал: «Этот мальчик был такого же возраста, как твоя мать, когда она попала в Освенцим. Ты можешь представить, как твоя мать стоит там, в очереди, в Освенциме?» Это был первый раз,

когда Моше плакал в группе, за много лет. Это был поворотный момент. В этот момент начался внутренний диалог с подавленной энергией жертвы. До этого жертва по-настоящему не присутствовала.

Мы говорим о танце между энергией жертвы и агрессора и о том, что, возможно, в мире нет другого места, где энергии жертвы и агрессора переплетены так, как здесь, в Израиле. И неудивительно, что это очень значимая тема для израильского общества. На уровне коллективной души Шоа оставила огромную черную дыру, запретную зону необъятных размеров. Жертвы не были оплаканы, нормальный процесс отделения был невозможен. Была сделана только маленькая часть этой работы. Преступники, ответственные за миллионы умерших, интегрированы еще меньше. Попробуйте представить себе эту невозможную ситуацию, смешанную с образованием израильского государства, которое уже само по себе было сложным из-за наследия колонизации Палестины англичанами и сионистского отношения. Разные ранние движения сионистов обратили минимум внимания на тот факт, что на этой земле уже жило арабское население. После холокоста у них была безнадежная потребность в безопасном месте, которая превратила арабов в малозначимый фактор для выживших. Горан Розенберг самым ясным образом подводит итог этому в своей критичной книге «Потерянная Страна»: «Когда история народа отрицается, и есть отказ признать даже его присутствие, то его невозможно уважать. А людей, которых не уважают, рано или поздно будут ни во что не ставить». Он пишет об этом, имея в виду то, как обращаются с арабами в Израиле. И я бы добавил, что цитата в равной степени актуальна для арабского мира, который не признает существование Израиля. Местные арабы, со своей стороны, использовали насилие против еврейских эмигрантов, которые приехали в Палестину за много десятилетий до того, как было создано государство Израиль. Это продолжающаяся трагедия, в которой обе стороны справедливо называют себя жертвами и в то же время действуют как агрессоры по отношению друг к другу. Страдает и еврейское, и арабское население. Ни один народ не смог проработать свою коллективную скорбь, и оба все еще нуждаются в том, чтобы интегрировать факты из своего прошлого и своей собственной энергии агрессоров.

На следующий день после беседы с Диной Варди я продолжаю размышлять о тайнствах передачи и переплетений. У меня мало времени, чтобы подумать обо всем этом, так как у меня назначено много встреч. Невозможно приехать в Израиль и не повидаться

с родственниками и друзьями, и именно в этот день у меня назначено две встречи. Сначала я отправлюсь повидать своего тестя Рафаэля, а потом мою подругу Эвельен.

Я встречаюсь с Рафаэлем в стильном ресторане. Как я ни стараюсь, я не могу выкинуть разговор с Диной из головы, и я решаюсь спросить у Рафаэля, не поведает ли он мне о том, как в его семье помнили и говорили о лагерях. «В первые недели или месяцы после освобождения и возвращения в Голландию мы иногда говорили о лагере, но довольно скоро мы перестали вспоминать это. Только уже в последние годы, когда мама овдовела, мы иногда делились несколькими словами об этих временах. Она говорила мне, что помнит, что ей все время было холодно, а я сказал, что я больше помню голод... Такие вещи».

И как он, выживший узник, решил обходиться с прошлым, будучи отцом троих детей, рожденных после войны? «Мы не хотели растить их в страхе, мы хотели, чтобы они росли в безопасности. В основном мы не говорили об этом. Но когда они хотели услышать о нашем опыте, мы отвечали на их вопросы».

Позже в тот же день я встречаюсь с Эвельен. Мы нашли милое кафе и наслаждаемся шоколадными пирожными. Она рассказывает мне о танцевальной постановке, которую она создала, основываясь на своем собственном опыте ребенка выживших родителей, рожденного вскоре после войны. Танец начинается с того, что она стоит неподвижно, и через некоторое время сзади появляется фигура женщины в вуали. Эта женщина обнимает Эвельен, делясь с ней теплом и силой. На большой экран проецируется фотография ее матери времен начала войны, и на этой фотографии мать прижимает к груди маленькую сумочку. Похожая маленькая сумочка падает на сцену сзади экрана, и Эвельен поднимает ее. Она танцует разные аспекты жизни ее матери. Далее, через некоторое время, на сцене появляется более молодая женщина. Она представляет поколение, которое родилось после войны, и иногда несет свою мать на спине, когда старшую женщину парализуют глубинные воспоминания. Но поскольку границы между поколениями не всегда ясно видны в этой постановке, она также могла бы быть матерью Эвельен, так как она родилась до начала Шоа. В последней части постановки Эвельен полностью укутана вуалью, и она благословляет других женщин. Благословляет ли она будущие поколения или свою мать? Может быть, их нельзя и не нужно разделять. Теперь молодая женщина несет маленькую сумочку – символ груза прошлого, но, к счастью, новое поколение

несет его легче. «В начале, когда меня обнимает женщина в вуали, это похоже на объятия всех женщин, которые умерли, и как если бы они меня благословляли. И в конце танца, когда я сама в вуали и обнимаю молодую женщину, это похоже на то, как будто я передаю это благословение следующему поколению».

История, которую создала Эвельен, основана на передаче от родителей детям. Передача – это факт, и ее нельзя игнорировать. Вместо того чтобы сражаться или пытаться избежать того, что идет от родителей, ребенок (будучи взрослым) полностью принимает это. Когда это осознанное принятие, содержимое передачи уже не является разрушительной угрозой и может быть переварено. Это не простой путь, но вступая на него, наследие прошлого можно исследовать, выразить и интегрировать. Это путь к целостности.

Глава 8

БЕЗМОЛВНЫЙ КРИК

Я мог бы быть сейчас где-то в резервации в Соединенных Штатах, навещая пожилого друга-индейца, но я сижу перед Хаимом Дасбергом в его доме в Иерусалиме. Хаим – психиатр на пенсии, ветеран многих войн, выживший в Шоа, и многое другое. Помимо всего прочего, как он сообщает, подмигивая, он является *enfant terrible* в разных клубах и сетях. Он любит играть словами, и с его возрастом и славой, которая тянется за ним в Израиле и за границей, у него это хорошо получается. По мере того как он рассказывает мне о разных вещах, к которым он имеет отношение, его внимание переключается на людей, которые хотят его участия в своих проектах для того, чтобы они могли поставить его имя рядом со своими. Для меня Хаим выступает в роли светского духовного старца – парадокс, который может ему понравиться. И есть кое-что, чему я научился, находясь рядом со старшими: когда они предпочитают говорить намеками, то что бы они ни говорили – это адресовано тому, кто находится перед ними. Когда старец говорит, ты слушаешь, наблюдаешь и потом пытаешься слушать еще лучше.

Итак, пока он рассказывает первые истории, я исследую причины, по которым я хочу поговорить с ним. Хочу ли я использовать его имя в моей книге, поместить фамилию «Дасберг» на обложку? Нет, я хочу говорить с ним прежде всего потому, что мне по-настоящему приносит удовольствие слушать его меткие наблюдения. Я знаю, какой у него опыт, и я ценю его мнение. Хаим Дасберг очарован семейными расстановками, я ему рассказывал о них, и мы раньше уже обсуждали возможности и ограничения этого метода. Он присутствовал на некоторых моих семинарах в Израиле, и он знает, что я делаю и на чем я стою. Перед тем как встретиться с ним в этот раз, мы обменялись несколькими письмами, и теперь я здесь, чтобы спросить о его размышлениях и наблюдениях по поводу вины, примирения и прощения. Так, с чашкой чая и горькой печенья передо мной, я откидываюсь назад, закрываю рот, открываю уши и слушаю.

KZnik (сленговое название для узника концентрационного лагеря), израильский писатель, который под этим псевдонимом пишет о своем прошлом в лагере, был в Освенциме. Вместе с другими заключенными их загрузили в вагоны и отправили в крематорий, где их убьют. Каким-то образом ему удастся остаться в вагоне, пока других заталкивают в газовые камеры, он прячется под каким-то покрывалом или чем-то в этом роде. Оттуда он видит эсэсовца, который наблюдает за происходящим. Это очень холодный день, и немецкий офицер трет ладони, дышит на руки, чтобы согреть их. KZnik сочувствует офицеру – ему приходится быть тут, на морозе, делать эту неприятную работу вместо того, чтобы проводить время дома с женой и детьми. Так, надеясь избежать смерти, он чувствует жалость к своим убийцам. Когда KZnik в состоянии почувствовать это, даже в таких экстремальных условиях, то это форма эмпатии к другому. Это не прощение другого; скажем так – это некоторый вид «понимания». Значит, можно понять того, кто убивает тебя.

Существует история Хиллеля Кляйна (Hillel Klein), израильского психиатра, который выжил в разных лагерях. Пока он был в Плашуве, концентрационном лагере рядом с Краковом, эсэсовец приставил пистолет к его голове и спросил: «Мы выиграем в войне?» Кляйн ответил неожиданным образом, зная, что его слова, вероятно, будут стоить ему жизни: «Вы не можете убить всех нас». Эсэсовец не застрелил его и ушел прочь. Это было не то понимание, которое происходит из эмпатии; тут возник некий вид коммуникации, некоторый род разделенного момента. Кто знает, может быть, такие моменты случались много раз, даже в таких экстремальных обстоятельствах, но мало кто выжил, чтобы рассказать об этом. Итак, здесь мы имеем что-то меньшее, чем эмпатия. Это некоторый вид признания друг друга, некоторый вид чувствования, который, очевидно, возможен даже при прямой угрозе быть застреленным.

Что это значит, когда люди в расстановках стоят на местах жертвы и агрессора? Это значит, что в отображении этих отношений есть возможность для некоторого понимания друг друга или, по крайней мере, для некоторого вида чувствования. Но такие переживания не имеют ничего общего с примирением, и это не надо путать с примирением. В тот момент, когда я стою в расстановке, я могу понять что-то из того места, где находится человек, которого я замещаю. Это все. Это может быть преисполнено смысла, но это не прощение.

Хаим говорит о своем личном опыте. Однажды в Германии он встретил женщину, чей отец был солдатом и погиб на фронте. Это была грустная история, говорит он. Ее мать пыталась убедить мужа, что он не должен возвращаться на фронт. Но отец чувствовал, что это его долг, и он ушел. Женщина рассказала Хаиму о том, как она сидела на коленях отца в последний раз, когда она его видела; она помнила, какой грубой была ткань его униформы, как она царапала кожу ее маленьких ножек. И отец больше не вернулся.

Я спросил ее, была ли какая-то поддержка от правительства, какой-то ритуал или встреча вдов и детей? «Нет, – сказала она, – ничего». – «Даже ничего, что было бы организовано церковью или другой организацией?» – «Нет, после войны не было никакой поддержки, просто пустое пространство в семье». И когда я это услышал, я прочувствовал это. Все эти вдовы и дети, все эти мужья и отцы, которые ушли, и не было никакой поддержки от сообщества. Мне стало грустно. Но если вы спросите меня, прошу ли я солдат, – нет. Я могу честно прочувствовать трагичность их жизней и жизней тех, кто остался. Но я не прошу немецких солдат.

Через некоторое время в разговоре Хаим обращается к процессу начала 1980-х против Ивана Демьянюка, военного преступника. Израильский суд не мог установить, был ли перед ним Демьянюк из Треблинки или Демьянюк из Собибора, и в итоге по этой причине мужчину освободили. Этот случай всколыхнул много чувств у многих людей во многих странах, по множеству разных причин, но эта книга – не место, чтобы реконструировать то, что произошло. Хаим говорит о периоде, когда судебный процесс еще продолжался:

Я думал, что мужчина в суде был убийцей моего отца, который, как я думал в то время, был убит в Собиборе. И там, по телевизору, я увидел этого старика. Я видел, как он вошел в зал суда, с трудом передвигаясь из-за больной спины. Потом он остановился и помахал своим внукам, как добрый старый дедушка. Я сочувствовал ему по поводу его больной спины, и это было мило, что дедушка машет рукой своим внукам. И я понимаю этого человека. Представьте: он был военным узником, и вместо того, чтобы убить его, его освобождают, и теперь он может носить костюм. Ему дают еду, и ему дают работу в лагере. Я могу понять все это. И все же, если бы они решили его повесить и если бы меня попросили нажать на кнопку, которая заставит его упасть и умереть, я бы сделал это. Я бы сделал это, если бы меня попросили, не сомневаясь.

Когда Хаим говорит о невозможности прощения, в нем нет возбуждения, нет жажды мести, нет сильных эмоций. Есть только спокойная ясность. «Галаха учит, что прощения можно попросить и прощение можно дать только в определенных условиях», – говорит он, и кратко описывает мне их. Он предлагает мне еще раз поговорить об этом с раввином после нашей беседы.

Есть пять условий, которые виновная сторона должна выполнить. Первое – виновный должен признать, что совершил преступление, что

он виновен. Второе – он должен сказать, что он сожалеет. Третье – он должен признать, что он причинил вред или нанес ущерб. Четвертое – он должен выразить свое намерение компенсировать причиненный ущерб, и он должен выполнить это. Пятое – и по этому поводу все еще идут споры между раввинами, – он должен пообещать, что он больше никогда этого не сделает. Все это должна говорить только виновная сторона, и никто не может говорить от ее лица. И эти слова должны быть сказаны непосредственно жертве, или если речь идет об убийстве, ближним родственникам жертвы. Прощение – если оно вообще случается – может случиться только между этими двумя сторонами.

Тут для меня встает интересный вопрос. В расстановке присутствуют заместители жертв и агрессоров. Но заместители остаются собой – и мы должны об этом помнить, – они не являются теми людьми, кого они замещают. Даже если оба человека в расстановке хотели бы принять принцип прощения, имеют ли они право прощать или быть прощенными от имени тех, кого они замещают? Мы не можем прощать от чьего-то имени. В процессе заместительства в расстановке мы можем быть сонастроены с чьей-то душой, но мы не становимся тем человеком, кого мы замещаем.

Яэль, жена Хаима, приглашает нас на кухню и подает нам суп. Я наслаждаюсь их беседой о библейских персонажах и о том, что эти мужчины и женщины никогда не были совершенны: у всех них были недостатки и они действовали так же, как и современные люди. Хаим говорит об Иове, который потерял все свое имущество и всех, кого он любил, но все же продолжал верить в Бога. В конце истории он становится еще богаче, чем в начале. Эта история поднимает много вопросов. Когда мы прощаемся, Хаим спрашивает у меня: «Как ты думаешь, Иов простил Бога или Бог простил Иова?» У меня нет ответа.

После посещения Хаима и Яэль я беру такси до Яд ва-Шем, мемориала холокоста в Иерусалиме. По дороге туда мне вспоминаются слова раввина Оэда Эзрахи, сказанные им несколько месяцев назад, в Биркенау. Мы стояли в лесу, который граничил с лагерем, в месте, где сотни тысяч женщин и детей провели свои последние часы жизни, ожидая, пока газовые камеры и крематорий снова освободятся, чтобы принять их. Мы пели и молились с небольшой группой людей, и Оэд сказал: «Бывают поверхностные раны, которые легко заживают. Бывают раны, которые довольно глубоки, но они все равно заживают, хоть после них и остается шрам. И бывают также раны, которые настолько глубоки, что ущерб от них постоянный, невосполнимый. Они не заживают, и

после них никогда не будет шрама. Они остаются ранами, открытыми и кровоточащими. Холокост – это такая рана».

В 2005 году к мемориалу Яд ва-Шем было добавлено новое здание с постоянной выставкой. За два года до этого я видел это здание, в тот момент оно было готово только наполовину. Посередине парка был огромный длинный провал в ландшафте, гигантская рана в земле, стены – голый бетон. Стоя там, я мог смотреть сквозь длинный треугольный туннель и видел огромное и удивительно пустое пространство. Сейчас я снова здесь, и пустота уже заполнена.

Тексты, фотографии и видео борются за мое внимание, и пока я иду по залу, меня дезориентирует уже само количество материалов и информации. Я вижу лица выживших на видеоэкранах и слышу, как их голоса рассказывают свои истории. На других экранах я вижу старые черно-белые фильмы, в которых показывают людей, бегущих по гетто, гонимых, как животные. Здесь выставлены всевозможные объекты: полусожжённые фотографии улыбающихся малышей и детей, найденные в карманах убитых, настоящие сине-белые полосатые рубашки из лагерей. Толпы людей ходят по залу, вбирая все это. Многие посетители разговаривают друг с другом, но это странные разговоры, так как многие просто повторяют факты, которые они тут только что узнали. Этот мемориал вызывает у меня приступ клаустрофобии. Я хочу растолкать всех с моего пути. Я пытаюсь отвлечься при помощи раздражения. Когда я осознаю это, я позволяю выставке еще раз тронуть меня. В считанные секунды меня все это ошеломляет, и еще через минуту я обнаруживаю, что дышу очень поверхностно. Я узнаю эту стратегию: мало дышать – значит мало чувствовать. Это умело созданная выставка, но то, что она показывает, – это ужасно.

Когда я хочу отвернуться от нее, она соблазняет меня посмотреть повнимательнее, и я ужасаюсь еще больше.

В менее оживленном месте я вижу мужчину, который вдруг ни с того ни с сего останавливается и падает. Внезапно его колени подгибаются, и он падает на пол. Почему только он один? Я спрашиваю себя, не является ли непроизвольная реакция этого мужчины более нормальной, чем моя собственная диссоциация? Пробираясь к выходу из здания, я думаю о словах Дины о повседневной и глубинной памяти. Выставка повествует историю подробно, хронологично и точно. Вначале с видеозаписи на меня орет Гитлер. Далее я вижу настоящие тряпичные желтые звезды,

которые люди должны были носить на своей одежде. Потом я вижу простой деревянный вагон, в котором перевозили людей в гетто, и в конце я вижу предметы из лагерей, которые принадлежали прячущимся людям. Люди, которые были там, рассказывают свои истории на видеозаписях. Это настолько достоверно, насколько это вообще возможно на уровне исторической информации. Но где же те шрамы и слезы, которые были заперты в теле? Похоже, что никто здесь не плачет. Люди ходят кругом, они потрясены тем, что они видят, но не создается впечатления, что они ошеломлены. Большинство из них выглядят внешне расслабленными и спокойными. Или они тоже сдерживают дыхание, как и я, чтобы не плакать и не чувствовать? Мужчина, чьи колени спонтанно подогнулись, уже выпрямился и продолжает ходить, еще потрясенный, пытаюсь вернуться в нормальное состояние как можно быстрее, как если бы ничего неожиданного не случилось.

Когда я выхожу из здания, меня провожает одна фотография. Рядом с ограждением из колючей проволоки концентрационного лагеря сидит изнуренный мужчина. Эта фотография, как я узнал позже, была сделана во время освобождения Берген-Бельзена. Сидя на земле в одежде, которая для него слишком велика, мужчина отворачивается от камеры, повернув голову вправо. Почему? Это драматический момент. Возможно, фотограф увидел его в этой позе и быстро сделал снимок. Но более вероятно предположение, что выживший знает, что на него смотрит камера, и специально отворачивается в сторону, пытаюсь таким образом сохранить остатки достоинства. Но может ли он позволить себе помнить, что такое достоинство? Что происходило в тот момент, когда была сделана фотография? Может, фотограф использовал камеру как барьер между ними двумя, и выживший мужчина плачет, потому что освободитель испугался его? Его голова похожа на череп с туго натянутой кожей. Похоже, будто в тот момент, когда делалась фотография, шея вдруг перестала выдерживать вес головы, и она завалилась назад. Глубоко запавший глаз закрыт, рот открыт в крике. Это чем-то напоминает мне «Крик», знаменитую картину Эдварда Мунка, но та картина – бледная тень по сравнению с этой фотографией. Она полна боли, выходящей за пределы воображения.

Я помню, как это здание выглядело два года назад: огромная пустая рана на земле. В ретроспективе она становится пустой могилой невообразимых размеров. Я спрашиваю себя, не было ли бы более уместно, если бы этот памятник оставался пустым се-

годня? Возможно, там стоило бы повесить только эту фотографию, молчаливый крик, эхом отражающийся от стен, вперед и назад, застывший во времени, без звука.

Хаим Дасберг рассказал мне о том, как он чувствует себя в день Йом ха-Шоа (день памяти жертв холокоста) в тот момент, когда по всему Израилю завывают сирены. Пока он говорил, он отвернул свое кресло от меня так, чтобы он мог видеть долину и холмы за окном. Он жестикулировал и махал руками, и ему как-то удалось заполнить долину затухающим эхо этого безнадежного звука в тот момент, когда он становится напряженной тишиной. На мгновение мы оказались вне времени, в месте, где прошлое все еще присутствует. Теперь, когда я покинул выставку и стою снаружи, меня окружает глубокая тишина. Та тишина, которая следует за звуком сирен Йом ха-Шоа, и молчаливый крик отчаявшегося выжившего в момент его освобождения сливается с ней: я рефлекторно перестаю дышать, но уже слишком поздно, мои защиты уже ослабли. Молчание слишком громкое, слишком громкое, – и я начинаю плакать.

В зале, посвященном детям, почти полная темнота. Горит всего несколько свечей. Сооружение из зеркал умножает огоньки свечей, и они вытягиваются во все стороны. Вокруг меня, надо мной и подо мной я вижу маленькие огоньки. Я долго стою здесь. Постепенно меня охватывает ощущение, что я качаюсь на волнах, как будто бы в какой-то иной вселенной. Огоньки простираются далеко, куда бы я ни посмотрел. Время от времени через зал проходят другие посетители. Они только тени. В этой вселенной потерянных душ роли перевернулись. Мы, сегодняшние посетители, всего лишь незначительные прохожие из другого мира. Здесь реальны только души детей, а посетители – призраки. Оставят ли мои молитвы хоть какой-то след, который они смогут увидеть?

Глава 9

ВЕС МЕРТВОГО

Когда человеку поставили диагноз – смертельное заболевание, то ему, а также всей его семье и друзьям приходится встретиться лицом к лицу с неизбежностью смерти. Если ситуацию принимают такой, какая она есть, то это время может стать очень ценным, иногда даже прекрасным: какие-то важные вещи еще можно сказать, спросить или разделить. После некоторого времени, необходимого, чтобы произошла такая адаптация, переживание неизбежности смерти все еще болезненно, но в некотором смысле это часто бывает легко. После фактической смерти тем, кто остается, нужно время на траур. Для одних он пройдет быстрее, чем для других, но в целом все или почти все раньше или позже смогут продолжать жить дальше. Пустота, которая остается после умершего, заполняется воспоминаниями, историями, образами. Там и воспоминания о последних встречах, речи и слезы на похоронах, и близость разделенной с другими скорби. В конце концов остается чувство чего-то завершенного, законченного, чего-то, что пришло к своему концу. Друзья и родственники смогут спокойно смотреть на покойного вместе.

Иногда смерть приходит без предупреждения: чью-то жизнь неожиданно обрывает сердечный приступ, или несчастный случай вдруг грубо вырывает кого-то из этого мира. Человек может внезапно покончить с собой, не оставив записки. В таких ситуациях те, кто остались, переживают недоверие и шок. Подготовка была невозможна, и теперь процесс интеграции и приспособления к тому, что случилось, потребует намного больше времени и намного больше сил. Жизнь кажется уже не такой надежной. Нескольким, особенно тем, кто был очень близок к умершему, возможно, никогда не удастся полностью примириться с внезапной утратой.

Они могут чувствовать, что в их жизни образовалась трещина: есть время, которое было «до», и время «после». Жизнь «после» чувствуется по-другому, не такой яркой, какой-то пустой, оцепенелой или лишенной настоящей радости. Когда смерть приходит неожиданно, нет исполненных смысла последних мгновений, нет

сбивает трактор, никто не выжил. Чем больше людей умирает неожиданно и одновременно, тем тяжелее это для тех, кто остается. С пустотой, которая возникает после смерти одного человека, оставшимся тяжело примириться, особенно если они не могли подготовиться к этому. Но если вдруг уходят двое, трое или четверо, то пустота может ощущаться как черная дыра, которая слишком велика, чтобы соприкоснуться с ней. Многие члены семьи и друзья никогда полностью не восстановятся после такой потери, и воспоминание о тех, кто умер, не станет умиротворяющим источником силы. Пропась не заполняется воспоминаниями о хороших временах. Душа повреждена. На пропасть никогда не смотрят прямо, но она никогда не исчезает из виду. Те, кто остались, нуждаются друг в друге еще больше, чем когда-либо. Если все пройдет хорошо, то они научатся восстанавливать равновесие, шаг за шагом. Вместе они научатся обходить те внутренние пространства, где больше всего боли. Воспоминания об умерших чаще всего будут запаркованы в психологически запретной зоне – в зоне видимости, но вне зоны доступа. Нет настоящего завершения. Но в случае несчастья с многими умершими, например, в случае пожара в доме, когда половина семьи погибает, а другая половина выживает, обычно остается нетронутая часть деревни, город или община вокруг них. Люди будут поддерживать уцелевших, молиться за них, и все это помогает. И часто, если есть могила, на которую можно сходить, место, где покоятся останки умерших, это может стать важной поддержкой для тех, кто остался. Там они постепенно могут обрести чувство заземленности и пережить чувство реальности, которого не хватает в их жизни. И кто знает – возможно, через некоторое время, после многих посещений могилы, для них станет возможно хотя бы частично интегрировать случившееся.

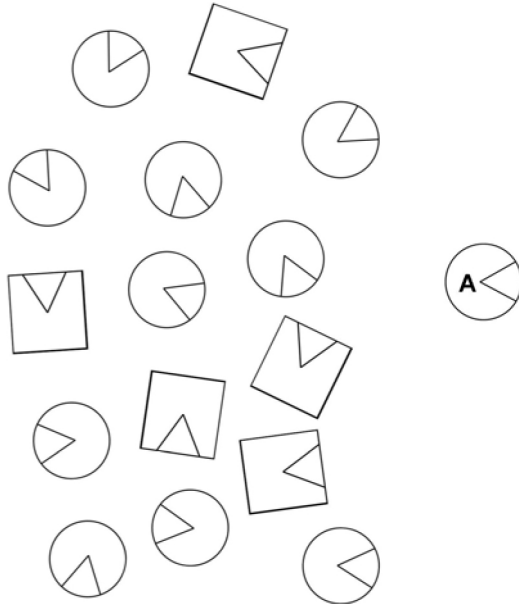
Терять людей никогда не бывает легко. А как насчет жизни и смерти во времена политической и социальной дезинтеграции? Некоторые люди умирают на дорогах во время массовых миграций из зон военных действий или спасаясь бегством от природных бедствий. Что происходит, когда кто-то умирает, и его нужно оставить лежать на обочине дороги, тогда как уцелевшим надо продолжать двигаться дальше, чтобы оставаться в живых? Как быть, когда нет слаженного общества вокруг тех, кто горюет, или если нет времени даже на похороны? Как быть тем немногим, кто чудом уцелел в систематических этнических чистках, батальонах смерти или лагерях смерти?

Мы можем по-настоящему интегрировать смерть тех, кто нам дорог, только если соблюдены определенные условия: нам нужно время, чтобы попрощаться, время, чтобы приспособиться, нам нужно объединиться с другими, кто знал умершего, чтобы горевать вместе, нам нужно слаженное общество, нам нужна могила, которую мы можем навещать. Так что же происходит, когда нет времени, нет прощания, нет могилы, нет других членов семьи или близких друзей, с которыми можно горевать? Возможно, рядом есть другие люди, которые попали в такую же ситуацию, выжив в подобных испытаниях, но они сами слишком пострадали и пребывают в шоке. Очевидно, что в таких обстоятельствах нет ничего, что напоминает нормальный процесс траура, нет настоящего «жить дальше». Что-то замерло, застряло, заблокировано. Фактически для тех, кто остался, нет никакого выбора, кроме как всем вместе не смотреть на умерших. Умершие погибли ужасно, а не мирно в кровати, в окружении любящих близких. Их агония и боль – это дополнительное бремя для выживших. Чтобы защитить себя, выжившие должны не смотреть на них и сохранять дистанцию.

Каждый человек переживает такие ситуации индивидуально, но в действительности это коллективная проблема, а не индивидуальная. Существует провал в коллективной душе. Выжившие не смотрят вместе на своих умерших. И одновременно у них есть огромная потребность смотреть на тех, кто ушел навсегда, найти способ как-то интегрировать их. Одна часть выжившего хочет уйти к мертвым, и одновременно другая часть хочет отвернуться, чтобы защитить себя. Когда тебя разрывает в разные стороны, то вряд ли можно вообще куда-то двигаться. Есть чувство, что тебя разрывает, и чувство, что идти больше некуда. Сами выжившие могут сделать только малую часть работы. Следующим поколениям придется постепенно интегрировать и принимать умерших назад в коллективную душу.

Несколько лет назад я проводил семинар, где этот момент дуальности вдруг проявился особенно явно. Это было в Тель-Авиве. Многие из присутствующих были детьми выживших, которые потеряли большую часть родственников или всю семью. Несколько из самых старших участников сами были из выживших в холокосте. И поскольку мы говорили о темах, с которыми люди хотели поработать, многие сообщили, что они хотели бы найти способ отношения к семейным историям о холокосте, фактически о том, как смотреть на мертвых. Я сказал группе, что нам нужно уважать тот факт, что до нынешнего момента для большинства

из присутствующих семьи, в которых они родились, не могли напрямую соприкоснуться с этой темой. Я попросил их признать, что потребность встретиться с прошлым – это не только их личная потребность, но и системная потребность, потребность их родителей. «И, – сказал я, – принимая в наследство потребность смотреть на мертвых, вы также принимаете в наследство сопротивление этому действию. Поэтому давайте с пониманием и уважением относиться к знакам сопротивления». Группа поняла и согласилась. «Хорошо, давайте начнем работать», – сказал я. В тот же миг одна из участниц группы сказала: «Я думаю, надо открыть окно». Она встала и начала одно за другим открывать окна. Еще один участник вышел в туалет, а третий понял это как знак, что он может пойти налить себе кофе. В считанные секунды половина участников группы встала и покинула круг. И это произошло мгновенно после того, как они согласились постараться быть внимательными к проявлению сопротивления! Это было мощное напоминание о силе паттернов в коллективе выживших. Тот опыт, что они не в состоянии нести тяжесть умерших, передается потомкам выживших. Это становится коллективным чувством, которое рождает такие импульсы, как в группе в Тель-Авиве. Однако интеграция, или

А – умерший ; Все остальные живые
Рисунок 15.

воссоединение с мертвыми остается потребностью коллективной души, иначе она навсегда останется неполной.

Пока я искал безопасный способ соприкоснуться со сложной темой встречи с умершими, я нашел ключ в образе, который я привел ранее в этой главе. Когда один человек умирает, остается сохранившееся сообщество, оно хорошо может держать покойного и принять или интегрировать его. Когда несколько человек погибают внезапно, сообщество тех, кто остался, поколебалось, но все же, если оно остается целостным и функционирующим сообществом, то для большинства горюющих будет возможна некоторая интеграция. Но если в живых остались только один или два человека, а умершие – это наибольшая часть группы, то вес или масса умерших просто слишком велики. У живых нет никакой возможности держать их. В такой ситуации не мертвые будут интегрированы в поле живых, а живых тянет в сообщество умерших. Проблема, конечно, в том, что у выживших, оставшихся в одиночестве, нет сообщества, которое может помочь им. Не осталось места, куда можно «поместить» мертвых, сохранить их. Таким образом, возникает вопрос: как выживший может собрать вокруг себя сообщество, достаточно большое и сильное, чтобы там было достаточно глаз, которые могут смотреть на умерших, и достаточно рук, чтобы держать их? Как можно заменить опыт выживших, оставшихся в одиночестве, который передается их детям и внукам, – заменить чувством принадлежности к чему-то целому, полному, функционирующему?

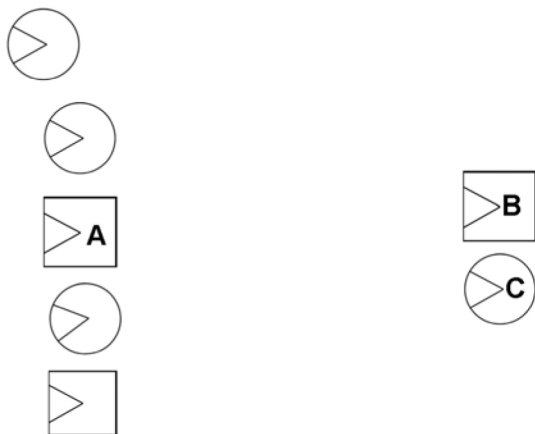
Первое решение нам предлагает время. Многие из выживших в геноциде или в природном бедствии – таком как цунами или извержение вулкана – однажды родят детей, у которых в свою очередь тоже родятся дети, и так далее. Через несколько поколений у всех детей будут дедушки и бабушки, которые не были убиты или потеряны, и ужасы постепенно отступят в прошлое. Каждому следующему поколению будет легче набирать силу, чтобы смотреть на умерших. Чувство целостного, неповрежденного сообщества очень помогает с передачей наследия выживших.

Второе решение можно найти в коллективном ритуале. Например, в определенные дни года будут дни поминовения. Тот факт, что общество как целое хранит память, помогает отдельным людям на некоторое время взглянуть на мертвых. Возможно, есть памятник, куда люди могут ходить, и когда они приходят, там будут и другие посетители. В такие моменты и в таких местах чувство изолированности пропадает, по крайней мере, частично. К сожалению, такие

коллективные ритуалы поминовения и посещения мест траура не длятся долго, потому что они слишком напряженные и болезненные.

Иное решение, системное, состоит в том, чтобы добавить в картину третью группу. До сегодняшнего момента там было только две группы: умершие и уцелевшие. Дополнительная группа состоит из предков: особенно тех предков, которые жили до войны, геноцида или катастрофы. Как и предыдущие решения, это само по себе не может обеспечить полную интеграцию мертвых в случае массовых убийств, но это может помочь сделать важную часть работы. Предки, которых нужно добавить, приходят из времен, когда жизнь была относительно стабильна, люди жили и умирали нормальным образом. Эти предки могут поделиться своей силой с выжившими, и их присутствие может дать выжившим чувство сообщества. Выжившие (или их потомки) и предки, собравшись вместе, могут быть достаточно сильны, чтобы поднять мертвых, забрать их души из кошмарных теней, в которых их оставили, и дать им лучшее место.

Существуют разные способы добавить предков в расстановки, чтобы помочь живущим совершить дуальное движение соединения с мертвыми и разделения с ними. В качестве примера я бы хотел описать одну работу, которую я сделал для молодого израильянина Дови, в которой способность предков смотреть на мертвых и приветствовать их была ключевым фактором в процессе.

А – Дови; В+С – дедушка и бабушка; Остальные – предки
Рисунок 16.

Родители отца Дови погибли в холокосте, и он попросил меня помочь ему встретиться с ними. Я попросил его выбрать мужчину и женщину, заместителей для его убитых бабушки и бабушки. После того как оба заместителя были выбраны из круга участников, они встали. Но вместо того чтобы попросить Дови расставить их или позволить ему смотреть, пока я найду места для них, я отвернул Дови от центра комнаты. Только тогда, когда он не мог видеть заместителей, я поставил бабушку и дедушку в центре круга, рядом друг с другом. Далее я попросил четырех участников побыть заместителями предков, которые жили до Шоа, которые прожили относительно нормальную жизнь и умерли нормальной смертью. Было много периодов, когда евреев в Европе преследовали, но были также времена покоя в некоторых местах, где была временная стабильность. Я попросил четырех заместителей быть предками из тех времен. Я поставил их рядом с Дови, повернув их в сторону от мертвых.

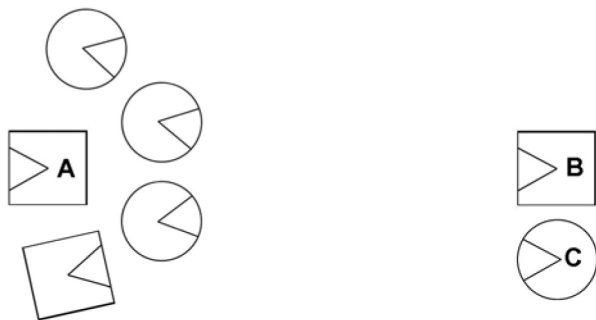
Затем я попросил Дови обратиться к одному из них и сказать: «Родителей моего отца убили. С ними не простились, и у них нет могилы. Их пепел был развеян. Наша семья больше никогда не могла на них посмотреть. Посмотрите на них вместо нас, пожалуйста». Предок, к которому обращался Дови, повернулся и спокойно посмотрел на дедушку и бабушку, которые просто стояли с потерянными и грустными лицами, безжизненно и неподвижно. Через некоторое время я попросил Дови повторить подобные слова второму предку и позже третьему и четвертому. В конце все четверо смотрели на родителей отца.

Через некоторое время я сказал Дови, что когда он почувствует, то может попросить своих четырех предков помочь и ему начать смотреть на дедушку и бабушку. Постепенно он начал поворачиваться, с закрытыми глазами. Дови понадобилось как минимум 20 минут, чтобы полностью открыть глаза. Он мог посмотреть на них всего несколько секунд, и его глаза снова закрывались. Многие чувства вышли на поверхность во время этого процесса, – чувства, которые было необходимо признать, прежде чем он смог открыть глаза на более продолжительное время. По лицу Дови прошел удивительный ряд ярких эмоций: там была ярость, печаль, страх, стыд, боль и отвращение. Каждый раз, когда я видел, что лицо Дови меняется, я просил его сказать, что он чувствует. Когда он описывал эмоции, иногда ему нужна была разрядка, и было пролито много слез, но признание и проживание разных чувств позволило Дови пройти через них, пока его предки держали

его. Время от времени я просил Дови говорить своим предкам: «Предки, пожалуйста, продолжайте смотреть на моих дедушку и бабушку. Через вашу способность смотреть на них и держать их в сердце я тоже могу начать смотреть на них. Помогите мне таким образом, пожалуйста».

Последним пришло и осталось одно чувство – это было чувство сильного притяжения, и пока это чувство «оседало», Дови наконец смог открыть глаза и смотреть устойчивым взглядом на бабушку и дедушку. Я попросил его выбрать еще заместителей для предков, если он чувствует, что они нужны, и он попросил нескольких человек встать рядом с его бабушкой и дедушкой. Это помогло им начать смотреть на Дови, потому что сначала они не могли этого сделать. Наконец Дови направился к своим дедушке и бабушке и совершился очень эмоциональный, но хорошо наполненный процесс встречи их троих.

В конце Дови снова занял свое место, на некотором расстоянии от бабушки и дедушки. И его, и бабушку с дедушкой по-прежнему поддерживали предки, которые пообещали, что они всегда будут готовы прийти на помощь, если понадобится. Работа пришла к естественному завершению.

А – Дови; В+С – дедушка и бабушка; Остальные – предки
Рисунок 17.

В каждой группе, которые я провожу в Израиле, я делаю какие-то вариации такой работы.

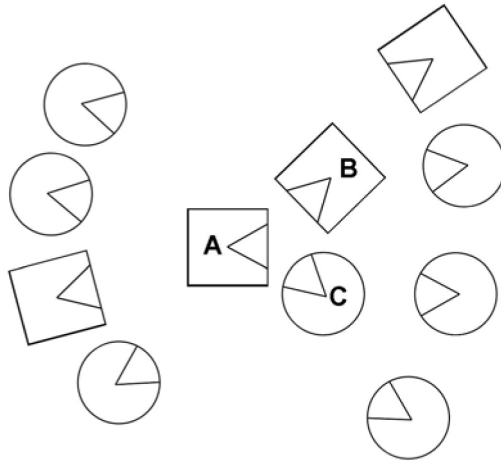
Но по многим причинам – не более чем две или три, если семинар длится несколько дней. Такая расстановка, как эта, делается не только для одного клиента, который попросил о помощи. В Израиле большинство участников группы сильно резонирует на такие истории, как эта, и каждый из них идентифицируется с расстановкой по мере ее развития. Принять назад тех, кого оставили так надолго, – это далеко не простой процесс, и всей группе нужно время, чтобы после такой интенсивности настроиться на дальнейшую работу. После встречи с теми, кто был потерян в холокосте, я переключаюсь на другие темы, и лишь позже могу вернуться к этой теме, чтобы поработать с еще одной семейной историей.

По моему опыту, важная часть работы по интеграции мертвых назад в систему после гражданской войны, преследований или геноцида должна проходить в однородных группах. Группа, пострадавшая от коллективной травмы, нанесенной другой группой, живет с необъятной скорбью, яростью, отчаянием и стыдом. Когда такие чувства начинают проявляться в однородной группе, они близки и понятны каждому участнику, и клиент чувствует себя достаточно безопасно, чтобы включиться в процесс вскрытия блоков, которые стоят между ним и его убитыми родственниками. Работа в гетерогенных группах жертв и агрессоров (или их потомков) также важна – она дает свои преимущества и вскрывает другие важные аспекты взаимодействия с прошлым.

Подобную динамику можно видеть в других контекстах. Например, если мужчины и женщины хотят посмотреть на боль, полученную от противоположного пола. Когда женщины находятся вместе в женской группе и там не присутствуют мужчины, можно более свободно обсуждать определенные темы, можно безопасно исследовать и выражать определенные чувства. Если присутствует хоть один мужчина, то происходит что-то другое. То же справедливо и для мужчин: в мужской группе определенного рода работа может быть сделана более глубоко и с большей точностью, чем в присутствии женщин. В больших коллективах это работает таким же образом. Каждая коллективная душа несет свои собственные раны, у каждого коллектива есть свои собственные особые места, где трудно двигаться. И каждой группе необходимо пространство, чтобы входить в такие зоны без мешающего присутствия чужих.

На моих группах часто присутствуют люди, принадлежащие к разным сторонам, которые были (или все еще продолжают быть)

вовлечены в исторические конфликты, преследования и другие сложные ситуации. Хотя такие гетерогенные группы не могут предоставить каждой из сторон полную интимность, которая требуется для некоторых процессов, но все же некоторое особое безопасное пространство может быть создано, позволяя случиться глубокой работе.

А – Дови; В+С – дедушка и бабушка; Остальные – предки
Рисунок 18.

Однажды, работая в Испании, я ожидал, что будет затронута тема гражданской войны, но никто ее не упомянул. Отсутствие этой темы создало некоторое обратное присутствие. В Испании вряд ли есть семья, которая не несла бы раны и шрамы гражданской войны, продолжавшейся с 1936 по 1939 годы. Линии разделения на коммунистов и фашистов пролегли прямо по семьям и общинам, и были убиты сотни тысяч людей. Точное число жертв, возможно, никогда не будет известно, но, вероятно, это от пяти-сот тысяч до миллиона человек. Большинство было убито не во время военных действий на линии фронта, – фронтовых линий было мало. Все участвующие стороны были виновны в жестокости, пытках и массовых убийствах.

Тот факт, что гражданская война не всплыла в этой группе, показал, что к этой теме нельзя обращаться напрямую. Но через некоторое время люди начали спрашивать меня в стороне от группы, как с этим можно работать. Далее, по стечению обстоятельств,

у нас была участница, которая приехала из Северной Ирландии. Кэти в письме попросила меня сделать для нее работу. Мать Кэти была протестанткой, отец – католиком, и она родилась после начала «беспорядков». До меня вдруг дошло, что это был шанс сделать работу, которая будет полезна и для Кэти, и для всей группы. Беспорядки в Северной Ирландии на самом деле напоминают тлеющую гражданскую войну, и ни одна семья или отдельный человек не оказались в стороне от этого. Сделав расстановку с североирландскими католиками и протестантами, мы могли бы поработать с полем гражданской войны, и участники-испанцы не попали бы в ловушку собственной незавершенной скорби и ненависти – того, что до сих пор отягощало их собственные семейные и коллективную души.

Я объяснил это всей группе и попросил Кэти выбрать заместителей для ее родителей и брата. Затем я разделил группу из примерно 80 человек на две меньшие группы и попросил одну часть быть заместителями католиков, другую – заместителями протестантов. Я поставил два больших круга, по одному для каждого коллектива. И в каждой из групп я попросил сделать маленький круг, который будет представлять собой «сердце» коллективной души, он будет все время состоять минимум из пяти человек.

Внутри своей группы протестантов или католиков люди могли двигаться как они хотели: они могли присоединиться к сердцу группы в центре, отойти к границам или даже покинуть круг. Если они хотели, они могли встречаться с людьми из другой системы. Но им нельзя было входить внутрь другого круга – встречи должны происходить только у границ обоих кругов. Сердце каждой группы было доступно строго для тех, кто к ней принадлежал, чужакам не позволялось туда входить. Единственным исключением была Кэти и ее брат, ведь они принадлежали к обеим системам из-за своего смешанного происхождения. В таком формате вещи, которые можно сделать только в доверительной атмосфере коллективной системы, получали свое место в сердце коллективной души, с гарантией, что туда не вмешается никто извне. И в то же время была признана необходимость соединиться и общаться с членами другой группы, и эту важную часть работы можно было сделать на краю поля.

Когда люди хотели встретиться с кем-то из другой группы, они ждали на границе своей собственной системы. Если они хотели активно инициировать такую встречу, они могли покинуть свой круг, подойти к границе другой группы и посмотреть, кто их ждет там.

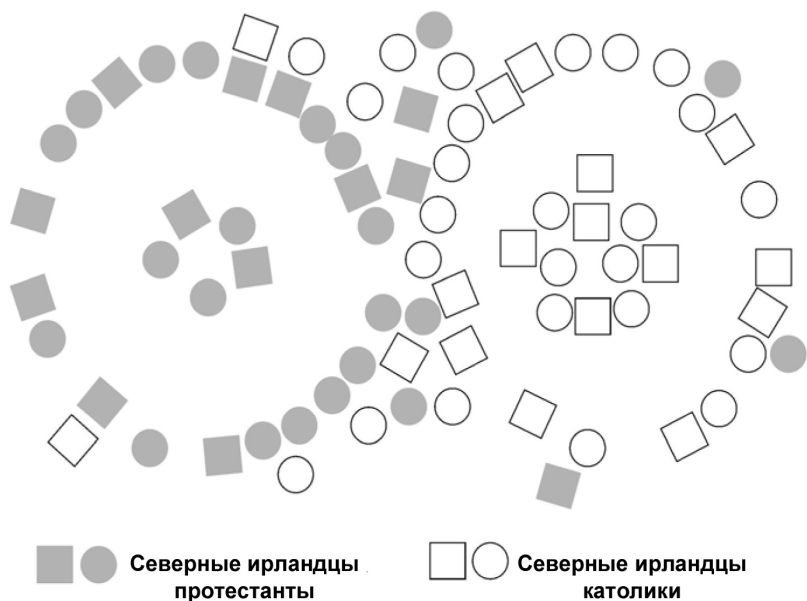

Рисунок 19

Если контакт с членами другой группы становился болезненным или его было невозможно поддерживать, люди могли его прервать и вернуться в сердце своего коллективного поля, чтобы найти там силу и утешение. Было очень хорошо видно, как различные позиции облегчают различные типы скорби. На границах обоих коллективных душ, в месте встречи членов двух кругов, встречи поначалу часто были «пробными», постепенно набирая интенсивность и глубину. В сердце католической души скорбь была немедленной и острой, полной отчаяния. Здесь люди прижимались друг к другу, купаясь в слезах. В сердце поля протестантской души стояли люди холодные и жесткие. Там скорбь едва могла быть выражена, и люди не могли найти способ соединиться друг с другом в своей боли. Для них большую часть времени сердце было не местом, где они могли питаться, а местом одинокой холодности.

Через полчаса я попросил участников найти способ завершить этот процесс, выбрав для себя наиболее уравновешенную позицию. Когда все выбрали себе место, мы закончили работу. Перерыв предоставил людям возможность поговорить и поразмышлять вместе, поделиться тем, как их переживания в расстановке помогли им лучше понять испанскую гражданскую войну.

Ранее я описал коллективную душу как структуру, у которой есть ядро, граница и поле между ними. Многие люди как члены своих собственных коллективов хорошо знают эти разные позиции. Иногда нужно быть только с такими, как ты. Иногда хочется не этого, а прямо противоположного. В следующий момент это становится не важно. Расстановки наподобие той, которую я только что описал, позволяют людям получить доступ к различным видам идентификаций и реальностей внутри коллективной структуры. После войн, борьбы и проблем между разными группами существует потребность в том, чтобы залечить раны вместе с теми, кто все понимает. Но также может возникнуть и другая потребность: встретиться с людьми, которые принадлежат к другой стороне, говорить с ними и слушать их – возможно, чтобы исследовать вместе возможности примирения и найти новые способы общения.

Позже, как это было видно в расстановке, у отдельных людей появляется свобода, чтобы выбрать место, которое будет правильным для них в конкретный момент; различные коллективные поля могут начать работать как клетки в организме, бок о бок, с центром, который защищен границами. И в то же время границы остаются до некоторой степени проницаемыми, происходит обмен информацией с соседними клетками, происходит дыхание и коммуникация.

Глава 10

МЕСТА УБЕЖИЩА

«Одна подруга сказала мне недавно, что ей очень нравится приходить к нам на дни рождения. Ее восхищает, что здесь можно встретить так много разных людей вместе: черных, белых, арабов, евреев, азиатов... Я даже не поняла, что она имеет в виду! А когда я наконец поняла, я была так потрясена, что она находит в этом что-то особенное, что это даже обеспокоило меня». Даниэль говорит со мной, сигарета в одной руке, жестикулирует другой рукой. Она суетится, готовя чай и какую-то еду. Прошло некоторое время с тех пор, как я здесь был в последний раз. Раньше я регулярно преподавал в Париже, и большую часть моего времени здесь дом Даниэль был моей базой. Часто по дороге из Амстердама в Париж я пытался угадать, сколько людей я найду там на этот раз. Кроме сыновей Даниэль, там обычно временно жили один-два подростка, один взрослый друг или даже целая молодая семья. Люди, которые испытывали временную нужду в гостеприимном доме, в месте, у которого есть сердце, обычно оказывались здесь в одной из комнат. Иногда всем приходилось уплотняться, так как ожидалась гости, например американские индейцы, которые приезжали тоже вместе с семьей или со своими друзьями. Даниэль заботилась о том, чтобы было достаточно еды, огонь в камине и место для каждого.

В еврейской традиции известна концепция олам ха-ба: грядущий мир. Когда придет Мессия, все наконец встанет на свои места и олам ха-ба станет реальностью. Я не думаю, что ортодоксальный раввин согласился бы со мной, но для меня дом Даниэль всегда носил некоторый привкус олам ха-ба. И не потому, что Даниэль еврейка, а потому, что это единственное место, которое известно мне, где можно войти в кухню и увидеть, как люди всех четырех цветов магического колеса (желтые, красные, черные и белые) сидят за кухонным столом и делят друг с другом трапезу. Хорошо снова оказаться здесь, посидеть еще раз за тем самым кухонным столом. Это историческим момент, потому что сейчас Даниэль впервые живет здесь одна. Последние временные обитатели (молодая пара с дочерью-младенцем) выехали несколько месяцев

назад. Даниэль рассказывает мне, что она все еще регулярно разговаривает с девочкой по телефону, и хотя та еще не умеет говорить, у них прекрасные беседы. Она смеется, когда рассказывает это. Даниэль некрупная женщина, но у нее огромное сердце. Каждый, кто получил в нем место, получил его навсегда. Я греюсь в ее приветливости и чувстве, что я дома.

«У тебя другая машина?» – спрашиваю я ее. Даниэль открывает двери, мы хотим поехать в старый еврейский квартал, планируя устроить ностальгическую трапезу с традиционными блюдами, которые мы оба любим. «О, я тебе не говорила? Мою машину сожгли во время беспорядков несколько недель назад. Поэтому мне пришлось купить новую. Я запарковалась в первом подвернувшемся месте, и у меня было чувство, что это плохое место. Я сидела дома и думала, что мне надо бы выйти и перепарковать машину в другом месте. Но мне было так лень, что я этого не сделала, и ее подожгли».

Массовые беспорядки. Я помню тревожные фото в газетах. 27 октября 2005-го два подростка североафриканского происхождения были убиты электричеством на маленькой станции электропитания метро в парижском пригороде, когда они пытались спрятаться от полиции, как сообщили местные жители. В течение следующих дней беспокойство нарастало. Сильные и провокационные слова, сказанные некоторыми политиками, не помогли, граната со слезоточивым газом – такая же, как те, что используются французской полицией (но не обязательно ими взорванная) – разорвалась в мечети, что вызвало дополнительную волну злости. Первые машины подожгли 1 ноября. 6 ноября была самая бурная ночь, когда было сожжено около 1500 машин и совершено около 400 арестов. Потребовалась еще неделя и тысячи сожженных машин, чтобы все немного улеглось. Казалось, что беспорядки, как пожар, распространяются от Парижа к другим французским городам. Потом постепенно все затихло.

Пока мы едем, я спрашиваю у Даниэль о ее чувствах по поводу этих беспорядков, этих внезапных взрывов агрессии. Ее ответ очень похож на ответы других друзей, которые я получу позже в эти дни. Беспорядки закончились, но напряжение на самом деле не спало. Уже прошло несколько месяцев, а многие люди все еще с замиранием сердца ожидают, что вот-вот грянет очередная неприятность. И сейчас, пока я в Париже, напряжение снова возрастает из-за карикатуры, которая была опубликована на первой странице газеты *Le France Soir*. На картинке изображены Магомет и Бог,

который приказывает ему расслабиться. Из-за этой публикации директор газеты Жак Лефран был уволен владельцем (египтянином по происхождению). Началось целое движение в Дании, была опубликована серия подобных карикатур в газете *Jyllands Posten*. Реакция мусульманского мира была настолько экстремальной, что правительство Дании почувствовало, что должно принести извинения всему мусульманскому миру. Но Сирия, Ливия и Саудовская Аравия отозвали своих послов из Дании, посольства Дании во многих странах были сожжены, люди умирали во время жестоких митингов. Похоже, что мир превратился в школьный двор, где победит тот, кто будет ругаться громче всех. Исламский и не-исламский миры встали на путь взаимных конфликтов? Здесь, в Париже, еще свежа память о тысячах сожженных машин, и все знают, что что-то очень сильно не так, как должно быть. Но никто не знает, что делать, мои друзья чувствуют растерянность. «Глубоко внутри я в ужасе», – говорит Даниэль. Мы паркуем ее новую машину, немножко прогуливаемся, и вместо того, чтобы устроить ностальгический ужин, отправляемся в суши-бар и звоним нескольким друзьям, которые вскоре присоединяются к нам.

На следующий день я встречаюсь с Маликой, моей подругой из парижской сети. Мы гуляем по парку Университетского городка, международного кампуса Университета. Малика была социальным работником среди неблагополучной молодежи. Частично основываясь на своем опыте в этом поле, она написала книгу «Проституция» (*La Prostitution*, 2001) – влиятельную книгу о проституции в современном французском обществе. Сейчас она работает координатором по помощи беженцам. Это утомительная и подавляющая работа. Она говорит:

Люди приезжают во Францию без каких-либо документов. Я не знаю почему, но им позволяется въезжать. У них нет паспортов, нет работы, нет связей. Каждый день я говорю с десятками людей, и единственное, что я могу им сказать, это что я в принципе ничем не могу им помочь. Им придется жить на улицах. Каждый день появляются новые, это поток, который не прекращается, для них нет никаких условий. Мне придется сменить работу, потому что здесь я ничего не могу сделать, я не могу помочь, и это очень угнетает.

В разговоре мы затрагиваем недавние беспорядки.

Молодежь с девиантным поведением становится все моложе и моложе. Сейчас это просто дети. У них нет зрелой способности фильтровать и переварить информацию из телевизора и других

средств массовой информации. Они озлоблены. Но почему эти бунтари сейчас такие юные, почему правонарушителями становятся все более и более молодые люди – мне непонятно. Родители больше не могут управлять этими детьми.

Для Малики это загадка. Сама она родилась во Франции, ее родители приехали сюда из Алжира за несколько лет до ее рождения. Их положение было относительно легким по сравнению с ситуацией, в которой оказываются многие эмигранты сегодня. В районе, где она выросла, жили люди разного происхождения: французы, итальянцы, португальцы и африканцы, семья Малики была единственными выходцами из Алжира. Поэтому на них не было социального давления соответствовать традиционным нормам, никто из соседей не приходил проверить, все ли в семье ведут себя в соответствии с традиционными ценностями. Малика объясняет:

Есть компонент сексуальности и преступности во всей этой агрессии, который не признается. Внутри многих семей иммигрантов существует насилие и злоупотребления. Потрясающее количество арабских мальчиков занимаются проституцией, чтобы заработать немного денег, но этого никто не видит. Официальные учреждения понятия не имеют о масштабах происходящего. Все это совершенно невозможно обсуждать внутри самих мусульманских общин. Эти дети рассказывают мне об этом, потому что я арабка, я социальный работник и я их не осуждаю. Я не сообщу их имена никому. Я знаю, что происходит на улицах. И мы не можем изолировать эти симптомы от колониального прошлого. Вся колонизация африканского континента европейцами была актом агрессии и беззакония. В те времена тоже было много сексуальных злоупотреблений. Часть того, что происходит сегодня, – последствия этого травматического и несправедливого времени, и нам приходится иметь дело с этим. Расизм колониальных времен все еще присутствует в коллективной памяти. Сейчас любой вид отвержения или разочарования, который испытывает черный или цветной в западном мире, интерпретируется как результат расизма. И конечно же, расизм до сих пор существует. Но его далеко не так много, как думают арабские подростки. Когда по работе мне приходится в телефонном разговоре кому-то отказывать в помощи, они думают, что это расизм. Только когда я говорю, что раса никак не влияет на причины, по которым я не могу им помочь, и только тогда, когда они слышат, что я сама арабка, они иногда успокаиваются и начинают меня слушать.

Мы – вместилище ярости, слез, оскорблений, надежд и мечтаний коллективной души. Колониальное воздействие нанесло разнообразный ущерб многим культурам, нарушив существующие

местные структуры на всех уровнях. Белым жителям колонизированных стран может казаться, что истории из прошлого на самом деле их не особо касаются. Но для многих людей из бывших колонизированных зон наследие разрушения, причиненного колонизацией, – это то, с чем они ежедневно сражаются.

Мы с Маликой проходим мимо скульптуры в парке. Это металлический глобус в несколько метров высотой, покрытый человеческими фигурами, переплетенными между собой. У каждой фигуры есть голова, две руки и две ноги, и они все соединяются друг с другом головами и другими частями тел. Все вместе они создают образ объединенной Земли, планеты человеческих связей. Пока мы идем дальше, я размышляю об этом образе. Соединение с другими? Да, я вижу, что в этом есть смысл. Я вижу, что когда мы не в контакте, то возникает соблазн придумывать о других мифы. Отказ и избегание прямого обмена часто ведет к чувству превосходства и страха в коллективной душе. Но что же происходит на уровне человеческого единения со многими современными молодыми людьми, которые отвергают западный светский мир и обращаются к религиозному фундаментализму? Они отделяются от общества и школы. Их родители, которые часто даже не приближались к той степени религиозности, какой достигли их дети, оказываются в растерянности: их дети находятся вне зоны их влияния. То, что они отвергают – очевидно, но с чем же они соединяются? Что они делают: они только отворачиваются или они активно движутся к чему-то?

На следующий день после прогулки с Маликой я все еще размышляю об идее глобальных соединений. Скульптура, созданная из соединенных между собой людей, кажется, предлагает решение проблемы разделения, но я знаю, что соединение с «другим» не может решить все проблемы, существует граница, до которой можно, в зависимости от обстоятельств, все решить. Если есть место, в котором община и соединение между людьми занимает центральное место, то это дом Даниэль. Но сейчас, когда мы с Даниэль сидим вместе на кухне, мы не можем не замечать, что одно место за столом пустует. Раньше, когда я приезжал в Париж, мы часто сидели здесь троим. И когда я хочу лучше понять внешние и внутренние силы, которые заставляют молодежь отвернуться от друзей и общины и повернуться к фундаментализму, мне достаточно вспомнить Симху.

Одиннадцать или двенадцать лет назад Даниэль и ее партнер Дидье попросили меня о помощи. Они решили принять в свой дом

подростка, который нуждается в доме и убежище. Родители отца Симхи были убиты в Освенциме, а его отец умер, когда Симха был еще ребенком. Его отношения с мамой были сложными и только ухудшились за последние несколько лет. Он бросил школу и некоторое время был предоставлен сам себе. Даниэль и Дидье хотели принять его в свой дом. Но они понимали, что они принадлежат к тому же поколению, что и его родители, и что это может вызвать затруднения, так как Симхе будет непросто принять от них ту поддержку, которую они хотели ему дать. Поэтому они спросили меня, не соглашусь ли я поучаствовать в «усыновлении» Симхи.

Симхе тогда еще не было и двадцати лет, мне было около тридцати с небольшим, а Даниэль и Дидье было чуть больше пятидесяти, таким образом, я мог занять позицию посередине между ними. К несчастью, партнерство Даниэль и Дидье вскоре завершилось, так что мы оказались в итоге маленькой семьей без отца: Даниэль в роли мамы, я как старший брат, а Симха как младший. Я обнаружил, что такая конфигурация также отвечала одной из моих потребностей: в моей родной семье мало интересовались моими попытками найти связь со своими еврейскими корнями, поэтому я был счастлив, что в Париже у меня есть маленькая еврейская семья. Я чувствовал, что здесь усыновили не только Симху, но и меня. И вот, когда я приезжал в Париж, мы трое старались проводить время вместе. Иногда Симха приезжал в Амстердам или присоединялся ко мне в моих путешествиях, помогая и ассистируя мне в проведении тренингов и ритуалов, таких как индейская баня. На протяжении какого-то времени это хорошо работало.

Даниэль и я пытаемся, но не можем вспомнить первый явный признак того, что Симха начал отдаляться. Сколько сигналов мы проигнорировали или неправильно поняли? Я помню, как он сказал мне, что он перестал водить машину или ездить на метро в шаббат и что вместо этого он начал ходить пешком. Мне горько от того, что сейчас я даже не могу вспомнить, как я тогда отреагировал. Я мог бы, по крайней мере, спросить у него, что ему дали эти перемены. И почему я ни разу не присоединился к его прогулкам в шаббат? Разделение произошло уже тогда. Было ясно, что Симха не удовлетворен, что ему нужен путь, который принесет ему умиротворение. Он начал посещать выступления хорошо известного французского раввина-каббалиста. Какое-то время это вдохновляло его, и несколько наших общих друзей в течение какого-то периода присоединялись к нему. Мои воспоминания

нания об этих временах разбиты на фрагменты. Один яркий образ: я сидел со старым другом-лакота на террасе кошерного кафе в центре Парижа, ожидая возвращения Симхи после встречи с раввином. Когда он пришел, он выглядел расстроенным. Разговор с раввином, которого он высоко ценил и уважал, обернулся разочарованием. Ответы на вопросы Симхи оказались банальностями, и он ушел с пустыми руками, лишившись иллюзий. Он отвез нас домой к Даниэль, по дороге мы неловко молчали.

В конце концов он решил уехать. Все возможности во Франции были исчерпаны, он не мог найти место в образовательной системе, у него не было денег или их было очень мало, и тут для него ничего не было, никакой перспективы перемен. Он потерялся в сложносочиненности физического мира на юге колеса, его звал мир души и предков на севере. Связь Симхи с предками была разорвана из-за убийства его бабушки и бабушки и ранней смерти его отца. Современные еврейские учителя не могли ему дать то чувство принадлежности, которое он искал, ему нужен был более древний и более архаичный иудаизм. Круг его друзей больше чем наполовину состоял из евреев, но они все молились в индейских банях вместо синагоги, и все отвернулись от еврейской традиции. Симха решил уехать в Израиль на один год, чтобы учиться в Йешиве, ортодоксальной еврейской школе, в которой изучают Тору. Последние месяцы перед поездкой в Израиль были странными. Он попросил нашего общего друга приехать и спасти его, если покажется, что он больше не хочет с нами разговаривать. Мы подумали, что это очень странная просьба. Что это было за место, куда он отправляется? Если он боялся, что там он отдалится от нас, то зачем он все же хотел уехать? Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что мы не имели ни малейшего понятия о том, какие духовные потребности он испытывал, что он уже знал, что он находится на пороге мира, который полностью захватит его и будет требовать, чтобы он постепенно отказался от всего влияния извне и разорвал все связи с прошлым.

Во время его первой поездки в Израиль я звонил ему, но после одной или двух бесед он попросил меня больше не звонить. Его раввин попросил всех учеников перестать разговаривать со своими друзьями из дома, так как они только отвлекают их от изучения Торы. Когда он приехал из Израиля через год, он вел себя странно агрессивным образом. «Почему все эти евреи не молятся в синагоге? Что это они делают, слушают индусов?» Он остановился в доме своей матери и не захотел навестить нас в

доме Даниэль, потому что там часто бывали и останавливались разные друзья-арабы. Это был последний раз, когда я его видел, и вскорости он вернулся в Израиль. Его парижская девушка Мириам последовала за ним в Израиль, вернулась в слезах во Францию, потом снова поехала к нему. После нескольких повторений такого цикла она решила остаться в Израиле и, как и Симха, приняла ортодоксальный иудаизм и в конце концов порвала все связи с неортодоксальным миром.

У нас с ним был последний болезненный разговор по телефону. Он заверял меня, что он счастлив и что Тора – это ответ на все его потребности. Мне казалось, что он говорит без умолку, чтобы убедить самого себя в том, что произносит. Он заверил меня, что я всегда буду желанным гостем в его доме и что он помнит, что нашел путь к молитве через работу со мной. У меня было ощущение, что он говорит не со мной, а с воспоминанием, которое ему пока еще не хотелось отпускать. Я стал нереальным, несуществующим для него. Я прямо попросил его не врать мне. «Ты же знаешь, что скоро я не буду желанным гостем у тебя. Скоро ты будешь думать, что я хуже, чем гой (иноверец), потому что я не веду кошерную жизнь и разговариваю с призраками и животными. Это вопрос лишь некоторого времени, прежде чем ты заберешь свое приглашение обратно». Симхе было нечего мне ответить, потому что он знал, что это правда. Нам обоим было очень неприятно, и мы были расстроены, но мы не нашли способа хорошо закончить разговор. Мы грустно попрощались.

Через два года, во время визита в Иерусалим, я решил еще раз позвонить Симхе. Я знал, что они с Мириам поженились и у них родилась дочь. Сначала он был рад слышать мой голос, и мы договорились о встрече на следующий день. Но на следующее утро он позвонил мне, чтобы отменить ее. Дрожащим голосом он сообщил мне, что его Тора еще была недостаточно сильной, чтобы он мог встретиться с кем-то из прошлого. Я сказал ему, что мне грустно, что я понял и уважаю его выбор, и положил трубку. Я представлял угрозу для него. Через год или около того у них родился второй ребенок, но в этот раз никто из его старых друзей не получил сообщения об этом, мы узнали уже по сарафанному радио.

Мы с Даниэль пытаемся понять, что случилось. Первое, о чем мы подумали, – это что у Симхи практически не было корней. Убийство бабушки и дедушки и ранняя смерть отца оставили его отсоединенным от прошлого. Западный мир превыше всего ценит и воспекает индивидуальность, но Симхе нужна была об-

щина, место, где он был бы нужен и где ему были бы рады. В доме Даниэль ему были рады, его любили и ценили, но видимо, этого было недостаточно. Он не окончил школу, у него не было настоящей работы. Смешанное сообщество евреев, арабов, язычников, китайцев, американских индейцев, черных и белых не смогло дать ему ощущения сплоченности и безопасности общины, в котором он так нуждался. Это была не просто проблема противостояния светского и религиозного, как это часто может казаться, когда молодых людей притягивает фундаментальная ортодоксальность, потому что мы молились и пели вместе много раз. Это могла быть не еврейская молитва, но это была молитва. На какое-то время это помогло, но этого было недостаточно. Я никогда не спрашивал его об этом прямо, но я думаю, что переживания потерянности и беспомощности Симхи были глубже, чем могли проникнуть наши совместные молитвы. Ему нужна была не общая молитва, в которой есть место для всех; ему нужна была особая молитва, которая соединила бы его с его корнями, молитва и жизнь, которые каким-то образом восстановят достоинство его униженных и убитых предков. Для Симхи смешанная община стала препятствием вместо открытия нового пути. Единственным способом получить тот опыт силы, который ему был так нужен, было оставить все это и погрузиться глубоко в коллективную душу. Светский мир задает вопросы и не дает ответов. Религиозный мир дает четкие ответы на любые вообразимые вопросы, он создает структурированное и обозначенное пространство вместо безграничной открытости. Коллективная душа дает чувство принадлежности – ценой установления жестких границ. Ты должен следовать правилам, а первое правило – отказаться от чужаков. Симха был готов платить эту цену. Я не могу судить его за это, хотя я по-прежнему скучаю по нему. Я думаю, что накопленная потеря достоинства и убийство предыдущих поколений было слишком тяжелым грузом, чтобы Симха мог сам нести его. Ему нужно было соединиться с архаичной общиной, чтобы получить силу, которой ему не хватало, найти молитву, которая соединит его с силой его предков – силой, в которой ему было отказано.

История Симхи не целиком похожа на историю юных мусульман, которые обращаются к фундаментализму, но у них есть некоторое сходство. Колониальные времена и холокост – это два очень разных исторических явления, но в обоих случаях одна группа людей объявила свое превосходство над другими и просто захватила привычный для них мир. Холокост закончился уничтоже-

нием; колонизация означала, что иностранцы завладели землей, сломали существующую систему правления и экспортировали богатства. Колониальные власти навязали свои представления о том, что такое прогресс, тем культурам, которые основывались на совершенно других парадигмах и ценностях, оставив этих людей дезориентированными и беспомощными. Границы, существовавшие прежде между этническими группами и племенами, были проигнорированы, были созданы новые границы по мере образования новых национальных государств. И «финальное решение» нацистов, и колониализм создали внутри различных пострадавших сообществ черную ауру недоверия к мотивам чужаков, которая только углубляется с каждым инцидентом, укрепляющим страхи и ненависть. То, что когда-то было целостным, было сломано и унижено «чужаками».

Для молодых людей, которые несут свою долю непроработанной ярости и горя предков, молитвы и празднования с другими не будут ответом на их потребности. У Симхи была поддерживающая его община, но этого было недостаточно.

Так что же молодые мусульмане, дети родителей-эмигрантов, делают в Западной Европе? Они переживают не опыт теплого приветствия, а опыт отвержения, частично реального, частично воображаемого ими. Их первичная реакция – уйти из этого мира, который, как кажется, не принимает их, отказаться от разнообразия и взаимодействия с другими. Некоторые делают следующий шаг – возвращаются в ядро коллективной души в надежде, что это позволит им обрести чувство личного достоинства и силы.

Трагедия наших времен состоит не в возвращении глубоко в коллективную душу, потому что само по себе это может быть целительным движением. Трагедия в том, что это движение может стать лишь внешней оболочкой, под которой скрывается оправдание несправедливости и нанесения вреда другим людям, другим сообществам и народам. Мы видим, что это происходит в мусульманских общинах, которые чувствуют, что остальной мир смотрит на них сверху вниз. Мы видим это в Израиле, где коллективная душа переживает уничтожение шести миллионов евреев как невообразимое и необъяснимое предательство западного мира, и там нет внутреннего движения снова открыться и начать доверять другим. Мы видим это везде, где слишком многим людям причиняли боль слишком долго, слишком часто, когда слишком многие умерли. Большинство раненых возвращаются в коллективную душу настолько близко к центру, насколько они могут. Но чем глубже они возвращаются, тем более слепыми по отношению к остальному миру они становятся.

Глава 11

МЕЧТЫ О ГЕРМАНИИ

О нацистах уже написано много книг: о том, как они пришли к власти, о преступлениях, которые они совершили, о том, как в конце концов потерпели поражение. Закрывая такую книгу, можно выдохнуть и порадоваться, что эти темные времена остались в прошлом. Но что это значит – в прошлом? В мире души все находится вне времени. Когда я встречаюсь лицом к лицу с потомками убийц на моих семинарах, и меня просят привести ясность и исцеление в паттерны смертельных болезней и психозов, которые проявляются в этих семьях, мне становится очевидно, что нацисты запустили в движение что-то, что продолжается и по сей день. Глава истории нацизма заканчивается весной 1945 года поражением нацистской Германии и победой сил союзников и России. Но история еще не закончилась, и мы еще не поняли все уроки, которые нам предстоит вынести из нее.

Сегодня я путешествую по Германии на поезде. Я еду в один из крупнейших городов Германии, где проведу несколько дней с тремя друзьями: Анке, Габи и Еша. Мы все четверо интегрировали системный способ мышления и расстановки в свою работу. И в своей работе каждый из нас регулярно встречается с клиентами, которые являются потомками нацистов. В следующие дни мы будем делиться своим опытом и озарениями, надеясь, что сможем больше узнать о динамиках, происходящих в системном поле семей нацистов. Анке – психолог с настоящей европейской смесью предков: испанцы, немцы, французы, венгры и сефардские евреи. Габриель Вильгельм – детский психиатр из Германии, Еша – антропософ из Израиля.

В поезде я читаю «Ночь» Эли Визеля. Это его первая книга, в ней он описывает, как его семью переправляли из Венгрии в Освенцим в 1944-м. Эли Визель тогда был маленьким мальчиком, он выжил в нескольких лагерях. Книга короткая, но изменения в личности мальчика описаны очень четко. В первой части книги, уже в лагерях, мальчик молится о том, чтобы всегда иметь силу быть рядом со своим отцом. Им случайно удалось остаться вместе.

Потом мы узнаем, как одна его часть становится безразличной к отцу и, наконец, как эта его часть жаждет, чтобы отец поскорей умер, чтобы он мог сохранить остатки энергии для собственного выживания. В конце концов отец умирает в агонии. К тому моменту сын уже не способен ответить на крик отца, который в свои последние часы просит сына обнять его. Мальчик Эли Визель стал отчужденным, неподвижным, как камень. В нем все еще есть что-то, что видит, горюет и хотело бы попытаться утешить своего умирающего отца, но эта часть превратилась к тому времени в беспомощную тень. «Ночь» – не та книга, которая может поднять настроение, но если я хочу понять что-то о нацистах, то я должен включить их жертв в свое поле зрения, чтобы узнать, что же нацисты пытались совершить. Нацисты не считали евреев, цыган и прочих человеческими существами, и они создали бесчеловечную систему лагерей, в которых нормальные человеческие связи становятся бременем. Я заканчиваю читать книгу и некоторое время смотрю в окно. Напротив меня сидит немка, которая читает фантастику. Я вижу, что это триллер, книга называется «Год в аду». На секунду мне захотелось дать ей книгу Эли Визеля и сказать: «Если вас привлекает тема “года в аду”, то может быть, это еще одна книга, которую вам стоит почитать». Но почему я должен обижать эту дружелюбно выглядящую леди? Я отпускаю эту мысль.

Когда наша четверка собралась в доме Анке, мы решили посетить несколько мест в городе, связанных с нацистским прошлым. Сначала мы отправляемся в место собраний, которые нацисты устраивали недалеко от города, вдохновившись древним христианским германским обычаем проводить на природе большие собрания, где решаются вопросы, касающиеся всей общины. Нам удастся найти это место, и мы обнаруживаем, что находимся в огромном искусственном амфитеатре, который когда-то вмещал тысячи нацистов. Сейчас это просто странная большая дыра в лесу, и атмосфера тут подавляющая. Деревья отвоевывают пространство, но многие из них сломаны или перекручены. Большие потрескавшиеся камни торчат из земли там и сям. Серые и мшистые, их не сразу можно заметить, но после того, как увидишь первые, начинаешь видеть их повсюду. У меня возникает странное чувство, как будто я стою в огромном раскрытом рту. Камни – это его гнилые зубы, неравномерно торчащие из десен. Как у акулы, в нем много рядов зубов. Где-то на краю этой огромной выбоины в земле какие-то мальчишки гоняются друг за другом, играя в войну. Их резкие и агрессивные крики ранят мои уши. Я пытаюсь

понять, где они находятся, но они бегают вокруг на некотором расстоянии от краев колодца, и поскольку я стою на его дне, мне их не видно. Бестелесные злые голоса эхом отражаются в бывшем амфитеатре. Кажется, что огромный открытый рот производит странные хаотичные крики насилия.

Маленький эксперимент: я закрываю глаза и представляю, что я становлюсь на место нациста. Я хочу соединиться с прошлым, хотя бы с одним отдельным индивидом из тысяч тех, что когда-то собирались здесь. С закрытыми глазами я вижу это место как чистое и аккуратное, ряды сидений целы. Я вижу несколько длинных флагов со свастикой в центре, их яркий красный цвет. Они выглядят чудесно. Я кожей чувствую теплый воздух, должно быть, сегодня летний день, возможно, ранний вечер. Я смотрю вокруг, и по мне проходит волна энергии, снизу вверх. Я чувствую такую гордость! У меня чудесное ощущение, что я принадлежу к чему-то большому и фантастическому. Это ощущение как наяву: я вижу свои собственные мускулистые руки в золотом свете солнца, загорелые, с выгоревшими белесыми волосками. Я такой сильный! Я вижу своих соседей в амфитеатре, море людей, мы все приветствуем друг друга, эта чистая красота и золотое свечение пронизывает всех нас. Дубы, стоящие вокруг нас, соединяют нас с нашими предками, с землей. Мы – часть природы! Меня полностью охватила радость. Это трансформирующее переживание. Дикое чувство здоровья, сияния и мощи, которое я едва могу вместить в себя. Чудесным образом оно трансформируется в любовь, чистую любовь к немецкому народу; мое сердце расширяется до тех пор, пока у меня вообще не исчезает чувство границ. Это невероятно, такое ощущение, будто я проглотил пригоршню таблеток экстази!

Любовь в нацисте, чистая любовь? Я открываю глаза, и возвращаюсь назад в серый лес, мокрый снег и холодный дождь, мои ноги наполовину замерзли. Потрясенный внезапной мощью этого переживания, я счастлив покинуть это мрачное место. Неонацисты иногда собираются и маршируют здесь под своими флагами, и я слишком хорошо могу представить, как они подпитываются этими старыми образами расовой чистоты.

Наша следующая остановка – бывший концентрационный лагерь. Людей из множества оккупированных территорий забрали из их домов и отправили в Германию. Там их заставили работать на фабриках, чтобы поддерживать немецкую экономику и военную мощь. Большинство немецких производств того времени использовали эту дешевую, почти рабскую рабочую силу, так же,

как и многие фермы. Сейчас мы посетили один из «домов» для таких рабочих. Многие из его узников погибли, они умерли от недоедания и плохого обращения. Бывший лагерь сейчас похож на небольшое молчаливое кладбище. В углу мы обнаруживаем мемориал многочисленным детям, которые умерли здесь от голода. Эти (в большинстве) польские и русские дети считались неподходящими для жизни, так как они не были арийцами. Детей просто заморили голодом. Некоторые из детей названы по именам, некоторые умерли без имени, и все они лежат здесь вместе с несколькими сотнями взрослых, которые приехали из разных стран Европы. Мы молча бродим здесь некоторое время.

Третье место, которое мы посещаем, сейчас является общественной школой, но до и во время войны тут находился центр подготовки нацистов. Много лет после войны это место использовалось как лагерь для перемещенных лиц. Три тысячи человек, освобожденных из разных концентрационных лагерей, жили здесь. Этим людям было больше некуда идти. Позже это место пустовало до тех пор, пока тут не устроили школу. Несколько родителей попросили Анке и меня о помощи. В этой школе наблюдается непропорционально высокий уровень насилия, стычек и даже смертей, и родители задаются вопросом, не может ли быть, что прошлое еще каким-то образом действует.

Когда мы получили приглашение, мы решили совместить встречу нашей четверки с практической работой в школе и посмотреть, не найдем ли мы способ быть полезными. В тот вечер мы некоторое время бродим вокруг зданий и площадок школы. Мы собираем первые впечатления, оставляем молитвы там и сям. Было объявлено, что я буду говорить о работе, которую я иногда провожу в местах с тяжелым прошлым, и мы обнаруживаем, что собралось около 80 человек: ученики, родители, учителя и просто люди, которые хотят услышать о моих наблюдениях и моем опыте. В своей речи я упоминаю, что, возможно, некоторые места имеют свою память. Нам всем известно чувство, когдаходишь в незнакомый дом и мгновенно понимаешь, хорошо ли тебе в нем или в воздухе висит что-то тревожное и плохое. В каждом городе есть пара мест, в которых новое предприятие обязательно обанкротится, или дома, в которых люди начинают болеть через год-два после того, как они въехали. Некоторые агенты по недвижимости могут рассказать странные истории. Я рассказываю, как шаманские традиции смотрят на такие места, как иногда призраки умерших все еще ходят вокруг таких домов, неспособные найти мир, и как

может возникать беспокойство из-за дисбаланса энергии. Я говорю о четырех элементах – воде, земле, огне и воздухе, – и о том, как один или два из них можно использовать, чтобы благословить место и восстановить баланс. Несколько человек задают вопросы. Я пою несколько песен. Мы прощаемся и приглашаем заинтересовавшихся прийти на следующий день, чтобы принять участие в ритуале благословения зданий и территории. Мы пока не можем сказать, как будет выглядеть ритуал, потому что наша маленькая группа должна подождать и посмотреть, что нам скажут наши сны.

Той ночью мне снились напряженные сны. В первом сне я захожу в автобус и пытаюсь купить билет у водителя. Это неприятная ситуация, так как он начинает высмеивать меня, услышав мой несовершенный немецкий. Люди в автобусе смеются, я чувствую себя униженным. Я покупаю билет и сажусь. Человек, который сидит рядом со мной, открывает рот: он заполнен гнилыми и сломанными зубами, черными и коричневыми. Он находится слишком близко, нависает надо мной, он говорит и говорит, и его рот становится больше и больше, пугая меня. Я чувствую угрозу, но я не знаю, что делать. Когда я просыпаюсь, я помню стыд людей, которым приходится оставаться в лагере для перемещенных, интегрироваться в общество, которое презирало их и использовало их в качестве рабов. Я также думаю о месте собраний нацистов, которое напомнило мне большой открытый рот с гнилыми зубами. В другом сне основной темой является боль, причиненная женским энергиям мужскими энергиями. Это проявляется в разных формах, иногда скрыто, иногда явно. Наконец, во сне я смотрю в зеркало и не могу найти мое собственное лицо. Там, где должно быть мое лицо, есть только абстрактный узор, немного напоминающий трехмерные открытки, которые были популярны в 90-х годах: мне нужно смотреть как бы сквозь, чтобы увидеть образ, который я могу понять.

Когда мы вчетвером встречаемся утром, мы обнаруживаем, что всем нам снились сны о насилии мужчин над женщинами. Таким образом, мы понимаем, что если смотреть на внутренние динамики энергетического поля нацистов, это основная тема. Мы начали молиться о наставлении еще когда только получили эту просьбу о помощи несколько недель назад, и за несколько дней до нашей встречи Анке видела сон о естественном источнике, колодце. Там ее ждал ворон, он рассказывал ей истории об этом месте. Анке этот источник показался ключевым элементом в этой истории, и она сделала несколько звонков, чтобы узнать, не было ли раньше

колодца рядом со школой или, может быть, он до сих пор еще есть. И действительно, представитель муниципалитета сообщил ей, что в этих окрестностях раньше был старинный священный колодец, но он не знал, где именно. Он только знал, что его закрыли много лет назад. Нацисты заигрывали с древним прошлым германцев, например, используя рунические символы, и казалось вполне логичным то, что будет некоторая связь между ними и древними языческими священными местами силы. Священный колодец важен. Но где он может быть? Мы решаем, что хотим найти его и понять, какое отношение он имеет к школе.

Мы раскладываем на полу несколько листов бумаги, которые представляют различные здания школы. Стоя там и здесь в этой расстановке с листами бумаги, мы пытаемся найти местоположение колодца, и очень скоро мы приходим к мнению, что речь идет о месте на востоке от главного здания школы. Туда мы помещаем лист с надписью «колодец» и продолжаем исследовать расстановку. Мы стоим на листах, представляющих здания, на местах между ними и на листе-колодце. Когда через некоторое время мы обмениваемся впечатлениями, мы обнаруживаем удивительно складную историю. На месте колодца мы явно чувствуем энергию раненой женственности, которая так сильно присутствовала во всех наших снах. Каждый из нас чувствует некоторую недоброжелательную энергию скорее мужского рода вокруг одного конкретного здания. Само это здание новое, но оно стоит на месте одного из старых центров подготовки нацистов. Таким образом, по неизвестным причинам, история сужается до полярности мужское-женское. Пока мы оставляем это в таком виде, с уверенностью, что мы узнаем необходимую информацию, когда придет время.

Пока мы говорим, нам приходит в голову идея попытаться найти колодец и взять с собой несколько бутылок воды. Нам сообщили, что колодец был закрыт, но древний дух, который когда-то создал его как Heilbrunnen (исцеляющий колодец), должен все еще как-то присутствовать там. Мы можем предложить ему нашу воду, попросить его благословить ее, и сказать ему, что мы возьмем эту воду, чтобы побрызгать ею на школьные площадки и здания. Таким образом, древний исцеляющий дух может еще раз прикоснуться к беспокойному месту и, мы надеемся, принести немного равновесия. Пока я молюсь, закрыв глаза, я вижу образ, который меня удивляет. Колодец не маленький и вовсе не закрыт, а широкий и открытый. Он квадратный, размером с небольшой бассейн для

плавания. Что-то спускается сверху, благословляя воду. И несет благословение не только сама вода, но вода, смешанная с чем-то с неба: особая смесь качеств духов воды и воздуха.

После обеда мы отправляемся в путь, захватив несколько бутылок с водой. Анке сделала телефонный звонок, и представитель муниципалитета, отвечающий за сохранение культурного наследия, дал ей адрес, где мы можем встретиться с человеком, который, возможно, знает о точном местоположении колодца. Имея только одну подсказку, мы отправляемся в путь. Мы находим дом, где мы должны встретиться с этим человеком, и оказывается, что это недалеко от школы. Пожилые мужчины сидят за пустыми столами и курят. Это приют для бездомных. Это не веселое место, но почему-то мы не удивляемся, обнаружив его здесь. Оно резонирует с общей темой отвержения, закрытого колодца, лагерем для перемещенных, который был неподалеку. Человек, на встречу с которым мы пришли, сообщает нам, что колодец должен быть недалеко, где-то за зданием. Как мы и ожидали, это на восточной стороне территории школы. Мы получаем указания, как его найти, и снова отправляемся в путь: выйти из дома, перейти улицу, поворот налево, перейти паркинг и тупик. Теперь мы пробираемся по кустам и зарослям. В уголке заброшенного леса мы переглядываемся: это должно быть где-то здесь, но где именно? И что дальше?

Мы упираемся в забор и некоторое время стоим там. Вдруг по ту сторону забора появляется большая собака и с громким лаем бросается на забор. Вскоре вслед за ней появляется мужчина в тренировочном костюме, от него пахнет алкоголем. Он хочет знать, кто мы такие и почему шныряем тут между деревьями. Мы говорим, что ищем колодец. Его это не впечатлило, и он спрашивает, зачем мы хотим найти колодец. Мы говорим ему, что мы слышали о нем (и это правда, хотя мы не говорим, что узнали о нем из сна), и нам известно, что это очень древнее место, и нас интересуют такие места. После еще нескольких ответов на его вопросы мужчина за забором решает, что с нами все в порядке. Он сообщает, что колодец находится на его частной территории и что он впустит нас посмотреть на него. Но нам надо вернуться назад, чтобы войти через ворота. Следуя его указаниям, мы идем назад через парковку, на широкую улицу с интенсивным движением. Мы пересекаем ее, идем дальше. Проходим под мостом. Мы оказываемся в какой-то индустриальной зоне, заброшенной и пустующей, вокруг мусор и граффити. Мы смеемся и спрашиваем себя, не послал ли нас куда

подальше этот мужчина, чтобы мы не беспокоили его больше. Но нет, в конце улицы мы обнаруживаем, что он ждет нас вместе со своей собакой и машет нам рукой. Теперь они оба выглядят очень дружелюбно. Первые большие железные ворота открываются и закрываются за нами, за ними вторые. Мы входим в хорошо ухоженное место. Через несколько минут мы вдруг видим воду. Когда мы подходим, над водой пролетает большая черная птица. «Ворон из моего сна», – говорит Анке. Колодец не закрыт, как мы и ожидали, и это квадратный открытый бассейн, который я увидел, когда молился. Это то самое место, куда нас направили духи. Мужчина, который впустил нас, говорит о себе как об отшельнике, который заботится о старом колодце. Очевидно, что он любит это место. Он счастлив, что какие-то люди появились из ниоткуда и пришли сюда, чтобы посетить источник. Он рассказывает об истории этого места, о том, как монахи построили стены вокруг природного источника, где-то в 17 веке. Это чудесная встреча, мы чувствуем себя как в фантастическом фильме! Мы четверо в поисках священного места из наших снов и видений, чудесным образом нам удалось найти его, нам угрожает монстр, нас допрашивает хранитель секретного места, и мы проходим его квест. Он открывает для нас ворота, и вот мы здесь! Пока двое из нас разговаривают с ним, двое других молятся и просят дух этого места благословить воду в бутылках, которую мы принесли с собой. Мы стесняемся рассказать нашему гиду о наших снах. Мы не знаем, поймет ли он, что мы пришли, чтобы попросить благословения местных духов, чтобы снова освятить земли школы неподалеку отсюда. Но конечно же, поскольку он хранитель этого места, он замечает, что мы стоим там с бутылками воды, в позе молитвы. «Хотите взять немного воды, чтоб забрать с собой?» Он перелезает через стену, и Еша помогает ему сначала опустошить, а затем наполнить наши бутылки. Он хочет показать нам фотографии, как это место выглядело в прошлом, в 19 веке, но нам пора уходить. В школе нас ждут люди, время, когда мы должны были появиться там для ритуала, уже давно прошло. Пока хранитель колодца провожает нас к выходу, мы обещаем, что однажды мы вернемся, может быть, вместе с другими людьми, чтобы услышать больше и, может быть, как-то помочь. Я предлагаю ему немного денег, но он отказывается один раз, потом второй раз, он не хочет денег. Ясно, что наш неожиданный визит – подарок для него, и принять деньги будет неправильно. Но мы не хотим уходить просто так, и я счастлив, что в конце он соглашается принять плитку шоколада,

которую я нашел в своей сумке. Этот шоколад нам подарил один из родителей в школе, и то, что мужчина согласился принять этот подарок, – это хороший знак.

Мы снова проходим под виадуком, переходим дорогу, проходим мимо пристанища для бездомных и находим нашу машину. В школе мы обнаруживаем, что в одном из основных зданий нас ожидает группа из 35 человек. Анке предупредила по телефону, что мы задерживаемся, и за это время они наполнили водой много бутылок. Мы рассказали о нашей встрече с пожилым отшельником в спортивном костюме и о его любви к целительным водам источника. Мы все вместе молимся и представляем, как раньше территория школы была соединена с колодцем и как потом все земли были порезаны на лоскуты, разделенные дорогами и шоссе. Мы приглашаем древний дух колодца снова прийти на эту землю, дух, который не мог напрямую благословить эту землю уже сотню лет. Потом мы наливаем немного воды из колодца в бутылки. Каждый из участников ритуала берет бутылку и начинает ходить по территории школы. Вода разбрызгивается везде: на деревья, на землю, на стены, снаружи и изнутри зданий. Когда бутылка пустеет, человек приходит назад и берет новую. В это время я и Анке остаемся внутри, произнося над водой молитвы.

Анке берет свой барабан и начинает петь. Мелодия трогает внутри меня нечто неизвестное мне прежде. Я знаю много старых священных песен – песен американских индейцев, песен из еврейской традиции и других, но это что-то другое. Кажется, что голос Анке идет одновременно и из земли, и из ее тела. Древний дух поет с ней, через нее. Я уверен, что слышу священный дух времен древних германских племен, задолго до того, как римляне и христианство пришли в места, которые сейчас называются Германией. Я знаю, что Анке исследовала древние священные места в этой части страны на протяжении многих лет. И что она нашла путь к старым источникам через разнообразные слои забвения, во время многочисленных ночей, проведенных в уединенных молитвах на природе. Я знаю, что древние духи начали говорить с ней, доверяя ей. Но я впервые вижу, как она поет во время ритуала, напрямую обращаясь к этим силам, для исцеления будущих поколений. Приглашенный молитвами за всех, кто жил тут раньше, за всех, кто живет сейчас и за тех, кто будет жить в будущем, дух колодца присоединяется к песне Анке и поет вместе с ней. Это священный момент.

Когда ритуал закончился и мы начали наводить порядок в комнате, одна из родителей, пригласивших нас сюда, дает мне се-

ребряную монетку с надписями на иврите. «Эту монету я получила много лет назад. Я не знаю, что это такое или что это значит, кроме того, что это что-то еврейское. У меня такое чувство, что я должна сейчас отдать ее вам, чтобы поблагодарить вас за вашу помощь сегодня», – сказала она мне. Я удивлен тем, что вижу традиционную серебряную монету, которая использовалась для церемонии пидьон абен, которая является очень древним обычаем. Когда Бог принес смерть всем перворожденным сыновьям египтян, он спас жизни перворожденных детей евреев. Но с тех пор все первенцы евреев принадлежат Богу, и они должны стать священниками или как-то еще служить Ему. Так появилась церемония: «выкуп первенцев». Если первенцем был мальчик и семья не принадлежала к касте священников, родители отводили ребенка к священникам и давали им пять серебряных шекелей. Священники принимали деньги, благословляли ребенка соответствующей поводу молитвой, и таким образом ребенок был выкуплен, освобожден. Хотя ситуация, в которой мы сегодня работали, не вполне соответствует той, что по традиции требует церемонии пидьон абен, оплата традиционной серебряной монетой наполнена смыслом. Принимая эту монету, мы символически освобождаем детей школы. И в завершающих молитвах я прошу всех, кто пострадал от рук нацистов и кто когда-то был здесь, тоже освободить детей. Я молюсь, чтобы беспокойные души убитых нашли свой путь в лучший мир и больше не преследовали живущих. Я говорю мертвым, что я принял плату от их имени и что дети должны быть свободны.

В ту ночь мне снилось, что я один в большом доме. Я молодой, возможно, я ребенок и чувствую себя уязвимым. Я брожу по комнатам, пытаюсь найти кого-то, кто меня обнимет и позаботится обо мне, избавит меня от одиночества. Комнаты наполнены странными конструкциями, похожими на машины или какие-то механизмы. Они сделаны из железа, они большие и тяжелые и занимают много места. И все же дом заполнен странной тишиной, как если бы машины находились в отдельной реальности и звук не мог переходить из их мира в мой. Другие люди, которых я вижу, кажутся частями машин, переплетенными с ними. Они не замечают меня и не отвечают на мой голос. Я не могу ничего ожидать от них и их механического мира. Когда я это понимаю, они исчезают, и комнаты теперь совершенно пустые. Теперь тишина имеет смысл. В самой большой комнате я начинаю исследовать деревянный пол. Я что-то ищу. Я вижу рисунок в дереве. Там блестят железные нитки, искусно выложенные в дереве умелы-

ми мастерами. Я обращаю мало внимания на сами узоры, хотя я вижу несколько огромных свастика и другие древние формы. Я ищу и ищу несовершенство, и нахожу место, где железная нитка отсоединилась от своего ложа и немного торчит из дерева. Я начинаю тянуть и крутить, и в итоге мне удается отсоединить одну из больших деревянных планок. Когда я ее поднимаю, я вижу темную дыру. Я приседаю на полу и заползаю в нее. Потолок тут невысокий, десятилетний ребенок мог бы тут стоять в полный рост. При этом там невообразимо много места в ширину. Я стою на маленьком свободном пятачке на полу этого потайного подвала, а вокруг меня лежат тела. Большинство из них накрыты одеялами, старой одеждой и тряпками. Там и сям видны истощенные руки и ноги, иногда голова, лысая и морщинистая. Сотни, возможно тысячи людей лежали там. Никто не движется. Может быть, они мертвы, или полумертвы, я не знаю. Густой воздух непереносим, запах скверный. И все же во сне я знаю, что нашел единственное место, которое для меня осталось. Я не могу присоединиться к тем людям в доме в их механистичной вселенной, они меня не замечают. Единственное место, которое мне остается – здесь, с неживыми, в этом тайнике. Я вставляю деревянную дощечку на место над головой и в темноте ложусь рядом с ними. Я смотрю в темноту, без мыслей и чувств.

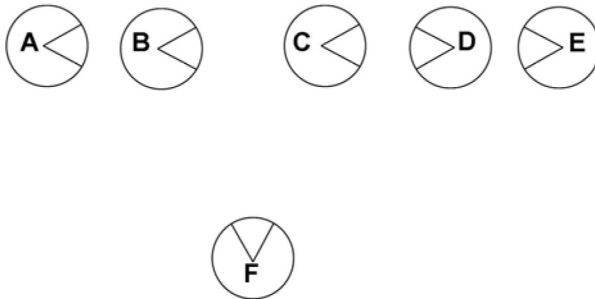
Следующим утром мы четверо делимся своим опытом работы с семьями нацистов. Мы хотим исследовать базовые трансгенерационные паттерны в семьях нацистов, нас к этому подтолкнуло наше приключение в школе в предыдущие два дня, и те известные нам случаи, когда внуки нацистов становятся психотиками или серьезно болеют. Мы все много раз чувствовали в расстановках с заместителями нацистов какую-то холодную и жесткую энергию, недостаток тепла и чувств.

Мы сразу же ставим расстановку и решаем включить туда следующие элементы: сначала древнюю дохристианскую коллективную душу германских племен. Это поле, которым нацисты восхищались и куда хотели подключиться. Вторым будет коллективная душа нацистов, энергетическое поле нацистов. Третьим в этой череде будет отдельный нацист. Это место будет представлять собой не поле, а отдельных реальных людей: действительных нацистов или тех, кто отождествлялся с их идеологией. Далее будут их дети, мы назовем этот элемент расстановки «дитя нациста». И наконец, у нас будет внук нациста. Мы пишем эти названия элементов на листах бумаги и раскладываем их на полу в линию.

И потом, поскольку такая конфигурация кажется неполной, мы добавляем еще один листок – для жертв. Этот последний лист получает свое место сбоку, между идеологией нацистов и нацистами.

Каждый из нас встает на разные места и делится с другими переживаниями, которые он почувствовал на отдельном месте. Четыре из шести позиций все время заняты, и мы отвечаем на наблюдения друг друга. Это завораживает: в целом мы переживаем одни и те же роли одинаково, но каждый из нас добавляет что-то более точное и особенное.

У нацистов и у коллективной души нацистов глаза есть только для того, чтобы видеть друг друга. Они любят касаться друг друга, гордые и сильные. Они вообще едва замечают других. Когда коллективная душа нацистов отворачивается от нациста, чтобы посмотреть на древнюю душу германских племен, он становится маленьким, как ребенок, и древняя душа германских племен становится как бы родителем, с чувством превосходства. В то же время дитя нациста чувствует себя потерявшимся и неуверенным. Внук тоже переживает это чувство потерянности.

А – Дохристианское германское поле или душа;
В – Коллективная душа нацистов; С – Отдельный нацист;
D – Ребенок нациста; E – Внук нациста; F – Жертва нациста
Рисунок 20.

Нацист иногда смотрит на своего ребенка, и это слабая связь, а внука уже никто не замечает, даже его собственный родитель. Для внука нет будущего, нет перспективы, есть только чувство изоляции. Внук чувствует, что его предала древняя душа германцев,

и в конечном счете он присоединяется к жертвам, чтобы не быть в одиночестве. Жертва как бы парит, ни с кем не связанная, до тех пор, пока рядом с ней не становится внук. Между ними по-прежнему нет личных связей, но теперь жертва, по крайней мере, прикоснулась к земле. Жертва и внук вместе смотрят на слившихся энергию нацистов и отдельных нацистов. В этих двух последних ролях некоторые из нас ничего не чувствуют, но других охватывает отчаяние, когда на них смотрит внук и жертва. Возможно, это указывает на раскол в личности нациста: одна часть не может чувствовать вообще, другая часть чувствует отчаяние.

Мы садимся и некоторое время обсуждаем все это. Я вспоминаю о сне, который я видел прошлой ночью. Я понимаю, что в нем я пережил опыт в позиции внука нациста, который мы сегодня открыли в этой расстановке. Все вместе мы вспомнили разных клиентов и исследовали, как и при каких условиях можно распознать в их семьях эти паттерны. Затем, через некоторое время, мы решаем сделать еще один круг в этой расстановке. В первый раз мы заметили, что пока мы были в ролях, нам было очень трудно видеть друг друга, там было очень сильное чувство разъединённости. Мы хотим лучше понять это, мы хотим посмотреть, какие еще слои чувств раскроются там, если дать им больше времени. Мы снова занимаем места в поле, меняемся ролями и еще раз обмениваемся тем, что происходит. Теперь динамики становятся более сложными и подробными.

Мощь нацистов никого не видит, но сам нацист вдруг оказывается в отчаянии: куда ушла мечта? Где красота, где чистота? Эта мечта для него была более важна, чем его собственные дети. Мечта о чистом и сильном народе Германии – это было все, что он хотел передать дальше, и теперь ничего не осталось, он стоит с пустыми руками. Стоя на этом месте сам, я вспоминаю о чувстве любви и силы, которые меня охватили, когда я был в месте собраний нацистов в лесу – вся та красота утрачена, ушла, испорчена. Вся сила ушла, вся жесткая и неистовая мужская гордость рассыпалась. В роли нациста мы обнаруживаем зарождающееся желание умереть. Нацист просит своего ребенка умереть вместе с ним. «Да, – отвечает ребенок, – это хорошая идея. Давай умрем вместе». Они стоят рядом, готовые умереть. Но тут происходит интересная вещь: когда сам нацист позволяет себе сдать себя смерти, ребенок начинает чувствовать. И теперь ребенок замечает своего собственного ребенка, внука, – впервые. Внук держится за руки с жертвой, и жертва рада, что она не одна. Тоска нациста по по-

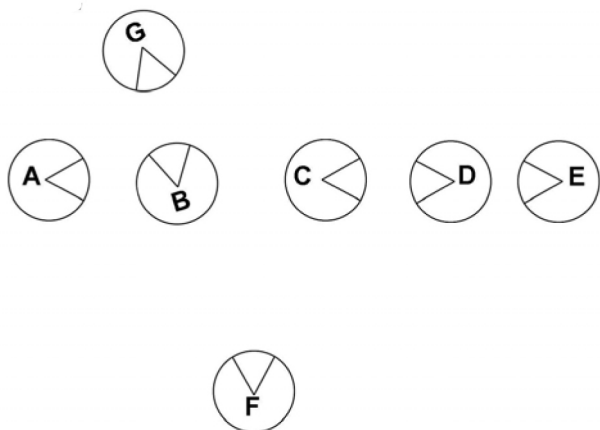
терянной мечте глубока, и для нее нет решения. Ребенок нациста снова чувствует, но не может двигаться.

Теперь все внимание сосредоточено на внуке. Он чувствует, что снова может ожить, ощущение отсутствия будущего исчезло, когда на него смотрит родитель. Но вместо того, чтобы ответить родителю, внук жаждет внимания и присутствия прародителя. И он по-прежнему должен держать жертву, чтобы иметь связь с другими в расстановке. Внук описывает, что в целом чувствует склонность к крайностям и радикализму. Ему нужно держать жертв в поле зрения, чтобы защищать их или чтобы отвергать их. Нацист очнулся от своей безжизненности, потому что теперь он чувствует, что может передать свою мечту внуку. Внук чувствует, что тоска по прародителю не может быть удовлетворена, так как прародитель не достиг успеха. Тоска остается, но теперь она не связана с кем-то конкретным, и какая-то абстрактная сила воли берет верх. Внук начинает чувствовать себя больше, чем его прародитель, и в итоге чувствует, что превосходит всех остальных. И теперь внук смотрит в будущее, в славное будущее. Нужно новое видение! К этому моменту внук утратил контакт с землей и теперь витает в воздухе. Он все еще держит жертву, но теперь оба задают себе вопрос – надолго ли? Будет ли жертва снова списана со счетов, забыта? Похоже, что что-то из энергии и мечты нациста все же передалось внуку. В то же время жертва обнаруживает, что может заметить нациста, только когда к ней прикасается внук нациста.

Мы снова садимся, так как нам нужен перерыв. Эта работа очень интенсивная и требует много сил. Двое из нас постепенно обрели ощущение, что в расстановке чего-то по-прежнему не хватает, что есть невидимый игрок где-то на уровне души, которого мы еще не идентифицировали и не ввели в расстановку. Такое ощущение, что место для этой силы должно быть где-то между древней душой германских племен и коллективной душой нацистов, немного в стороне от линии, которую мы расставили. Мы пишем «неизвестная сила» на листе и добавляем его в расстановку.

Тут случается что-то забавное. Когда мы снова занимаем места в расстановке, трое из нас стоят на местах в конце линии, и Анке первая, кто становится на место «неизвестной силы». Она начинает краснеть и говорит: «Я не скажу, что я чувствую тут».

Мы меняемся ролями несколько раз и делаем потрясающее открытие, что есть очень сильный сексуальный заряд между коллективной душой нацистов и этой новой силой. Коллективная душа нацистов остается все той же мужской силой, которой была

А – Дохристианское германское поле или душа;
 В – Коллективная душа нацистов; С – Отдельный нацист;
 D – Ребенок нациста; E – Внук нациста; F – Жертва нациста;
 G – Неизвестная сила

Рисунок 21.

раньше, но теперь с признанием сексуальности и женственности. Ее мужественность становится более сбалансированной, менее экстремальной. На месте этой новой роли мы испытываем чувство женской власти. Стоя на этом месте, один из нас говорит: «Я как колодец, который мы нашли вчера, забытый, но важный. Я единственное, что может иметь уравнивающее воздействие на поле нацистов». Это не чисто гетеросексуальная энергия, и кажется, что она имеет больше отношения к общему равновесию между мужским и женским, которое может быть нарушено как в мужчине, так и в женщине. С новой «неизвестной силой» в поле мы становимся более расслабленными, появляется смех и новое чувство оживления. Хотя новая сила ощущается и могла бы быть выражена на сексуальном уровне, она не ограничивается этим.

Как же остальные реагируют на эту пару, которая едва ли может держать руки прочь друг от друга, которая чувствует новую завершенность? Нацист дезориентирован, потому что коллективная душа нацистов больше не интересуется им. Вместо того, чтобы гордо поддерживать нациста, поле коллективной души нацистов сосредоточилось на ранее скрытых женских качествах сострадания и эмпатии. Душа древних германских племен стала полностью асексуальной. В этой точке мы ощущаем внутреннее изменение, и теперь эта позиция выглядит больше как идеализированная

картина, как работа художника времен Романтизма, последовавшего за эпохой Просвещения.

К нашему удивлению, разные темы, которые проявлялись в эти дни, объединились в этом последнем круге расстановки. Спрятанный колодец, который, согласно нашим снам и молитвам, был так важен, снова проявился. Он снова был невидим, неузнаваем. Мы садимся и снова разговариваем. Возможно ли, что жестокая энергия нацистов на каком-то энергетическом уровне была результатом раскола, нарушения энергии, сексуальной по своей природе? Мужественность, одичавшая без женского?

Очевидно, что нацисты идеализировали маскулинность. Женщины им были нужны как матери новой расы, но не более того; предполагалось, что они будут просто следовать за мужчинами. В дохристианские времена женские и мужские энергии ценились и уважались в равной степени. По окончании зимы проводились ритуалы плодородия – все взрослые уходили в поля, занимались там сексом, чтобы отпраздновать новую весну и возродить природу. В нашей расстановке мы увидели, что душа древних германских племен вообще не была связана с этими архаичными временами, и было похоже, что она ближе к бесполому Романтизму – периоду в 19 веке, который основывался на ностальгической тоске по простоте и невинности. Похоже, что нацисты искали связи с дохристианским прошлым, но нашли только свои фантазии о нем.

Дорога назад в Амстердам на поезде была долгой, и я начал читать «Совість нацистов» Клаудии Кунц. Книга показывает, как «научные» публикации о разнице между расами и другие виды пропаганды постепенно и умело влияли на немецкую общественность, как пропаганде удалось мобилизовать поддержку для постепенного исключения евреев из общественной жизни, что в конечном счете привело к массовым убийствам. Клаудия Кунц опирается на исследования и выводы многих серьезных исследователей. С их помощью она подчеркивает, что нацисты были не только жестокими антисемитами, они еще потратили много времени и энергии, чтобы создать коллективное видение, мессианскую мечту о расовой чистоте. И пока я читаю об этой мечте, мой собственный удивительный и экстатический опыт в бывшем амфитеатре нацистов снова приходит мне на ум. Кунц показывает конструкцию первых предпосылок этой мечты, как они тонко и тщательно развивались, как они преподносились народу Германии снова и снова до тех пор, пока он не впитал их и не сделал их своими собственными. Убить евреев и других,

кто не принадлежал к моральной вселенной нацистов, стало задачей, которая наполняла убийц гордостью. Чувствительность или сострадание не приветствовались, уничтожение евреев стало героическим обязательством перед будущими поколениями, и его необходимо было выполнить. Читая все это, я могу лучше понять различные ощущения и переживания, которые мы почувствовали во время расстановки семейной системы нацистов. Недостаток чувствительности, жесткость и невидимая жертва. И я понимаю черную пустоту, которая пришла после того, как мечта развеялась, и чувство, которое пришло вслед за этим – что теперь больше нечего дать будущим поколениями, – теперь все это обрело смысл.

Клаудия Кунц показывает, как была создана мечта и к чему это привело. Мы знаем, какие страдания эта мечта принесла жертвам. Но я должен спросить себя: поняли ли мы также и то, что принесла утрата этой мечты коллективу, который верил в нее? Утрата вызвала тоску, очень глубокую тоску. Гитлер не привел Германию к славному будущему, а полностью провалил его и потом убил себя – это предельное предательство. И я спрашиваю себя: как нацист, которого учили перестать чувствовать, тот, кто был отрезан от своих качеств сочувствия, тот, кто мог убить маленьких детей просто потому, что они не были настоящими людьми, вообще может когда-либо переработать эту тоску? Мечта рассыпалась, но только некоторые смогли подобрать ее осколки и горевать над ними. Осколки разбитой мечты, должно быть, все еще разбросаны по всей Германии. Кто их соберет? Те, кто попытаются это сделать без специальной защиты, глубоко поранятся.

Глава 12

ТЕЛО СКОРБИ

Огромный колониальный замок, возвышающийся над Йоханнесбургом, сочный сад, который его окружает... Сначала я удивлен. За годы работы с группами мне довелось побывать во многих разных залах, но сейчас – это новый опыт – я оказался в замке Нортвардс, который был построен в 1904 году сэром Гербертом Бейкером для членов бывшего южноафриканского верхнего класса. Такое здание, как это, со всей своей великолепной роскошью прошлого, могло быть построено только на деньги от торговли золотом. Меня пригласили в Южную Африку, чтобы поработать с темами прошлого, и после того, как я немного свыкся с величественной обстановкой зала, я понимаю, что было бы уместно посмотреть на черных, белых и азиатских предков этой земли в этом месте, которое так прямо связано с мечтами, надеждами, дискриминацией и эксплуатацией, характерными для времен до апартеида.

Кажется, что в доме есть беспокоящие призраки, которые не знают, кто мы такие и зачем мы сюда пришли. Я думаю, что мы не должны игнорировать их, и в середине утра я прошу группу присоединиться ко мне в ритуале, в котором мы обратимся к прошлому этого дома и земли вокруг него. Все вместе мы создадим круг «предков этого места». Те, кто захочет побыть заместителем кого-то – или какого-то события, или энергии из прошлого этого замка и земли, – могут выйти вперед и сказать группе, что именно они будут замещать. Таким образом, мы соберем вместе разные элементы и людей прошедших времен. И дальше будет видно, как следует продолжить. Что-то просится выйти наружу, духи просят об этом, но я не знаю, что именно, и я доверяю ритуалу, он сам направит нас.

Первым делает шаг вперед Този, одна из чернокожих участников: «Я буду заместителем людей, которые жили на этих землях». За ней встают другие люди, которые выбирают быть заместителями шахтеров, золота, архитекторов, женщин-служанок, которые убирали и готовили, садовников, духов земли, нянь, разные поколения владельцев, людей, которые приезжали в качестве гостей, других, кто умер на службе, и еще многих-многих других. В конце

практически все участники стояли в круге, а тех, кто еще не вышел в круг, я попросил присоединиться в качестве заместителей участников семинара.

После непродолжительного молчания Този, как заместительница первых людей, говорит. «У меня кружится голова, я почти в обмороке». На мой вопрос, что было бы для нее сейчас хорошо, она говорит, что ей нужно лечь в центре круга, и она делает это. Този ложится в центре группы стоящих людей и закрывает глаза. Вместе мы держим пространство для этой одинокой женщины. Ее присутствие влияет на всех нас, и сам по себе медленно начинается ритуал траура. Один или два заместителя осторожно приближаются к фигуре в центре, на короткое время. Они стоят рядом, может быть, молятся, иногда прикасаются к ней. Кто-то обнимает ее на минуту, кто-то шепчет ей что-то. Иногда Този плачет, длинными печальными стонами. Многие заместители просто остаются на своих местах в круге, но несколько человек осторожно движутся, передвигаясь по кругу и встречаясь с другими. Тоска женщины в центре и тоска по ней становится катализатором, центром всего. Я бью в барабан и пою песню печали и утраты. Энергия пронизана разделенной скорбью, знанием об утратах людей, которые жили здесь до того, как эту землю назвали Южной Африкой. Мы стоим рядом с их заместителем, слушая ее бессловесное стенание.

Скорбь, траур, потеря – куда бы меня ни пригласили на работу, скорбь всегда проявляет потребность быть выраженной. Иногда я оглядываюсь назад и мне кажется, что все расстановки были только о скорби. Слезы, которые не выплакали наши предки, все еще ждут высвобождения; бывают моменты, когда кажется, что мы плывем в море слез, невозможно отыскать хоть кусочек сухой земли. Я обнаружил, что в наследии нацистов и их жертв скорбь тоже присутствует, и она стала намного более важным фактором, чем я мог предположить. Я знал, что многие из выживших в холокосте были не способны скорбеть, но теперь я обнаружил, что и агрессоры, и вся их культура также не были способны оплакивать себя. Что это за разделенное явление утраты и прерванной скорби, кто может объяснить мне? Я знаю, как выглядит и как ощущается процесс скорби, но что такое сама скорбь?

Когда мне было 17 лет, мой отец отправился в поход, и он не вернулся назад. У него случился сердечный приступ, очень внезапная и неожиданная смерть. В 17 чувствуешь себя бессмертным и непобедимым, и меня это полностью опустошило. Я младший ребенок в семье и единственная девочка, так что я была настоящей папиной дочкой.

Это дало мне личный опыт того, каким может быть влияние скорби на жизнь. Я знала, что это не просто, но я не знала, что это может идти так глубоко, равно как не знала и того, что это меняет всю жизнь.

Это говорит Нэнси Собоня, директор и продюсер документального фильма «Дары скорби», в котором исследуются личные выражения скорби и то, что было после, когда процесс траура находит какую-то попытку завершения. Я навещаю ее в ее доме в Окленде, Калифорния, мы сидим вместе за кухонным столом, пьем чай. После 17-ти лет работы в местном хосписе Нэнси оставила работу, чтобы снять свой документальный фильм.

Я всегда чувствовала, что это честь – работать со скорбящими людьми. Это место такой реальности и уязвимости, что это большая привилегия – встретиться с другими в их глубоко интимном пространстве. Я любила свою работу и хотела поделиться ею через фильм. Я хотела через истории любви и утраты поделиться пониманием того, каким мощным и глубоким учителем бывает скорбь.

Скорбь – это естественная человеческая реакция на любую утрату. Это реакция на моменты изменения. Ее часто сопровождают сильные эмоции, шок, оцепенение, страх, уязвимость и беспомощность. Чем больше утрата, тем сильнее реакция на нее.

Когда скорбишь, то представления о том, каков мир, рушатся. Больше нет чувства личной безопасности, и безопасность в семье или в обществе тоже могут быть утрачены. Процесс скорби – это процесс, в котором заново собирается, воссоздается развалившийся эмоциональный мир. Быть может, его можно сравнить со склеиванием разбитого стакана из осколков. Работаешь с ними по отдельности, заново организуя и воссоединяя то, что стало раздробленным. Что я считаю самой важной частью этого процесса – это идентификация собственных переживаний, не только слез, но также злости, вины, нехватки, пустоты, шока... Надо вернуть себе и снова интегрировать разные части себя самого. Среди них и физические ощущения, такие как боль в животе или дрожь в руках, которые появились через некоторое время после смерти или утраты. Люди не всегда понимают, что это целостное переживание – затронуты и физический, и интеллектуальный, и эмоциональный, и духовный уровни.

А что, спрашиваю я, если индивид не может горевать, потому что обстоятельства не позволяют этого? Что если все общество не позволяет тебе чувствовать все это, не хочет, чтобы его члены обращались к этим чувствам? Что если нет системы поддержки?

Частью процесса скорби является пересказ истории об утрате, пересказ всего, что случилось, снова и снова. Чем значительнее было травмирующее событие, которое вызвало горе, тем больше о нем требуется рассказывать. Ужас события запечатлевается в момент

травмы, и если люди могут рассказывать об этом, если есть кто-то, кто готов слушать их снова и снова, то воздействие события может уменьшиться. Друг, социальный работник, терапевт – все они могут быть полезными. Но если историю не рассказывают и не слушают, то правда об утрате закрывается. Это может случиться и на индивидуальном уровне, и на уровне группы. Перекрывается доступ воздуха к ране утраты, она не может дышать и не может исцелиться. Как физическая рана, которую не очищают, а закрывают, она инфицируется и начинает болеть. Она становится токсичной. Разговор – это как проветривание раны, очищение ее. Непереработанная скорбь уйдет в подземелье и там будет гноиться. Тогда нужно отделить и отрицать часть себя, и это вызывает глубокое расщепление. Повернутая внутрь незавершенная скорбь подрывает жизненные силы, всю живую систему. Она не уходит. Она может создавать разнообразные помехи. Могут возникнуть потеря интереса к радостям, отсутствие жизни, депрессия. В таких условиях человек оказывается отрезан от переживания своей целостности. Наша полнота больше нам не доступна. Но работу всегда можно продолжить. Время не влияет на это. Работа по исцелению может быть выполнена даже спустя много лет после утраты. Иногда, когда прорабатывается недавняя утрата, мы можем обнаружить более глубокий слой, что-то более старое, что еще не исцелилось. На поверхность последовательно могут выходить слои незавершенной скорби, один за другим.

Мы говорим о ритуалах и способах облегчить скорбь в коллективной реальности, и я упоминаю о Музее 6-го района в Южной Африке. 6-й район был динамичной мультикультурной частью центрального Кейптауна, здесь соседствовало и дружно жило неоднородное население. При апартеиде этот район был разрушен, его жители были переселены в различные неблагоприятные места в дальних концах города. Сегодня в одном из сохранившихся старых зданий 6-го района создан музей. Люди, которые раньше жили там, могут написать свои имена и несколько слов на больших листах, и потом буквы вышиваются яркими цветами. Там есть фотографии, образы, рисунки. Восстановлена маленькая парикмахерская и пример типичной комнаты, в которой жила маленькая семья. Это место ностальгии, но там есть больше, чем просто приятные воспоминания, – там присутствуют вибрации оживленности и достоинства. И там есть слова, слова, слова: истории людей записаны многими способами, на бумаге, на стенах, везде. Здесь каждый может разделить травматическую историю группы людей, это место памяти, куда может прийти каждый, читать и слушать, или что-то добавить к повествованию о разрушенной общине. Все это место – это алтарь, и ритуал продолжается каждый день.

«Есть что-то необыкновенно мощное в том, что много людей делятся друг с другом своей правдой, – говорит Нэнси. – В этом есть целительная сила, освобождающая сила, множественные голоса – как нити, которые вместе образуют полотно, в котором осколки, разрозненные части собираются вместе. В разделенной скорби люди снова соединяются с тем, от чего они были отрезаны. Это дает нам более полную картину, в которой наша собственная утрата – это только одна часть».

В «Дарах скорби» есть интервью с чилийской писательницей Изабель Алленде, она рассказывает о своей скорби, которая последовала за медленной смертью ее дочери Паулы. Она описывает свою собственную интенсивную скорбь как процесс рождения. В какой-то момент, как она описывает, этот процесс стал скорее физическим, чем эмоциональным. Кажется, что больше вынести уже невозможно, и тут приходит еще одна волна, и она еще сильнее, чем то, что было раньше. И в какой-то момент все прекращается, и наступает пустая тишина.

Иногда бывают обстоятельства, которые делают процесс траура более трудным, чем он мог бы быть в нормальных условиях. Например, если человек считается пропавшим без вести, когда нет свидетельства о смерти, дата смерти неизвестна, нет могилы. В таком случае мертвые оказываются странным образом изолированными в вакууме, и тем, кто остался, сложно почувствовать, что умерший действительно покинул этот мир. Другой вид сложностей возникает, если смерть наступила ужасным образом, например, если человека мучили, насиловали и калечили. Когда люди умирают в таких экстремальных условиях, те, кто остался, не могут с легкостью вспоминать о них. Сам умерший может в памяти живущих стать пугающим, угрожающим. Знание того, что любимый человек умер в агонии, наполовину обезумев от страха и боли, и рядом с ним не было никого, кто бы защитил и успокоил его, может заставить живущих отвернуться от него из-за страха и чувства вины, что они не смогли защитить и помочь.

Карлос Энрике Годой Лагарриг, рожденный в Чили в 1936 году, был похищен чилийскими военными в августе 1976, став *un detenido desaparecido* – пропавшим задержанным. Его племянница Сесилия приехала на семинар в Нью-Йорке и спросила меня, можно ли сделать расстановку. После молитвы о помощи и наставлении я решил сделать работу, которая затронет разные слои незавершенного траура семьи. Нам нужно будет поработать над освобождением души дяди Сесилии из ужаса его травми-

ческой смерти, но нам также нужно заменить образ замученного и убитого мужчины, который есть в памяти семьи, образом мужчины, который обретает покой. Нам будут нужны предки, чтобы они могли принять его душу. В расстановку нужно добавить четыре стихии, чтобы они приняли его тело. Такие конкретные образы позволяют тем, кто остался, развить ощущение, что их пропавшие близкие находятся в реальном месте, они больше не потеряны в пустоте.

Ниже приведены отрывки из писем, которые я получил от двух женщин, которые были заместителями тела и души дяди в расстановке, а также размышления самой Сесилии. Каждая из трех помнит разные аспекты расстановки, но во всех трех историях Карлос освобожден из пустоты, он обретает свой голос и место. И как пишет Сесилия, это случилось и в расстановке, и позже в его семье.

Письмо Сифры (заместительницы души Карлоса)

Ты пометил на полу два места: одно место, где дядю видели последний раз, а другое – его рабочее место, куда он так и не приехал в тот день, когда пропал. Где-то посередине между этими двумя местами его похитили. С одной стороны линии были заместители его семьи, с другой стороны были люди, которые были заместителями его предков. Сесилия выбрала Либби на роль тела ее дяди, а меня на роль души. С самого начала я чувствовала сильный страх, и я пыталась оставаться как можно ближе к Либби, моему телу. После того, как мы прошли вместе несколько шагов, мы смогли отметить на линии времени, по которой мы шли, точку перед нами – то место, где мы чувствовали, что нас забрала смерть. Пришло неизбежное, нам надо было двигаться вперед. Либби сказала мне, что было бы лучше отправиться к предкам до того, как ее поймают и будут мучить. «Пожалуйста, отправляйся к предкам до того, как начнется кошмар, там ты будешь в безопасности». Мы дрожали и плакали в объятиях друг друга. Было невозможно разделиться, мы были едины, я была телом, тело было мной. Тогда ты, предлагая слова и фразы, помог нам собраться с духом и расстаться. Мы попрощались с достоинством, но после этого я стала снова плакать и закричала. Я до сих пор не понимаю, как я могла издавать такие звуки. Я знала, что я должна отправляться к предкам, но что-то во мне не могло двигаться. Потом ты отнес меня к ним, и это было необходимо, так как я не могла двигаться сама. Мне нужна была эта поддержка. Когда я прибыла к предкам и они встретили меня, я успокоилась. Оттуда я могла смотреть, как мое тело без души движется дальше. Тело умерло и было поглощено маленькой группой из четырех людей, которые представляли собой четыре стихии. Я спокойно смотрела на это. Мне немного не хватало

моего тела, было немного странно быть самой по себе, но больше не было ни боли, ни стресса.

Письмо Либби (заместительницы тела дяди)

После того как ты поговорил с Сесилией, ей надо было выбрать заместителей. Я помню, как она повернулась ко мне, и я подумала: «О, черт...» Она еще меня не выбрала, но я знала, что это будет. «Через что же мне придется пройти теперь?» – спрашивала я себя, но я доверяла тебе и своему опыту замещение в других расстановках, и я согласилась. Я не могу вспомнить, в каком порядке все происходило, но я помню два разных места: больница, где работал дядя Сесилии, и место, где была его смерть. Посередине мне надо было показать место, где, по моим ощущениям, его выкрали. Вместе с душой я дошла до этого места, как раз перед этим я попрощалась с членами семьи. Потом мне нужно было попрощаться с женой. Мне пришли ясные слова, по-испански. Сейчас я не помню, какие именно, но в тот момент они были очень ясные. В последнюю очередь мне нужно было попрощаться с душой. Мне нужно было, чтобы она ушла, потому что сейчас случится что-то плохое, и я не хотела, чтобы она страдала. Когда я должна была говорить с ней, вдруг возник этот ужасный крик, из глубины моего тела. Но когда она ушла, это меня больше не касалось, и я даже не помню, что с ней было дальше. Ты пошел со мной назад в страдание, держа за руку, и ты сказал, что мы пройдем через это вместе. Я уже была в оцепенении, как если бы я была под воздействием анестезии. Когда мы проходили через моменты похищения, мук и смерти, я четко ощутила разные уровни. Там было чувство, что я человек, и чувство, что я тело. Я это переживала как будто с некоторого расстояния. И еще там был этот перемалывающий звук, во всем моем существе, я слышала его, как если бы плоть отрывали от костей. У меня не было чувств, это было похоже на то, как если бы я была в мясорубке. Не было боли. Мысль об этом была ужасной – но не сам факт, не тогда. Ты был там со мной, и душа ушла, я могла это вынести. Потом там стояли четыре стихии, они ждали, и ты сказал группе: «Мы не знаем, где покоится его тело, но мы знаем, что это где-то случилось. Сейчас мы все вместе отдаем его тело в то место и просим его мягко принять». Это было похоже, как если бы я была маленьким ребенком, который приходит отдохнуть в руках матери. Я растворилась в покое.

Письмо Сесилии

Я не помню многих фактических подробностей того дня, я помню ощущение. Когда началась расстановка об исчезновении моего дяди Карлоса, я вдруг перенеслась туда и полностью присутствовала в моменте его похищения. Как если бы это был миг, когда он покинул мир и попрощался со своими близкими. Миг, когда его душа ушла и хотела

поговорить с нами. Я слышала, как его голос говорит Лоле, его жене, о том, как ему больно покидать ее, просит ее принять его любовь такой, как она была, потому что ему приходилось покидать ее за «дело» – «освобождение Чили». Я слышала, как он говорил, что это его способ любить ее и детей. Я видела, как его душа наклонилась с любовью к детям, Клаудии и Педро, целуя их на прощание и прося их понять, что только его любовь двигала им, даже когда он знал, что больше никогда их не увидит. Была ли я свидетелем голоса, который говорил за Карлоса? Я не знаю, но я помню расстановку: когда его слова прощания были произнесены, вся семья двинулась, чтобы вместе принять его любовь, чтобы принять то, что он покидает их ради спасения Чили от этого убийственного диктатора. Я видела, как они любят его, вся семья как единое существо. Все, что я могла сделать, как и сейчас, когда пишу эти строки, это всхлипнуть.

Мы не знаем, что с ним случилось после похищения. Мы не знаем, как случилось похищение. В расстановке я видела, как двое мужчин схватили его на тротуаре и затолкали в серую машину, прямо на глазах у всех на улице, при свете дня. Мы не знаем, как и когда он умер, но со слов других заключенных, кто видел его в лагере для задержанных, мы знаем, что его держали живым и мучили по крайней мере одну неделю. Мы также знаем из свидетельства военного представителя, который говорил с семьей позже, что его, возможно еще живым, выбросили в океан с вертолета. Но в расстановке я ничего этого не видела. Я только видела его *despedida* – его прощание с семьей.

После расстановки я вернулась в Чили и впервые набралась сил спросить у семьи о Карлосе. Тема его исчезновения была исключена из разговоров уже давно. Никто не хотел упоминать об этом, как будто это только усиливало боль.

Я говорила с его братом Перрин, и с его дочерью Клаудией, которой на момент его смерти было всего восемь лет. (Видишь, теперь я могу произнести «его смерть»). До этого я не могла произнести такое, как если бы это слово исчезло вместе с ним. После того, как он исчез, мы не знали как говорить об этом, как это назвать, как это сделать частью своих тел, частью нас.)

От Перрин я узнала, что Карлос знал, что его убьют, и что жена и семья много раз просили его покинуть страну, отправиться в изгнание, как сделали большинство других лидеров Сопротивления. Тех, кто остался, убили. Но он отказался, он видел свое место здесь, поддерживая дух борьбы, оставаясь живым в Чили. Когда я говорила по телефону с его дочерью, я не чувствовала огорчения в ее голосе, только любовь и восхищение отцом и его наследием, оставленным нам.

Когда я их услышала, я смогла понять, какой точной была расстановка, как точен язык, который разворачивался здесь, в этой сфере, отражая реальность, о которой я никогда ранее не слышала. Мне все еще предстоит поговорить с остальными членами семьи, но я чувствую,

что расстановка помогла исцелить чувство покинутости и предательства семьи, которое мы все ощущали.

Карлос был врачом, возлюбленным лидером, преданным организатором общины, который поддерживал общее дело: единство всех – это традиция в нашей семье уже много поколений. Его прощание с семьей, каким я его увидела в расстановке, подтвердило его любовь и преданность – то, что было ему свойственно.

Глава 13

ОБЪЯТИЯ ВИНОВНОГО

Дорогой Хаим,

как вы поживаете? Я надеюсь, у вас и Яэль все хорошо.

Несколько дней назад я вернулся из Швейцарии, где я проводил шестидневный семинар в одном центре в Эмментале. Там было 45 участников, большинство из Швейцарии, Австрии и Германии, плюс несколько человек из Голландии и один из Франции.

В последний вечер мы пели мелодию, которую я выучил во сне за несколько недель до семинара. Я положил слова молитвы «А-д-о-н-о-й сфасай тифтах у-фи йагид тһиласеха» на мелодию «Создатель, благослови мои уста, чтобы мой рот пел тебе хвалу». Мы пели слова и просто мелодию, танцевали в круге по часовой стрелке и против. И потом, когда все (включая меня) думали, что программа закончилась, я почувствовал, что что-то еще осталось в воздухе. Понаблюдав немного за этим и попробовав настроиться на то, что я почувствовал в поле, я попросил группу присоединиться ко мне в расстановочном ритуале.

Я рассказал людям о вашей презентации в Кельне в мае 2005 года, и о том, как вы представили аудитории такой образ, что с определенной точки зрения, немцы и немецкие евреи сформировали в прошлом единую систему. Я рассказал о вашем понимании многочисленных связей и о том, как эти связи были преданы, и о необходимости не забывать. Я уже не помню мои собственные слова, но я передавал ваше видение и также коротко рассказал о шаманской концепции потери и возвращения души. Если отдельный человек может потерять часть своей души, то и коллектив тоже может. И если отдельный человек может вернуть себе потерянные части своей души, как этому учит шаманская традиция, то и коллектив тоже может это сделать. Старые исторические факты исключения и убийства с определенной точки зрения можно рассмотреть как исключение и убийство той части коллективной души, которую немецкоговорящие народы образовали вместе с евреями, инвалидами, цыганами, гомосексуалистами и другими, кто принадлежал к их культуре. Мы можем рассмотреть все эти разные группы как отдельные коллективные системы, но они все же образовывали вместе большую систему, некоторый род огромного коллективного поля, в котором все они были объединены и где у каждого было свое место. С этой точки зрения, исключая и убивая какие-то из своих подгрупп, большая коллективная душа фактически

исключает и убивает часть себя. И этот коллектив никогда не будет целостным и единым, если не реинтегрирует эти потерянные части каким-то образом. Итак, в отношении этого огромного коллективного поля я воспользовался вашими словами: «забвение ведет к неполному воссоединению с забытыми, и отрицание прошлого ведет к психозам и хуже». Я не рассказывал группе о нашей встрече в Иерусалиме и нашей беседе о возможности и невозможности прощения и примирения, и я специально не использовал эти слова во время объяснения. Я не хотел направлять группу на выполнение какого-то упражнения на прощение, я только хотел исследовать тему утраты и реинтеграции в коллективной душе.

Я сказал группе, что все участники могут выбрать для себя одну из двух позиций. Первая роль – быть частью большого коллектива немецко-говорящих народов. Я повторил несколько раз и сказал очень четко, что эта роль не означает, что человек будет заместителем нациста или убийцы, однако возможно, что кто-то почувствует в этой роли связь с этими аспектами в большом коллективе. Они как группа будут просто заместителями тех, кто не был исключен, не был убит, не подвергался гонениям. Они будут заместителями людей, которые жили в тоталитарном государстве Третьего рейха, и как группа они не могли или не хотели предупредить убийства, некоторые из них думали, что это хорошая идея, другие думали, что это плохо. Они будут стоять большим полукругом и их задачей будет просто «не забывать». Если они почувствуют, что это возможно, они могут пригласить исключенных и убитых назад в систему. Я попросил их постараться дать жертвам место в сердце, независимо от того, что они будут при этом чувствовать или что будет происходить.

Другая роль, которую люди могли выбрать, – это быть заместителями тех, кого преследовали или убили. Я сказал о том, что первыми жертвами организованных массовых убийств были инвалиды, и что кроме них и евреев под прицелом оказались и многие другие: цыгане, гомосексуалисты, свидетели Иеговы и последователи других религиозных групп, политические активисты и борцы Сопротивления, жители оккупированных нацистами стран... Я сказал им, что в этой группе они могут быть заместителями любого из них, а также тех людей, которые считались политически или генетически неподходящими нацистами. Они будут стоять в группе на некотором расстоянии от открытого круга других, и обе группы будут смотреть друг на друга.

Около 30 человек решили быть частью большего немецкоговорящего коллектива, который потерял часть своей души, и около 15 решили быть разного рода «недочеловеками» (немцы считали не-арийцев недолюдьми). Я попросил людей в группе жертв петь ту мелодию, которой я научил их раньше, сказав, что хоть это и узнаваемо еврейская мелодия, в ней могли найти свой голос все, кто принадлежит к другим подгруппам. Мы не использовали еврейский текст, только мелодию без слов. Я сказал людям в этой группе, что согласно шаманскому

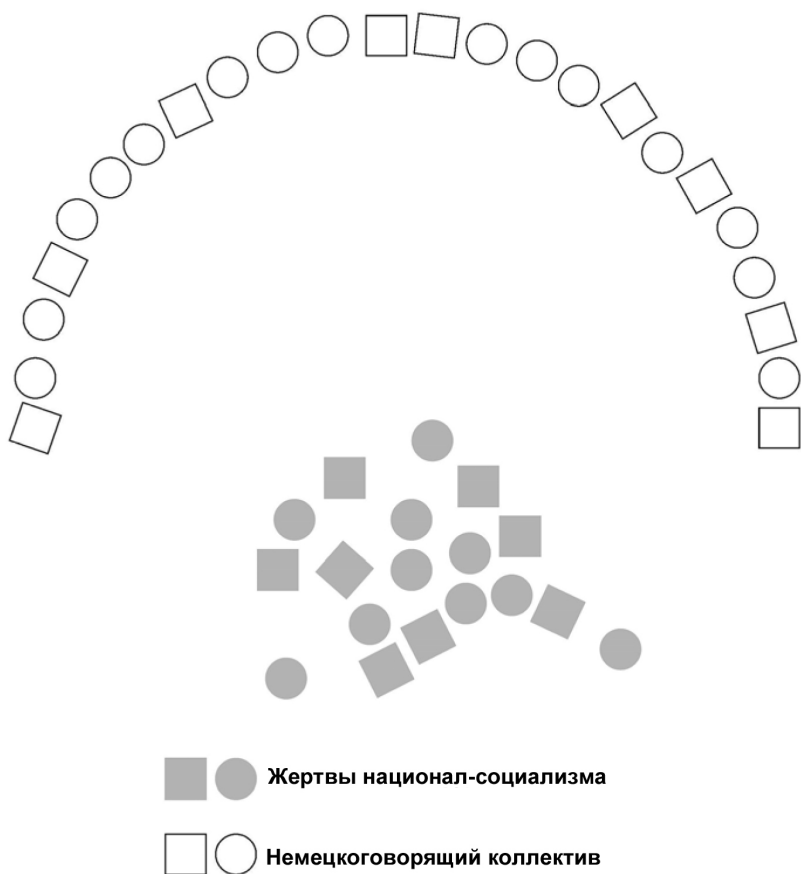

Рисунок 22

воззрению, поскольку они были изгнанными, сила и мощь души были у них. Другая группа потеряла силу, когда они их исключили и убили. Песня могла быть одновременно и выражением силы, и способом соединиться с ней. Я попросил их начать петь, а других в полукруге я попросил чувствовать потерю в их душе, и потом мы посмотрим, как все будет развиваться. Если возникнет движение – хорошо, если нет – тоже хорошо. Я попросил людей в группе жертв двигаться, только медленно и никого не оставлять сзади. То есть им можно было двигаться только с такой скоростью, с которой мог двигаться самый медленный из группы.

Мои объяснения заняли некоторое время, и сам ритуал длился примерно полчаса. Я пел и играл на барабанах, а группа жертв нача-

ла медленно двигаться в сторону круга ожидающих. Фактически они двигались назад, туда, где изначально было их место до того, как их выгнали. По мере того как две группы приближались друг к другу, люди в группе жертв постепенно рассеялись. В одном месте люди встречались и обнимались, в другом стояли друг напротив друга, неспособные приблизиться. Там была радость, была скорбь, у некоторых была в глазах любовь, у других страх, грусть, тоска, иногда ненависть. В самом конце я попросил всех встать в один большой круг, если они чувствовали, что это возможно. Мы все время пели мелодию, вы знаете, как это бывает на моих семинарах. Потом я попросил их покинуть это поле коллективной энергии и сознательно войти в реальность универсальной души, где растворяются полярности.

Там были разные люди, которые принадлежали к группам, которых преследовали и убивали во времена нацизма. Некоторые члены групп были еврейского происхождения, имели какую-то инвалидность, были геями или лесбиянками, или были мишенью по другим причинам. Другие происходили из семей нацистов или коллаборационистов. Все это, в сочетании с тем, что мы сблизились во время совместной работы в течение пяти дней и создали атмосферу взаимного доверия, сделало этот опыт особенно интенсивным переживанием для многих. Я попросил людей написать мне письма об их переживаниях, чтобы я мог больше узнать о том, что с ними произошло, и каждое письмо было потрясающим.

Для нескольких старших участников этот ритуал имел прямое отношение к их личной истории. Когда на следующий день после этой совместной работы мы прощались, одна из них принесла большую плитку шоколада в зал и сказала короткую речь. Она обратилась к вашим словам и к своей собственной жизни и сказала о том, что этот ритуал был для нее в некотором смысле повторным рождением в системе, которая исключила ее, с момента рождения вытолкнула ее вон. Она попросила каждого из нас взять по кусочку шоколада, когда мы будем уходить, и принять его в знак ее благодарности за этот большой шаг. Я сказал ей, что возьму два кусочка, одни себе и один вам, и что передам его вам, когда мы увидимся в следующий раз. И я действительно взял два кусочка, но я должен сознаться, что я съел оба, свой и ваш. Я вам куплю новую шоколадку.

*С наилучшими пожеланиями
из серого и холодного Амстердама,
Даан*

Дорогой Даан,

Я тронут и чувствую себя наполненным от того, что что-то мое, что-то из того, что я представляю, что идет через меня, принесло пользу и оказало поддержку.

В древние времена подношения, а также подношения благодарности, сжигались в храмах, но иногда священник мог съесть что-то сам. Иногда вся семья вместе ест подношение, как ягненка на Песах. В

данном случае священник, исполнявший служение, съел мой шоколад, и мне другой не нужен.

Могу ли я увидеть некоторые из тех писем, что тебе приходят?

Хаим

Дорогой Хаим,

я получил более 30 писем от участников ритуала. Хотя в каждом из них содержатся завораживающие различия, они все описывают несколько базовых паттернов: сочетание страха, сопротивления и тоски в группе заместителей жертв и иногда отказ снова интегрироваться в коллектив. В группе немецкоговорящего коллектива имели место чувства печали, тоски, изоляции, стыда и вины, но также любовь, сила и храбрость. Несколько человек почувствовали связь с энергией реального агрессора, и они описывают жесткость, превосходство и ненависть, и если они в состоянии были оставаться в этом пространстве, в конце – огромную боль и тоску. Я шлю вам выборку из писем, чтобы вы могли почитать обо всех этих разных переживаниях участников.

Ваи Даан

Письмо 1 – от заместителя жертвы

Я решила быть частью группы евреев. Имела ли я право? Достаточно ли сделали мои родители, чтобы помочь в эти трудные годы? Перед войной мой отец вместе с пятью коллегами направил открытое письмо министру иностранных дел, в котором они просили его позволить большому количеству евреев приехать в Голландию. Моя мать в последние полгода войны приняла в дом женщину-еврейку и ее маленького сына, помимо голландской семьи с четырьмя детьми, у которых немцы забрали дом. Ее могли бы убить за это, если бы на нас донесли.

Мы медленно двигались в полуоткрытый круг. Евреи напоминали мне зверей в ловушке. Вдруг я обернулась. Куда идти? Я чувствовала себя старым раввином с длинной бородой и одновременно молодой девушкой. Недоверие.

Я была сзади группы, и люди спереди остановились, чтобы посмотреть на нас – тех, кто идет медленно. Я подумала: «Мы пришли сюда, чтобы встретиться, поэтому так мы и сделаем». Я прошла мимо них, посмотрела вокруг, в поисках кого-то, с кем я могла бы войти в контакт. Я увидела свою соседку по комнате, наполовину немку, она стояла со слезами в глазах. Она потянулась ко мне. «Нет, это должно исходить от нас», – сказала я. Я прикоснулась к ней, сначала сомневаясь, а потом я положила голову ей на плечо. Я притянула женщину, которая стояла в круге рядом с ней и выглядела несколько потерянной. Мы втроем держались за руки. Это было как будто мы соседи, которые иногда думают, что другие немного странные, но все же все понимают, что принадлежат одному обществу.

В последующие дни после ритуала я чувствовала сильную усталость. Как быть с виной голландцев? Можно ли сделать ритуал для прощения? Я читала «Отче наш» несколько раз, с этими мыслями в голове. Только теперь я понимаю, как трудно это все должно быть для молодых немцев.

Письмо 2 – от заместителя жертвы

Я чувствовал, что я был одним из немцев, которые были заперты в лагерях, потому что они сопротивлялись политическому развитию, которое привело к бесчеловечной системе Третьего рейха. В начале я чувствовал себя отдельно от других в группе, где я стоял. Я чувствовал, что немного завидую им, потому что мне казалось, будто они принадлежат к четко определенной группе. И я был счастлив, что рядом со мной встал мужчина, я мог держать его за руку. Мы начали двигаться очень медленно. Мы держались близко друг к другу, чтобы не потерять ощущение тепла, и нежное чувство принадлежности росло между нами из-за нашей разделенной судьбы. В это чувство принадлежности я мог постепенно включить всех остальных, кто двигался вместе с нами.

Я не знал, куда мы идем. Мне было очень страшно. Если бы я был один, я бы не смог двигаться; я мог двигаться к неизвестному впереди, только если я мог оставаться невидимым, спрятанным. Где-то на середине этого путешествия я пересек какую-то границу, и меня сразу же охватила огромная боль и скорбь от того, что я отделен, и в то же время я чувствовал, что я принадлежу. Только тогда я начал чувствовать, куда мы направляемся.

В какой-то момент я заметил, что часть моей группы интегрировалась назад, в большую группу, и там их принимали с любовью. Меня разрывало между страхом быть исключенным и что надо мной будут смеяться в группе ожидающих, и жаждой позволить себе чувствовать, что я принадлежу к ним. Я знал, что мы, маленькая подгруппа, должны медленно раствориться в большем поле. В какой-то момент мужчина перестал двигаться, и мной овладело нетерпение. Моя жажда вернуться в круг ожидающих людей была очень сильной. Но потом я начал чувствовать огромную благодарность к этому мужчине, рядом с которым я шел по этому длинному пути, так тесно связанный с ним. Я бы никогда не смог проделать этот путь в одиночку, и я понял, что нужно много времени, чтобы вернуться. Я знал, что я никогда не оставляю его одного. Я также знал, что даже если мы еще не можем полностью вернуться в круг, там есть место для нас, оно ждет нас.

Когда в конце ритуала мы все вместе, наконец, вышли из поля коллективной души и вошли в универсальную душу, в более широкий круг, я почувствовал, что у каждого есть место в кругу, независимо от происхождения. Я покинул круг с глубоким чувством общности.

Письмо 3 – от заместителя жертвы

Во время ритуала я была удивительно расслабленной и могла быть свидетелем процесса исцеления. Я видела, что другие заместители ужасно рыдают, но сама не проваливалась в хорошо известные мне глубокие раны моей собственной семейной истории. Я могла смотреть, как они плачут, и у меня были силы, чтобы молиться в это время, было «видение всех нас вместе как жертв и агрессоров».

Одна из женщин, которая принимала участие в ритуале, на самом деле родилась в семье нацистов. В упражнениях ранее я видела, что она действительно молилась о помощи и исцелении, потому что она сама страдала от проблем, подобных проблемам моей семьи, но как бы с другой стороны. Удивительно, что в ритуале она была заместителем в группе жертв. И во время нашего медленного марша она очень сильно плакала, как если бы она всегда была на стороне жертв или евреев. Мне очень помогло то, что я видела это, потому что у меня было чувство: «Теперь ты по-настоящему можешь это почувствовать». Было важно, что она сама выбрала эту роль. Для меня это было очень сильно и очень особенно, после этого я чувствовала себя очень ослабленно и испытывала сильное чувство изумления в сердце.

Письмо 4 – от заместителя жертвы

Мне вообще не хотелось участвовать в еще одной работе, в конце дня я хотел только в сауну. Я чувствовал стыд, раздражение и ярость. Это было впервые – что я разозлился на тебя. Я хотел остановить всю эту штуку, независимо от того, как соблазнительно будет твое пение и твой барабан, я твердо намеревался остаться сидеть на своем стуле. Я все сильнее и сильнее злился на тебя и на евреев, и я хотел, чтоб ты оставил меня в покое. Чем больше ты говорил о евреях, тем болезненнее это становилось, и (возможно, как выход из положения) я начал идентифицироваться с борцами Сопротивления, коммунистами и социал-демократами. Но когда ты сказал и про них, про инвалидов, цыган и гомосексуалистов – тогда все образы смешались. Я больше не мог оставаться на своем стуле, встал и присоединился к группе исключенных.

Кто-то в группе взял меня за руку, и я мгновенно стал маленьким еврейским мальчиком, которого разлучили с родителями, держащимся за руку сестры, когда они входят в концентрационный лагерь. Когда я почувствовал ее руку и ее всхлипывания, остатки моего сопротивления рассыпались. Мы держались друг за друга, как если бы мы были последними живыми существами в этом мире. В последний раз я так плакал, когда я по-настоящему понял, что жена ушла от меня. Для таких чувств нет слов, и в конце есть только сомнение, беспомощность и смерть.

Пока мы медленно двигались к большему кругу, в моей голове пробегали всевозможные образы, и в итоге у меня осталось чувство двойной идентичности. С одной стороны, я был маленьким мальчиком лет восьми, с другой стороны, я был агрессивным, полным ненависти взрослым мужчиной-евреем, который хотел защищаться изо всех сил и убить всех, кто за ним гнался. В своих фантазиях я задушил нациста голыми руками. Эти две идентичности менялись во мне каждые несколько секунд, обе ужасные, и было хорошо чувствовать, что меня физически держат несколько человек одновременно.

Хотя мы вошли в круг преследователей, я не мог контактировать с ними. Я подумал: «Невозможно, чтобы я примирился с ними, я и не хочу идти к ним». Но я мог позволить женщине, которую я ощущал как свою сестру, взять за руку одного из них, так же, как сделала женщина по другую сторону от меня. И все же я не хотел установить контакт глазами или прикоснуться к людям из внешнего круга. Я думал об этом, но не мог заставить себя отпустить руку сестры и вернуться в середину круга, где я был бы на максимальном расстоянии от агрессоров. И каким-то образом (непрямой) контакт казался мне правильным – и было также правильно сохранять дистанцию. «Я не буду облегчать вам это! Око за око, зуб за зуб – вам придется страдать так же, как пришлось страдать нам! Я вас ненавижу и буду ненавидеть всегда. Я плюну на руку, протянутую мне». Мысли такого рода метались у меня в голове. И в то же время было хорошо, что сестра держит за руки людей из внешнего круга. Что-то между мной и тем кругом могло двигаться таким образом. Было хорошо, когда мы в конце встали в большой круг, но мне все еще нужно было отделяться, стоя на один шаг дальше, и я все еще не хотел прямо смотреть или прикасаться к ним.

Когда в конце ритуала круг растворился, я почувствовал усталость и пустоту. Это был чудесный подарок, когда ты подошел ко мне и обнял меня. Я чувствовал, что ты видел меня и что все мои чувства о тебе, евреях, агрессорах и всех остальных во внешнем круге и мое отвержение их были поняты и приняты. В этих объятиях я почувствовал примирение, и когда мы разделились, мне стало легче, и я снова обрел себя.

Письмо 5 – от заместителя немецкоговорящего коллектива

Я чувствовала себя очень сильно заземленной, и я не могла отвести взгляд от пола, у меня было чувство, что сейчас земля поглотит меня. Через некоторое время я смотрела на группу, которая медленно приближается к нам, и вдруг я почувствовала, что мне действительно стыдно. Я не могла отвести взгляд от одной женщины, для меня она была всеми австрийскими детьми, которые умерли в концентрационных лагерях во время нацистского режима. Она смотрела на меня с состраданием, и мы очень медленно двигались друг к другу, у нас был очень сильный контакт душ. Потом мы стояли друг напротив друга и я видела, какой беспомощной она была. Я сливалась с сущностью всех потерянных детей, я пыталась принести ее из тьмы в свое сердце. Мои слезы смешивались с твердым коконом, окружавшим эту женщину, но у меня было чувство, будто она слишком много плакала в своей жизни, поэтому у нее уже не осталось слез. Благодаря этим слезам я чувствовала, что появляется маленький мостик над той глубокой пропастью, которая лежит между нами. Это было похоже на то, что все потерянные и отвергнутые части души возвращаются из глубокого, темного моря печали, а мы стоим на берегу и приветствуем их.

Письмо 6 – от заместителя немецкоговорящего коллектива

Я чувствовал сильный страх, грусть, сдержанность и скептицизм в группе отвергнутых. Когда я был в той роли, что была у меня в приглашающем круге, я думал, что у меня появилась возможность пригласить всех тех, кого я не мог пригласить в свою жизнь и в свое сердце до этого момента. Так что это была очень мощная работа и с моей личной историей тоже. Но мне было легко сохранять видение ситуации в целом.

Ко мне медленно все ближе и ближе подходила женщина, как мне показалось, с большим страхом и агрессией в широко раскрытых глазах, она больше кричала, чем пела. Она напомнила мне ребенка, который кусается, кричит и брыкается, но глубоко внутри он жаждет больших теплых объятий. Ты знаешь, что я имею в виду? Поэтому я пел только для нее и все время сохранял контакт глазами, пел мягко, но сильно. Наша объединенная песня стала радостной. Я почувствовал много любви и понимания к ее положению и чувствам, и я пел каждое слово как приглашение. И так она подходила все ближе и ближе, пока не взяла меня за руку и не вошла в наш круг. Это было похоже на возвращение, необходимое для целостности.

Письмо 7 – от заместителя немецкоговорящего коллектива

Для меня эта вечерняя работа в четверг началась уже после обеда. Я был агрессивен настроен против тебя, Даан. Я не мог это объяснить и не знал, как с этим быть. Когда ты шутил, мне было весело и я много смеялся, но потом ты начал действовать мне на нервы все больше и больше, потому что казалось, что ты не собираешься останавливаться. Сначала мне очень понравилась песня «А-д-о-н-о-й», я относительно легко мог петь слова на иврите. Но когда мы начали танцевать в кругах, мне показалось, что это никогда не закончится – я уже не хотел петь еврейские песни. В голову приходили мысли типа: «Зачем он так сильно выпячивается?», «Неужели он думает, что только еврейские песни имеют целительную силу» и так далее. Мне даже не нравилась твоя шапочка. Это было ужасно, потому что на самом деле ты мне действительно нравишься, и я очень ценю твою работу, и я не знал, что делать с этими чувствами. Я не мог понять, откуда они приходят, настолько ошеломляя меня. Сейчас, оглядываясь назад, я думаю, что эта агрессивная энергия разделения уже каким-то образом оказалась в зале за несколько часов до того, как мы начали в тот вечер эту неожиданную работу.

Я стоял в роли швейцарского народа во время войны, и для меня это было очень болезненно. Все негативные утверждения, которые я слышал в своей семье о евреях, вернулись. Официально, конечно же, наша семья «ничего не имела против евреев...» Я чувствовал всю боль, которую мы причинили, как если бы я лично ее причинил, хотя во время войны мне было меньше чем шесть лет. И когда исключенная группа пришла назад, я боялся, что они не поверят нам и не осмелятся вновь соединиться с нами. Я был очень тронут, когда в конце концов они сде-

лали это медленно, медленно – я плакал и плакал, внутри и снаружи. Когда они интегрировались в наш круг, рука об руку с нами, это было очень трогательно и очень утешительно, но все еще очень болезненно.

Письмо 8 – от заместителя немецкоговорящего коллектива

Как раз перед началом ритуала, когда мы пели еврейскую песню в двух кругах, мне пришлось смеяться и смеяться, я не могла остановиться, это было как истерический приступ. Тогда я решила, что буду заместителем людей, которые потеряли часть своей души, и стояла рука об руку с другими немцами или немецкоговорящими, ожидая тех, кто мог вернуться к нам. Когда я почувствовала, что к нам движется группа людей, я почувствовала панику и беспокойство. Моей реакцией было с силой схватить за руки соседей справа и слева, чтобы убедиться, что я не буду одна. Я приготовилась стоять со всей ответственностью, но одна женщина рыдала так громко и так тяжело, что я просто не могла выносить ее. Я не хотела, чтоб она приближалась ко мне, это было слишком. Итак, я чувствовала некоторый вызов, в моей голове крутились слова типа «она истеричка...» Во время этой части работы я не могла петь. Потом ко мне приближалась еще одна возвращающаяся женщина, у нее в глазах были любовь и скорбь и некоторая мудрость, и она приближалась очень медленно, утонченными движениями; сначала она очень легко прикоснулась пальцами. Потом она стояла напротив меня, не касаясь напрямую, и без звуков, молча. Говорили только ее глаза. Теперь мой вызов ушел, и я почувствовала очень сильную потребность петь эту еврейскую песню вместе с ней. Сначала это было похоже на двух хриплых воронов, но продолжая петь вместе, мы нашли хорошее звучание. Это было как настройка инструмента. Без этой песни я была безмолвной и застывшей. Эта песня создала мост, возможность диалога и некоторое расслабление. Когда женщина оказалась дома в нашем круге, я заметила, что мои мышцы очень напряжены – сначала вся шея, а потом глубоко в спине, вокруг позвоночника. Я чувствовала себя как после очень тяжелой физической работы.

Письмо 9 – от заместителя немецкоговорящего коллектива

Всю неделю я записывала что-то о разных аспектах работы, которую мы делали, кроме этого последнего ритуала. Я только записала цитату профессора Дасберга, и дальше была пустая страница. Я планировала так это и оставить, но потом я вдруг поняла, что это именно то, что делают немцы, что делает моя немецкая семья. Пустая страница, дыра в их истории, дыра в их душе. В ритуале я стояла как часть большей немецкой души, которая ждет в большом полукруге. Потерянные начали осторожно двигаться вперед, и у меня по позвоночнику и по всему телу пробежал холодок. Это было как старый фильм, что-то знакомое, и мне становилось все более и более грустно. Одна из потерянных стояла передо мной. Я хотела прикоснуться к ней, но мне не

было позволено. Пришла очень сильная грусть, из глубины. Прошло очень много времени, прежде чем она коснулась меня. Эта потерянная женщина двинулась дальше, и моя грусть становилась все глубже и глубже. Потом она вернулась и утешила меня, положив руку на мое сердце. Роли перевернулись, ведь это я должна была утешать ее, а теперь она утешает меня. Кто же тогда потерял, если я чувствовала эту глубокую грусть?

Письмо 10 – от заместителя немецкоговорящего коллектива

Когда пришло время вставать, мне было ясно, что я должна стоять в коллективной немецкой душе, которая потеряла свою часть во времена Третьего рейха. Когда я стояла там с другими, у меня не было никаких эмоций, и я думала: «Мы (народ немецкой души) выглядим сильнее и здоровее. Мы такие красивые. Мы сможем сделать это». И глядя на людей, которых мы потеряли, я воспринимала их как слабых, больных и беспомощных. Они мне казались очень странными и ненормальными. Хоть я и была шокирована такими мыслями, я не видела способа изменить их, мое сердце просто было закрыто.

Когда люди начали идти, я была очень удивлена и впечатлена тем, что у них была храбрость идти к нам. Когда первые начали плакать и устанавливать контакт, медленно-медленно росло мое желание, чтобы один из них установил контакт со мной. Я почувствовала освобождение, когда один мужчина подошел и установил контакт с моим соседом, и через некоторое время взял мою руку, чтобы войти в круг. Потом вперед шагнула женщина, и я приняла ее в объятия и держала очень долго. Мое сердце открывалось все больше и больше, пока я обнимала и утешала ее. Потом она взяла меня за руку и тоже стала частью круга.

Стоя там, я вдруг поняла, что то, что происходит, было реально, что это происходило в прошлом и все еще происходит сегодня. Это было не упражнение на семинаре. Я участвовала во многих расстановках и ритуалах, и невозможно словами описать, как глубоко меня тронуло это осознание. Когда я стояла там, в круге, который к тому времени уже был смешанным, я держалась за руки, и из меня вдруг вырвался взрыв боли и слез. Это было похоже на таяние и падение в черную бесконечную пустоту. Это было очень-очень сильно и пугающе. У меня было чувство, что я могу оставаться там только потому, что это уже было не на личном уровне. Два человека подошли ко мне и держали мое тело, спереди и сзади, и меня держали со всех сторон: двое в круге держали меня за руки, а двое других держали мое тело. Чувствовать их было так целительно, и я медленно-медленно вернулась в мирное молчаливое место. Через большой промежуток времени я смогла вернуться и посмотреть на всех нас, стоящих вместе в одном круге. Я чувствовала целостность, не было разницы между людьми, которые принадлежали к двум группам. Все были частью круга.

Письмо 11 – от заместителя немецкоговорящего коллектива

Значительная часть того, что произошло, имеет отношение к тому настроению, в котором я находилась, прежде чем ты предложил расставание. Я чувствовала себя расслабленно, у меня было чувство близости с людьми, я чувствовала себя связанной с духами, с группой, с собой, очень хорошо в теле, мне ничего не было нужно. Когда ты предложил сделать что-то, чтобы вернуть потерянную часть коллективной души, у меня не было сопротивления. Я просто встала и не думая пошла в круг, который будет принимать потерянную часть. Как только я встала там, все очень сильно изменилось. Увидев людей, стоящих в группе напротив нас, я вдруг почувствовала сильную агрессию. У меня были мысли типа «Я не хочу видеть их, я их ненавижу, мне нечего с ними делать, пойду я лучше сяду». Я разозлилась на тебя. Когда они подошли ближе, мое сопротивление смотреть и искушение сбежать из комнаты были очень сильны. Предки сзади меня помогли мне остаться. Я думаю, что я смогла оставаться на месте только благодаря той работе, которую мы проделали в группе в предшествующие дни. В какой-то момент у меня была мысль, что я могла бы застрелить жертв, всех до единого, если они сделают еще хоть один шаг в мою сторону. Я чувствовала, что если они подойдут ближе, то моя боль станет невыносимой. Потом был один поворотный момент, и вся моя боль взорвалась. Я начала рыдать, и я могла видеть каждого из них отдельно, я видела, как они помогают друг другу. И я чувствовала себя все более и более одиноко, в абсолютном одиночестве. Все это время у меня не было связи с людьми рядом со мной, я даже не понимала, что они там вообще есть. Я не помню, держались ли мы за руки, я не помню, пел ли ты. Я была сосредоточена на жертвах, я сильно надеялась, что одна из них подойдет ко мне, и я не знала, хотела ли я обнять ее или чтобы она обняла меня. Когда мы наконец обнялись, это было большое облегчение для меня, но я по-прежнему не чувствовала связи с другими агрессорами, я чувствовала, что я не принадлежу никому. Это было мощное переживание.

Письмо 12 – от заместителя немецкоговорящего коллектива

Мой отец был на принудительных работах в концентрационном лагере в восточной части Германии. Когда он вернулся домой после освобождения, то не было никого, кто мог поприветствовать его и помочь ему справиться со всем. Моя бабушка умерла, и я каким-то образом заняла место матери моего отца, пытаюсь позаботиться о нем и о том, что ему нужно. Во время ритуала я почувствовала, как тяжело принимать назад людей, которые представляли потерянную часть души. Я могла чувствовать только эту огромную злость, свои детские чувства, и я чувствовала, что меня призывают выполнить задачу, слишком большую для меня. И она действительно была слишком большой для меня, пока я была маленькой. Я думаю, что я должна отпустить жертв, и это не простая задача, это будет занимать меня еще некоторое время.

После ритуала я свалилась и сильно плакала какое-то время. Когда я вернулась домой после семинара, у меня был жар, который длился пять дней. Но когда он закончился, я обнаружила, что ушла значительная часть моей хронической боли в костях и мышцах.

Дорогой Даан,

Меня потрясло то, что некоторые люди связали ритуал с частными событиями, чем-то печальным в их собственной жизни. Это придает ему больше аутентичности. В отношении национальной травмы, или даже наоборот – через общее прошлое войти заново в личное поле и завершить его. Это еще лучше.

Ты знаешь об индейской ритуальной бане. Все мужчины собирались на несколько дней вместе с вернувшимися воинами (из Вьетнама в этом случае), и через ритуал убийцы принимались обратно в племя. В то же время немецкие убийцы никогда не были приняты назад в свое собственное племя. В честь убийц, которые принадлежат к победителям, по крайней мере устраивают парады, и так их принимают назад. Может быть, немцы должны встретиться с немцами. Может, нам для начала надо бы оставить несчастных евреев вне этого. Наша задача в немецкой истории уже закончилась, в любом случае.

Многие немцы потеряли свои души, присоединившись к силам зла. И тем, что проиграли войну своего отечества. И они должны быть приняты назад немцами и должны быть освобождены от своего поражения в войне, или в первую очередь от того, что они были убийцами. Могут ли немцы простить различные группы внутри себя – проигравших и бывших сверхчеловеков (слово, которые немцы использовали, чтобы подчеркнуть, что сами они – «высшие люди»), которые по-прежнему исключены? Могут ли сами немцы принять их назад? И какое отношение к этому имеем мы – евреи, цыгане, геи и так далее?

Другой аспект такой: исключенные травмированы, но может быть, они тоже должны попробовать посмотреть, могут ли они принять немцев (и поляков, и так далее) назад в свою душу. Не только одни нацисты и их сообщники потеряли часть своей души.

Души различных племен были повреждены: кто должен прощать, а кто должен быть прощенным? Кто кого назад принимает в свою душу? Не предопределил ли ты пьесу, разделив и описав роли слишком рано? Это только вопрос, а не критика, нет-нет.

Хаим.

Дорогой Хаим,

Да, я ограничил расстановку, структурируя ее и называя эти две позиции. Мы не можем знать, была ли моя расстановка правильной, я просто использовал единственный образ, который, по моему чувству, был необходим группе тогда: немецкая душа, которая утратила часть своей души через потерю людей, которые были ее жертвами. Было интересно увидеть, что некоторые заместители жертв делали одно из движений, которое вы описываете: они принимали других назад в свое сердце и свою душу.

Ваши слова поднимают вопросы, которые я задаю себе в течение уже некоторого времени. Что именно нужно интегрировать назад в поле коллективной души немцев? Недавно немецкое общество начало более открыто горевать о своих собственных потерях. Например, травма бомбардировки Дрездена получила больше места в сознании общества, и чувства утраты, злости и скорби получили место в средствах массовой информации. Ужасы, которые случились, когда советские «освободители» прошли по немецкой территории, теперь также описываются более открыто. Раньше это было практически невозможно. Чувство вины было слишком велико, и оно не могло сосуществовать со скорбью по огромному количеству немецких жертв. Таким образом, что-то интегрируется в реальность жертв и страдания. Но это не целостная работа, это только одна ее сторона.

И я думаю, что еще мало общих усилий было предпринято в отношении настоящей интеграции нацистов. Я говорю о культуре в целом, не о тех отдельных людях, с которыми я встречался и которые делают эту смелую работу по встрече с энергией агрессоров того времени. После войны некоторые нацисты были посажены в тюрьму, некоторые получили смертный приговор. Большинство же просто снова заняли свои места в обществе. Был ли процесс де-нацификации таким же эффективным, как ритуальная паровая баня в культуре американских индейцев? Скорее всего нет. Получить снова место в обществе – это не то же самое, что позаботиться о душе и интегрировать прошлое. Что-то остается незавершенным. Не справедливо ли это для всех культур, которые пытаются жить дальше после прошлого, наполненного ужасами? Может быть, мы должны восхититься тем, как много попыток посмотреть на это было предпринято в Германии? Первое немецкое правительство в Федеративной Республике Германии часто демонстрировало по-настоящему ответственное отношение в этих вопросах и не отворачивалось от необходимости что-то делать с прошлым. И все же в масштабах масс, на массовом уровне работа остается незавершенной. Может быть, это и невозможно.

Это вопрос, который задаете и вы и который постепенно формировался в моем уме: что должно быть сделано в отношении Третьего рейха самими немцами, и что можно сделать в смешанных группах? Могут ли или должны ли присутствовать не-немцы, когда делаются попытки интегрировать убийственное прошлое нацистов в систему? Это дело народа, что-то мощное и очень сложное.

И конечно же, не только Германия стоит перед этим вызовом. В Голландии у нас есть наши собственные убийцы и мучители, чьи действия все еще не приняты коллективом. У нас есть работоторговцы 17 и 18 веков. Мы колонизировали целые части мира, часто с безжалостной жестокостью. В Суринаме владельцы плантаций имели репутацию самых жестоких во всем Карибском регионе. В 2002 году в Амстердаме был установлен памятник, чтобы почтить память о рабстве, – первый памятник такого рода. Его открытие было катастрофой. Там была аудитория избранных гостей, в большинстве белые, в то время как

большую группу черных, в действительности являющихся потомками рабов, держали за забором. Были беспорядки. Черные были в ярости, потому что они чувствовали, что у них забрали этот памятник. Все действо было иллюстрацией того факта, что мы в Голландии вообще только начинаем смотреть на эти времена и что у правительства нет достаточной чувствительности, чтобы сделать это нормальным образом.

Но если бы мы начали эту работу с прошлым по-настоящему, коллективно? Было бы уместно, если ли бы нам в этом помогали люди из других культур? Или кто-то из другого места? Может быть, на некоторое время, чтобы помочь нам начать. Кто-то извне может привнести нейтральное видение, открыть двери, которые оставались закрытыми. Но настоящую работу нам предстоит выполнить самостоятельно, частично в смешанных группах белых, черных и азиатов, частично только в нашей собственной группе.

Я должен задать себе тот же вопрос в отношении наследия Третьего рейха в Германии. Уместно ли, что я, с одной стороны – гражданин Голландии, с другой стороны – еврей, помогаю людям встретиться со своими дедушками и бабушками-нацистами? Часть этой работы, очевидно, мы должны сделать вместе. Но другую часть нам нужно делать порознь. Я чувствую, что здесь я исследую границы своей работы, пытаюсь определить области, где я могу идти дальше, а где я должен отступить.

Некоторое время назад я проводил группу во Франкфурте. Больше чем половина участников, которые просили об индивидуальной работе, говорили об общем чувстве вины, часто не имеющем прямой (известной или прослеживаемой) причины. Так как это была настолько общая тема, мне пришла в голову идея поработать с ней в совместном ритуале. Я разделил зал на три части, три зоны, расположенные рядом. Зона справа была зоной нацистов, агрессоров и просто «тех, кто виноват» в немецком коллективном поле. Мы взяли несколько камней из сада и положили их туда: они символизировали их жертв. Зона с левой стороны комнаты была местом для душевных качеств, которые были потеряны через вину. Я предложил некоторые примеры, когда солдаты чувствуют потерю души после самого первого убийства, как будто в них самих что-то уходит или умирает в этот момент. Я объяснил, что если войти в нелинейное измерение времени, то все еще можно войти в контакт с этими качествами. Зона посередине была местом для позиции свидетеля, где они могли видеть и виновных членов общины с одной стороны, и то, что было потеряно, с другой стороны.

Используя образ колеса душ, зона посередине была местом универсальной души, где все воспринимается без суждения, где все мирно и целостно. Внешние зоны были различными областями коллективной души, труднодоступные сейчас в немецкой культуре: нацисты, которых подавляли, и качества души, которые были частично потеряны.

Я попросил участников вставать на эти места, как если бы они входили в расстановку, чтобы они могли прочувствовать позицию виновных и

чтобы они также смогли замещать потерянные качества, чувствуя их в теле. Целью этого ритуала было дать людям возможность узнать настоящее место той неясной вины, которая вмешивается в их жизни. Я хотел, чтобы они смогли найти то место, где зарождается общее коллективное чувство вины, чтобы его можно было оставить там, куда оно принадлежит. В момент, когда это проясняется, можно начать отделяться от него. В этом ритуале работа по отделению от вины могла быть сделана с помощью перехода в поле свидетеля. В зоне потерянных качеств души, недоступных тем, кто действительно был виновен, участники могли понять, что они сами не несут вину за действия своих предков, и поэтому они могли осознанно открыться и впитать что-то хорошее и целостное.

<p>Место где восстанавливаются (через вину) потерянные качества души</p>	<p>Место свидетельствования</p>	<p>Место тех, кто действительно виноват</p>
---	--	--

Рисунок 23

Я заметил, что очень мало людей стояло на месте заместителей отдельных агрессоров. Участники входили в зону виновных на некоторое время, но там они по большей части интересовались камнями, представляющими жертв, с заботой и печалью. И это не то, что обычно с легкостью делают заместители нацистов. Им обычно недостает чувства эмпатии, обычно они жесткие и отстраненные. Было похоже, что когда мы пытались работать с невоплощенной виной во Франкфурте, большинство людей были не способны взять на себя роль агрессора, даже на короткое время, чтобы получить определенный опыт того, откуда происходит вина. Должно быть, это было слишком рискованно.

В своем трогательном очерке «“Виновен!” Мысли о моем собственном прошлом» , Гуннар фон Шлиппе, который в нацистские времена был молодым солдатом на Востоке, принимает и личную, и коллективную вину. В своем скрупулезно честном исследовании в форме писем к своему собственному сыну он описывает, как трудно это сделать и ему самому, и другим: «В обществе, где вине не позволено существовать, фактическое признание вины является угрозой для жизни, угрозой непреодолимой, и значит – остракизм, смерть».

Ясно, что моя попытка провести ритуал, чтобы дать место действительно виновным, была слишком прямой. Группе пришлось избегать конфронтации, и в качестве решения она придумала дополнительную роль, которой не было в моих инструкциях: роль «заботящегося о жертвах». Таким образом, в этом ритуале было, скорее, движение прочь от конкретных агрессоров и их не интегрированной вины. Насколько я могу интерпретировать это, это означает, что нацистов по-прежнему исключают. Для них все еще нет места, – отсюда и эти туманные чувства вины, этот коллективный симптом. Если у вины нет настоящего места, то она начинает просто плавать вокруг. Если люди не могут интегрировать тот факт, что их собственный любящий дедушка был убийцей, то мы должны спросить: куда девается вина?

Остается вопрос: должны ли я и другие, кто не принадлежит к немецкой культуре, помогать интегрировать эту вину? И нужны ли нам в Голландии немцы, американцы или ганцы, когда мы начинаем смотреть на наследие рабства?

В ритуале в Швейцарии, который я описал вам вначале, были другие установки, там я не просил людей быть заместителями нацистов. Я предложил, чтобы они вместе встали как целое поле немецкоговорящего коллектива. В этом поле могли проявиться или не проявиться нацисты-агрессоры, – и действительно, холодная и надменная энергия агрессоров проявила себя в некоторых заместителях, которые ждали возвращения жертв. Фактически эта конкретная энергия уже парила в комнате, как странный туман, за несколько часов до того, как мы начали расстановку. Я почувствовал ее, и мне нужно было отреагировать на это. Некоторые люди упоминают раздражение, которое они начали чувствовать при проявлении малейших признаков чего-либо еврейского в тот вечер. Очевидно, что еврейская песня была триггером для ответа из поля.

Злость, которую чувствовали некоторые, была защитой от болезненных чувств, которые начали подниматься, чувств, связанных с глубокой болью и виной. Это стало ясно, когда у них появилось мужество, чтобы оставаться в этом некомфортном месте. Это процесс оттаивания после длительного глубокого замерзания, и очевидно, что это очень болезненный процесс. У некоторых людей ушли все силы на то, чтобы выдержать это в ожидании оттепели. Вероятно, это стало возможно в Швейцарии, поскольку мы уже провели вместе пять дней, и это была группа, куда могли записаться только участники, которые уже ранее были на моих группах по крайней мере однажды. Во Франкфурте люди едва были знакомы друг с другом.

Кстати, слова «прощение», «примирение» и т.п. кажутся все более и более неуместными в контексте этих огромных коллективных полей. Мне больше всего нравится слово на иврите ашлама, потому что оно означает и «примирение», и – более того – «завершение». Ведь в такой работе мы все вместе пытаемся найти путь к завершению чего-то незаконченного.

Даан

Глава 14

МОЛИТВЫ О РАЗБИТЫХ КАМНЯХ

За последние два месяца я редко бывал дома больше чем пару дней подряд. Ряд семинаров, конференций, ретритов и визитов к друзьям за границу держали меня в дороге, за много недель я провел больше времени в самолетах, чем на своем велосипеде. Для человека из Амстердама, города велосипедов, это очень необычно!

Сегодня я приехал в Прагу, и это будет последняя остановка в этой серии путешествий. Кажется, есть такая поговорка, что-то вроде того, что последние маленькие части проектов всегда самые трудные и забирают больше всего энергии? По прибытии я не могу представить, как я справлюсь с днями, которые мне предстоит провести здесь.

Мне дали комнату в гостинице университета, это то место, где будет проходить конференция, на которой я буду выступать. Пока я несу чемодан в свою комнату, я прохожу по длинным вереницам залов, делаю неожиданные повороты, прохожу через внутренние дворики и через какие-то гостевые комнаты! Что же это за здание?

Наконец, мне удастся найти мой номер. Мне удалось открыть дверь, но она отказывается закрываться. Я просил комнату для некурящих, но в ней стоит сильный запах сигарет. Я вижу, что за окном идет проливной дождь, и там темно, очень темно. Тот факт, что комната узкая и длинная, не улучшает ситуацию. Шоколадка – угощение для гостей ждет меня на подушке на моей кровати. Я даю ей шанс, но ей не удастся поднять мое настроение. Я думаю, что лучше мне признать сразу: так не получится. Здесь я буду чувствовать себя одиноким и потерянным. Я тащу свой чемодан назад обратно по той дороге, по которой я пришел, я ухожу. После нескольких недель путешествия, зная, что я буду дома всего через несколько дней, я больше не хочу мириться с неожиданными неудобствами кочевой жизни. Я хочу просторную и предсказуемую анонимность, которую предлагают большие международные гостиницы: я хочу свою собственную ванную, телевизор и настоящую комнату для некурящих. Я иду пешком до гостиницы «Золотой

тюльпан», которая находится всего в паре кварталов отсюда, и там с облегчением заказываю себе превосходную комнату.

Ян Билы, организатор конференции по системной работе, несколько лет назад уже приглашал меня приехать в Прагу, и наконец-то это случилось. Во время конгресса я сделаю трехчасовую презентацию и затем проведу однодневный семинар. У меня будет время, чтобы посетить два концлагеря-близнец, Терезин и Литомержице, которые расположены в часе езды от Праги. В Западной Европе они более известны по немецким названиям Терезиенштадт (Theresienstadt) и Лейтмеритц (Leitmeritz). И есть еще одна вещь, которая привлекала меня в Прагу: я хочу посетить старую знаменитую синагогу, где, согласно легенде, спрятан Голем.

Историю о Големе рассказывают по-разному. Центральная фигура – это известное историческое лицо, рабби Лёв, который родился в начале 15 века. В один из периодов, когда евреям угрожали погромы, он создал Голема, человека из глины. Глиняный человек ожил после того, как ему в рот положили кусок пергамента с магическим заклинанием. Голем не мог говорить или сам думать, но был невероятно сильным. Созданный, чтобы защищать евреев гетто, он только повиновался приказам раввина, который его создал. Поскольку Голем не мог критически мыслить, то только мудрый человек должен был давать ему указания – и даже тогда он мог сотворить несчастье.

У легенды есть несколько вариантов концовки. Самая распространенная – это что Голем снова стал неживым, когда у него изо рта вынули пергамент. Глиняное тело спрятано где-то на чердаке синагоги рабби Лёва, чтобы снова пробудиться, если будет нужно. Наиболее популярная версия истории гласит, что место, где спрятан Голем, так никогда и не было найдено. Согласно другой версии, Голем отказывается погрузиться в сон и становится жестоким ко всем без разбора. Его больше невозможно остановить, и он убегает. По этой версии, мы остались с созданной человеком деструктивной силой, навсегда вышедшей из-под контроля, которая бродит по миру.

Я могу расслабиться в моем роскошном номере. Поиски Голема могут подождать еще пару дней. В этот первый вечер я только разбираю чемодан, немного читаю и долго принимаю ванну. Ко мне возвращается энергия, и я уже начинаю ждать приключений, которые поджидают меня в Чешской республике.

На следующее утро у меня презентация на конференции, в которой я рассказываю о связях между шаманизмом и расстанов-

ками, между предками и снами. Я пою песни, рассказываю некоторые истории, и мы делаем несколько расстановок. Утро прошло хорошо. Далее, собирая свои вещи, чтобы вернуться в гостиницу, я спрашиваю мою переводчицу Андреа, есть ли у нее планы на вторую половину дня. Когда она говорит, что она свободна, я сам себя удивляю, когда предлагаю ей поехать вместе со мной в Терезин. Немногим более часа спустя мы вместе покидаем Прагу на такси. Андреа рассказывает мне, что всего два года назад она узнала, что ее дедушка был нацистом, а его жена, ее бабушка, была еврейкой. Эта бабушка порвала все связи со своей семьей, изменила имя, и никто из коллег-нацистов ее мужа и не догадывался, что она еврейка. Никто не знает ее настоящего имени или откуда она, она никогда не рассказывала детям о своих родственниках или о том, что случилось с ними в годы войны. После войны дедушка провел годы в лагерях военнопленных в России. Когда он наконец вернулся домой, дети его не узнали. Когда Андреа узнала все эти истории, она смогла наконец понять связь с евреями, которую она всегда чувствовала, и свои сомнения относительно посещения бывшего концентрационного лагеря. Я попросил ее поехать со мной, повинаясь импульсу, и ей понадобилась всего секунда, чтобы понять, что это подходящий момент, чтобы наконец-то сделать то, что в один прекрасный день она должна была сделать. Итак, мы в пути.

Терезин дезориентирует. Он был построен в 18 веке как военный город, огромная крепость, но часть оригинальных городских стен была разрушена. Мы пытаемся найти дорогу в бывшее гетто, нас путают разные указатели. Через некоторое время мы понимаем, что уже давно ходим кругами. Терезиенштадт снова населен, и он снова выглядит так, как, должно быть, выглядел до войны. Это снова обычный маленький город. Почти нормальный. Ладно, совсем не обычный, – будем говорить честно. Как на это еще можно реагировать, кроме как удивляться?

Некоторые старые дома и здания теперь превращены в мемориалы или музеи. Одно место потрясает меня своей особенной странностью: здесь ээсовцы хранили пепел многих тысяч людей, которые умерли здесь и были кремированы. Комнаты чистые, пустые, заботливо освещены утонченными лампами. Это выглядит, как эксклюзивная художественная галерея. В зоне, огражденной веревками, мы видим аккуратно установленные деревянные полки, и на них ровные стопки картонных коробок. Концептуальное искусство? Нет, это коробки с пеплом. Несколько небольших камней лежит на земле, прямо под веревкой. Я тронут

этими лежащими здесь маленькими камешками. Они – единственный личный штрих в этом аккуратно созданном мемориале. Я объясняю Андреа, что это еврейская традиция – оставлять камень, когда посещаешь могилу. Но после прочтения некоторой предоставленной информации я понимаю, что меня одурачили. Нацисты выгрузили пепел в общие могилы и в речку, так что тут не осталось пепла. Деревянные полки новые, коробки – это копии тех, что использовали нацисты. Еще более странно! Я задаюсь вопросом, что же в коробах? Имитация пепла?

Мы уходим, удивленные. Андреа показывает вывеску «Мемориальный кафе-бар». Мы хихикаем, для нас это слишком странное место, и мы решаем уйти. Сразу за стенами Терезина из одного из домов доносится очень громкая музыка. Голос Глории Гейнор сопровождает нас, когда мы покидаем бывший лагерь, выкрикивая оптимистичное прощание: «I will survive! (Я буду жить!)» Правильно, Глория!

Литомержице – это маленький лагерь, такие существовали по всей Германии и в странах, оккупированных нацистами. Тут держали работников разных национальностей, евреев и не евреев, мужчин и женщин, и предполагалось, что они все умрут от «производственного износа». И они умирали, тысячами.

Так как сейчас уже далеко за полдень, то мы тут единственные посетители. Этот лагерь был тюрьмой за несколько десятилетий до начала Второй мировой войны, и после войны он снова был тюрьмой для нацистов и других немцев, которые были арестованы на территории Чехии. В момент нашего посещения он полностью пуст. Мы проходим по заброшенным улицам и внутренним дворам. Все двери бараков широко открыты, и в зданиях мы видим знакомые жесткие двухъярусные кровати, которые использовались практически во всех лагерях. Нас ожидает небольшая выставка, и темные глаза заключенных смотрят на нас с фотографий. Снаружи все мирно. Светит солнце, цветут деревья, поют птички: тихое спокойствие. Все двери, которые когда-то были закрыты, теперь открыты, и теперь можно идти повсюду, куда хочешь. Кажется, что наполненное болью прошлое сегодня уже далеко отсюда. Я неподвижно стою некоторое время в одном из ранее закрытых внутренних дворов, и тишина вокруг меня усиливается. И даже если я не ощущаю присутствие мертвых непосредственно, я могу почувствовать, что пустота не полностью пуста. Во время этого посещения, которое длится всего несколько часов, я, однако, не могу достаточно замедлиться, чтобы начать слышать молчаливые

голоса. И я не могу ответить на эти голоса молитвой. Нас ждет водитель такси, я просто турист, и я так себя и чувствую.

Еще раз я прохожу по выставочному залу, где находятся записи, образы и остатки того, что было. Фотографии почти мертвых заключенных во время освобождения лагеря кажутся знакомыми, должно быть, я видел сотни таких фотографий, и во мне появилась некоторая беззаботность, с которой я смотрю на них сегодня. Я говорю себе, что это не лучший способ посещать такие места. Или мертвые порадовались бы всем посетителям, независимо от того, как буднично или торопливо они пройдут по местам, где умершие провели свои последние часы? И существует ли такая штука, как «правильный» способ посетить опустевший концентрационный лагерь?

Между гетто в Терезине и лагерем Литомержице находится огромное кладбище. Тысячи разлагающихся тел, которые были найдены в общих могилах рядом с Литомержице, были перезахоронены здесь, на этот раз индивидуально. На каждой могиле есть имя или номер. Огромный христианский крест стоит посередине, почти триумфально. На краю поля стоит большая звезда Давида. Кажется, что она выросла из груды камней. На каждой индивидуальной могиле, будь то еврейской или христианской, лежат несколько небольших камешков. Что здесь случилось? Обычай приносить маленькие камешки на могилу – это еврейский обычай, камешки на могилах христиан – это непривычное зрелище. Кто их туда положил и зачем? Может быть, туристы, которые увидели камешки на еврейских могилах, подумали, что это милый местный обычай, и начали класть камешки и на другие могилы тоже? Это кладбище – загадка, как и большая часть этого места, в самом деле. Люди снова живут в бывшем гетто; место, где хранился пепел, похоже на галерею искусств, с аккуратно выложенными в стопки контейнерами с бутафорским пеплом. Границы слишком размыты, чтобы понять это. И когда вам захочется сесть и поразмыслить обо всем этом, то можете отправиться в Мемориальный кафе-бар. Какую музыку там поставят – «Yesterday» («Вчера»)? Это кладбище такое же путанное, как и все остальное.

Мы возвращаемся на парковку, где машины окружены всевозможными сувенирными магазинами и маленькими рестораничками.

В тот вечер в гостинице я отправляюсь в сауну. Я хочу очиститься после посещения мест, где страдало так много душ. Во время моего посещения тут нет больше никого, и я как раз на это

надеялся. В разных местах на полу и на скамейках какая-то творческая душа выложила небольшие горки камней. Автоматически я начинаю искать взглядом могилы, и я спрашиваю себя, кто тут похоронен – я пойман коллективным рефлексом. В парной очень темно. Стены и скамейки сделаны из обычного дерева, которое красиво потемнело от времени. Дерево почти такое же жесткое, как нары в лагере Литомержице, которые я видел сегодня. Вдруг эти узкие ряды дощечек на трех разных уровнях сауны становятся похожи на двухъярусные кровати лагеря. Для сауны тут слишком жарко, но я уже много раз был в такой жаре, на церемониях ритуальной бани с моими друзьями и учителями американскими индейцами. Жар может придать силы моим молитвам. Пока я сижу в одиночестве в полутьме, голый, на старых деревянных досках рядом с маленькими горками камней, мое сердце находит наконец правильные слова для молитвы – то, что мне было недопустимо сегодня днем.

На мой сон все еще влияет вопрос, как должно выглядеть место поминовения. Каким образом уместно встречаться с наследием прошлого? Меня беспокоит тот факт, что я могу пройти по выставке, посвященной жизни в концлагере, и чувствовать, что я уже все это видел. Сегодня было мало чувств, мало меня в действительности. И опять, конечно же, имена и лица агрессоров по большей части отсутствовали. Я этого не заметил, но сон напомнил мне об этом ночью.

Во сне я посещаю «Центр памяти». Это место находится где-то на природе, там много зелени: деревья, лужайки, кусты. Зелень свежая и сочная. Там стоит красивое здание неправильной формы, но органично вписывающееся в ландшафт. Очевидно, что оно создано руками человека, но каким-то образом оно является также частью пейзажа. Я попадаю в большую открытую комнату. В стенах сделаны большие отверстия, через которые мне видно деревья и траву. Воздух свежий, я чувствую легкий запах цветения. Это место – просто чудо, оно одновременно открытое и интимное, общественное и частное. Пока я стою там, в комнату медленно заходит группа людей. Они разделены на пары, молодой идет рядом со старым, и некоторые из них действительно очень стары. Разные пары находят себе место, где можно сесть, там и сям в комнате равномерно расположены пары стульев, которые ждали их. Старики начинают тихо говорить о своих воспоминаниях. Некоторые из них шепчут, и молодым приходится наклоняться немного вперед, чтобы слышать их. Атмосфера особая, интимная.

Я вдруг понимаю, что это не жертвы, которые делятся своими историями. Шепот – об убийствах и о том, как стоишь рядом, не имея возможности или не желая защитить тех, кого убивают. Голоса говорят о разных убийствах, о сотрудничестве с нацистами, о присоединении к сильной стороне ради выживания, причем ты знаешь, что выживание такого рода дается ценой страдания и смерти других.

На следующий день на семинаре я рассказываю о четырех направлениях и четырех уровнях души. Сначала я объясняю базовое движение колеса, от весны на востоке к лету на юге, от осени на западе к зиме на севере. Восток, юг, запад и север формируют цикл начинания, выполнения, завершения и умиротворенной пустоты. Далее я объясняю, каким образом колесо показывает, как мы можем двигаться по разным уровням души. Сами уровни остаются такими, как они есть, и сохраняют свои характеристики, но когда мы идем по колесу, мы можем проходить сквозь них. Я уделяю особое внимание шагу, который может вытащить нас из идентификации с субстанцией коллективной души – возрастающему сознанию индивидуальной самости.

До меня начало доходить, что тот факт, что четыре уровня души всегда будут существовать, означает, что мы действительно не можем трансформировать их. Мы не можем «оставить их позади» или «выйти за пределы». Мы не можем игнорировать один из них и просто перепрыгнуть через него в нашем путешествии по колесу. И так же мы не можем его избежать, идентифицируясь только с одним из них, притворяясь, будто все остальное больше не существует. Нет, замереть неподвижно на колесе означает быть отсоединенным от самой жизни. Мы не можем избежать влияния коллективной души, мы должны научиться участвовать в ней разумным образом, уравнивая негативные аспекты через сознательное обращение также и к другим уровням души. Мы должны уравнивать все четыре различных уровня души, как жонглер с четырьмя шарами, и мы должны научиться проходить от одного к следующему так, чтобы не застревать нигде. В этом процессе нет конечной точки, только непрерывное изучение и изменение.

После этой речи я хочу сделать расстановку, в которой можно исследовать переход от коллективной души к индивидуальной. Я спрашиваю, есть ли кто-то, кто может определить полярность в своей семье между коллективными полями. Несколько участников поднимают руки и называют нации и группы, которые

присутствуют в истории происхождения их семьи. Позже, когда Ева говорит, что ее дедушка был убежденным коммунистом, а ее бабушка – преданной католичкой, по группе пробегает легкое беспокойство. Несколько человек ерзают на стульях, кто-то начинает кашлять, руки движутся нервно – очевидно, что эта тема резонирует у многих участников, поэтому я должен работать с этой историей.

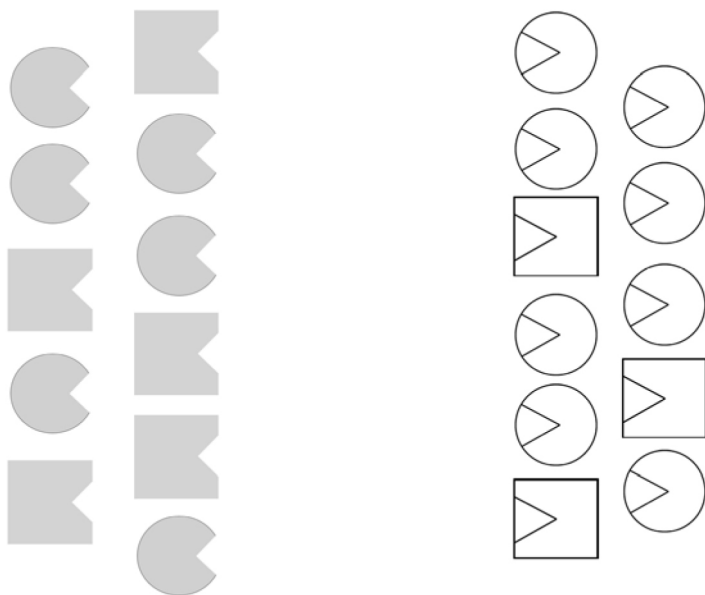
Я прошу Еву выбрать заместителей для себя и брата и для дедушки с бабушкой. Я ставлю брата и сестру рядом, лицом к их бабушке и дедушке. Далее, бабушка и дедушка выбирают дополнительных заместителей: дедушка собирает группу коммунистов, бабушка – группу католиков. Коммунисты стоят сзади дедушки, а католики сзади бабушки.

Я прошу дедушку сказать своей жене: «Когда-то давно я выбрал тебя себе в жены, и я надеялся, что мы проживем вместе хорошую жизнь. Но я верил в учение коммунистической партии, а ты – нет. Для нас это было тяжело. И теперь у нас есть внуки. Мы не можем дать им хороший пример. Вместо того чтобы показать им, что такое хороший брак, мы можем лишь дать им войну малого масштаба. Я сожалею об этом». Бабушка отвечает: «Когда мы сошлись вместе, я надеялась, что наш брак будет хорошим. Но ты присоединился к партии, а я осталась верна церкви. Мы верили в разных богов. То, как мы прожили, не было хорошим примером для наших детей и наших внуков. Мы не можем научить их, как уважать партнера. Грустно, что дошло до этого. Мое сердце от этого болит». В этом дедушка и бабушка могут согласиться друг с другом, и тут начинает расти чувство общности.

Затем я поворачиваю дедушку к коммунистам, и прошу его обратиться к ним: «Дорогие товарищи. Всю свою жизнь я посвящал себя делу, в которое мы верили. Мы думали, что мы построим новый мир, который будет лучше, чем тот, в котором выросли мы. Мы принесли большие жертвы и мы заплатили высокую цену за наши мечты. Но все это стоило того для нас, потому что мы верили. Но сейчас я уже дед, и у меня есть внуки. И вместо того, чтобы предложить им лучший мир, я могу им показать только продолжающееся неуважение и войну, даже у себя дома. Дорогие друзья, я ненавижу мою жену за то, что она сохраняла свою веру. Но это не помогло моему сердцу, и теперь я хочу предложить своим внукам нечто большее, чем неуважение. Пожалуйста, все вы, посмотрите на людей перед вами, на католиков. Посмотрите, можете ли вы увидеть лицо человека, с которым вы можете быть друзьями?»

Если это возможно, откройте сердце для одного или двух из них. Таким образом вы поможете мне открыть сердце для моей жены. И таким образом я смогу помочь моим внукам».

Каждый в расстановке, включая бабушку и католиков, слышал речь дедушки, и я даю им время, чтобы эти слова подейство-

■ ● Коммунисты □ ○ Католики

A+B – внуки; C+D – дедушки и бабушки
Рисунок 24.

вали. Затем я прошу бабушку обратиться к католикам из своей группы: «Дорогие братья и сестры католики. Мы жили в трудные времена. Коммунисты сказали нам прекратить верить в Бога и закрыли наши церкви. Но были ли наши страдания более тяжелыми, чем страдания Господа нашего Иисуса? Я не знаю. Я знаю, что я называю себя верующей, но я должна признать, что я не смогла последовать за самым важным учением нашего великого Учителя, который просил нас любить всех вокруг. Я не смогла оставить мое сердце открытым для моего собственного мужа. Пожалуйста, друзья мои, помогите мне открыть мое сердце и оставаться верной моей вере. Пожалуйста, посмотрите в глаза коммунистов, которые стоят перед вами, и посмотрите, можете ли вы открыть свое сердце одному или двум из них. Когда вы открываете свои сердца, тогда я тоже могу посмотреть на моего мужа с большей любовью. Помогите мне так следовать учению Иисуса. Помогите мне, пожалуйста, чтобы я смогла стать хорошим примером для моих внуков».

Я начинаю петь одну из моих молитв без слов, и католики начинают медленно двигаться. Они делают это быстрее, чем коммунисты, которым требуется больше времени, чтобы стряхнуть с себя скованность. Те коммунисты, которые стоят ближе к дедушке, могут двигаться относительно легко, а тем, кто стоит дальше, требуется намного больше времени. В конце большинство католиков и коммунистов установили какую-то форму контакта в зоне посередине.

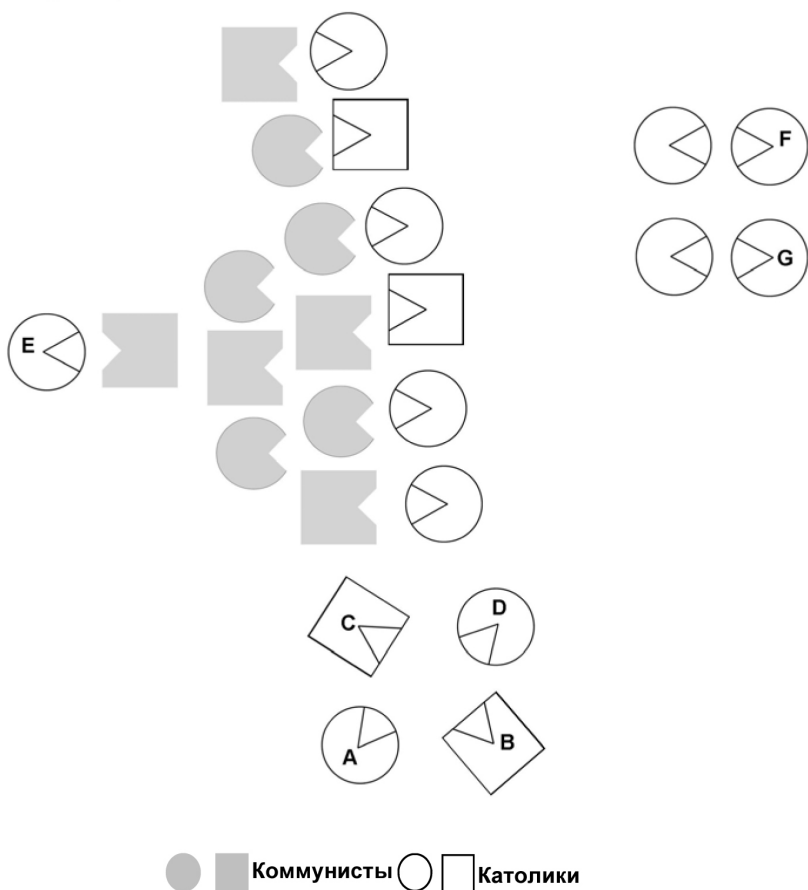
Несколько отдельных людей в каждой из групп были не способны двигаться, и я отворачиваю их от центра. Перед ними я ставлю еще нескольких человек, и говорю, что эти новые заместители – это люди, которые могут понять и поддержать их чувства, какими бы они ни были.

Дедушка медленно поднял руку и протянул бабушке, и она взяла его руку. Эти две группы медленно соединились, и контакт между бабушкой и дедушкой углубился, и теперь они вместе смотрят на внуков. Они четвером образуют маленький круг.

После расстановки несколько человек делятся своими переживаниями с группой. Один мужчина из группы коммунистов вообще не мог двигаться, и я отвернул его от центра в конце. Он говорит, что он ужасно боялся католиков. Ему казалось, что на их руках кровь, и он был уверен, что его семья очень пострадала от рук католиков. Другой женщине из группы коммунистов было трудно двигаться вперед, и она говорит, что чувствовала себя не вполне коммунисткой, но ей было больше некуда пойти. Обе эти

реакции имеют смысл с точки зрения истории. Например, многие евреи присоединились к первым коммунистам, потому что те обещали им конец сотен лет погромов и преследований от католиков. И когда коммунистическая партия пришла к власти, многие присоединились, потому что иначе они оказались бы под подозрением. Не вступить в партию означало проявить нелояльность или даже хуже, так можно было стать врагом государства.

Заместитель дедушки делится впечатлением от того, что его рука двигалась без его намерения, так что в какой-то момент он

A+B – внуки; C+D – дедушки и бабушки;

E, F, G – источник силы и поддержки

Рисунок 25.

увидел, что его собственная рука протянулась к жене без его активного участия. Это было хорошее чувство, и он был счастлив, что жена взяла его руку, но для него это было странное явление.

После семинара я немного говорю с Яном Билы об истории коммунизма в Чешской республике. Отец Яна был активным коммунистом, но он не поддерживал изменения. Когда Советы ввели войска в Чехословакию в 1968 году, отцу Яна пришлось уйти из партии, и к власти пришли старые приверженцы жесткого курса. Коммунисты не разрешали Яну учиться в университете из-за этой истории, и он стал техником в театре. Далее, когда его театральная труппа была на гастролях в Германии, он покинул труппу и попросил политического убежища. Прошло всего несколько лет с тех пор, как он вернулся в Прагу, проведя много лет в изгнании. Он говорит мне, что эпоха коммунизма часто всплывает на его семинарах, и тогда он работает с этим. Но в этом есть что-то особенное. Однажды, когда он запланировал провести семинар именно на эту тему, оказалось, что в этой программе хотят участвовать только трое, хотя обычно его группы полны. «Люди хотят работать с этим, и мы понимаем, что нам нужно посмотреть на прошлое. Но поскольку это все еще очень недавняя история, нам нужно обращаться с ней очень осторожно. Когда мы слишком прямо обращаемся к ней, люди отворачиваются».

Последний день в Праге посвящен посещению еврейского квартала. Ян встречает меня в гостинице. Вскоре амбивалентность, которую я чувствовал во время посещения Терезина, появляется снова. Стены синагоги Пинхас покрыты именами и датами, старательно выведенными синим и красным цветом. Здесь записаны имена всех евреев из Моравии и Богемии, которые погибли во время холокоста. Здание пустое, за исключением всех этих имен на стенах. Я не понимаю почему, но упорядоченные ряды имен синего и красного цвета раздражают меня. Совершенство этого мемориала и толпы глазующих туристов раздражают. Я пытаюсь найти точное слово для описания своих чувств и, к своему удивлению, обнаруживаю, что я чувствую, как будто этот мемориал каким-то образом оскорбляет умерших. Сам по себе факт, что их имена написаны где-то и их помнят, не плох, но это не то. Что кажется неправильным, так это то, что через это здание ежедневно проходят тысячи людей, которые просто несколько минут глазуют на имена умерших. Такое место, как это, не должно быть общественной проходной. Неудивительно, что раздражение, которое

я испытываю к туристам, также направлено и на себя самого – я же тоже здесь просто прохожу мимо, как и они.

Потом мы идем на знаменитое старое еврейское кладбище. Бесчисленные могильные камни клонятся вправо и влево, вперед и назад, в чудесном застывшем танце. Но даже здесь есть какое-то нереальное чувство. Нельзя пройти между камней, чтобы приблизиться к определенной могиле. Кладбище разделено веревками на отдельные секции, упорядочено, и туристов проводят через них, направляя налево и направо. И, что очень удивительно, могильные камни стоят голые. Едва ли хоть пара камешков на них! Здесь, больше чем где бы то ни было, я бы ожидал увидеть тысячи маленьких камешков повсюду на могилах. Это действительно еврейское кладбище? Веревка отделяет мертвых от живых, и только на больших камнях рядом с веревками лежит несколько маленьких камешков. Я предполагаю, что камешки, которые люди оставили тут днем, убираются после окончания часов посещения. Уходят знаки, что живые евреи приходят сюда молиться.

Ян рассказывает мне, как это кладбище выглядело во времена коммунистов. Тут всегда было тихо, только некоторые посетители приходили сюда. Каждый камень был покрыт мхом и маленькие камешки лежали на каждом. Люди приходили сюда молиться. «Тогда не было веревки, не было искусственной границы, которая отделяет тебя от поля, – говорит он. – Когда я пришел сюда впервые, я понятия не имел, что значат эти маленькие камешки на могилах, но само это зрелище было очень мощным, даже таинственным. Я не был эзотериком, так что это не было похоже на духовное переживание, но все же я чувствовал что-то, когда ходил между могил, тут была энергия. Сейчас я могу это описать так, что тогда я устанавливал связь с этим полем. Но сейчас я больше не чувствую его. Мертвым и живым не позволено смешиваться, мы должны оставаться по эту сторону забора, а они – по другую. Теперь мы можем только смотреть, но мы больше не можем быть их частью». Знаменитое еврейское кладбище стало карикатурой на само себя, своей тенью.

У нас назначена встреча с Алеком, членом одной из еврейских общин Праги. Он, как мы думаем, расскажет нам о современной жизни евреев в Чешской республике. Контакт был установлен через общего друга, который сообщил, что Алек заинтересуется моей работой. Мы с Яном ждем в условленном кафе, и Алек подходит к нам. Едва он сел, он спрашивает меня: «Почему вы делаете то, что делаете?» Я удивлен, это странное начало. Что он имеет в виду?

«Как вы, еврей, можете делать то, что вы делаете?» Алек видел мой веб-сайт, и он сделал вывод, что я действую в темной зоне. Духи, умершие – всех их нужно оставить в покое. «Вы хотите мне сказать, что я не могу делать то, что я делаю?» – спрашиваю я. «Ну, мне все равно, что вы делаете. Или ладно, не совсем все равно», – говорит он. Это фантастическая демонстрация работы коллективного сознания: Алек чувствует, что он должен напомнить о предупреждениях, записанных в Торе и Талмуде о подобных вещах. Он хочет мне помочь, чтобы я очнулся от своих заблуждений. Не то чтобы он действительно знал, что я делаю, – он просто прочитал некоторые слова на моем веб-сайте, и он даже не задал мне ни единого вопроса о моей работе. И все же он считает, что он знает все, что обо мне можно знать. «Вы делаете работу, которая имеет отношение к работе раввина, но вы не можете делать ее так, как вы это делаете», – продолжает он. Должен ли я рассказать ему о моих снах, о песнях, которые я узнал таким образом? Лучше не стоит. Внутри коллективной души народа есть разнообразные разделения и очевидно, что мы не принадлежим к ядру одной и той же группы. Между нами нет враждебности, но есть стена. Алек отказывается изучить то, что находится с моей стороны, он даже не хочет хотя бы взглянуть на это. Я же слишком хорошо знаю его сторону, но мне больше не интересно ходить туда. После пятнадцати утомительных минут я предлагаю заплатить за чай и кофе и разойтись по своим делам. «Я не думаю, что наши реальности сильно соприкасаются, – говорю я. – И я думаю, что у нас мало шансов найти общую почву. Давайте просто закончим встречу и попрощаемся».

Так мы и делаем.

В заключение мы отправляемся на поиски Голема и направляемся в Старую-Новую синагогу, строительство которой было завершено в 1275-м. Это самая старая из действующих синагог в Европе. Это была синагога рабби Лёва, который создал Голема, чтобы защитить гетто в трудные времена. Некоторое время, гласит история, Голем служил раввину и общине. Но потом все пошло наперекосяк. Когда ему приказали принести воды, Голем нарушил положение колодца и целое гетто оказалось затопленным, едва удалось избежать катастрофы. Все остальное тоже пошло криво, и стало ясно, что непрерывно держать Голема под рукой было не очень умной идеей. Его неисчерпаемая энергия нуждалась в применении и направлении, иначе он становился жестоким и создавал неприятности. Раввин вынул священный пергамент, который

давал Голему жизнь, изо его рта, и он снова стал безжизненной глиняной скульптурой.

Было чудесно увидеть и войти в синагогу, где, как предполагают, все это произошло сотни лет назад. Стул, на котором сидел рабби Лёв, все еще стоял здесь, огороженный деликатной цепочкой, чтобы никто на него не сел. Гид объясняет нам, что означают различные символы и комбинации букв на стенах. Но синагога значительно меньше, чем я себе представлял. И чердак очень маленький. Это не огромное таинственное пространство из моих фантазий, полное ниш, углов и потайных дверей. Голем не спрятан здесь, это уж точно.

В легенде о Големе содержится учение о темных аспектах коллективной души. Голем грубый и бездумный, у него нет личной воли или ума. Соответственно он, должно быть, застрял на уровне, который предшествует возникновению настоящей индивидуальности, – этот уровень на колесе душ соответствует коллективному уровню. Голем понадобился во времена угрозы, как защитная энергия племени, которая проявится наиболее сильно в тот момент, когда чужаки угрожают группе. Его энергия безгранична, но она не может планировать или думать наперед, она лишь следует инстинктивным импульсам, она не может принять во внимание последствия собственных действий. От него требуется способность защищать, ни перед чем не останавливаясь, и грустно, что в итоге Голем не в состоянии по-настоящему защитить то, что он должен защищать. Он слишком примитивен, слишком мощен, слишком бездумен. После того, как он начал работать, он оказывается не подвластен контролю, даже контролю мудрых. В итоге он становится опасностью для тех, ради чьей защиты он был создан. И где же Голем спрятан теперь? Все легенды соглашаются с тем, что он не умер, его нельзя просто разобрать. Я купил одного маленького мини-Голема в одной из сувенирных лавок в Терезине, и еще одного в еврейском квартале в Праге. Но где же был Голем во времена, когда он был нужен чешским евреям? Где он был во время нацистской оккупации? Он всегда, даже в Средневековье, был ненадежным помощником.

Может быть, крики выживших в холокосте, увидевших тлеющие руины Европы, смогли наконец пробудить Голема ото сна? – вопрошаю я. Может, его вывезли контрабандой из Европы и забрали в Израиль на корабле, полном беженцев с вытатуированными номерами на руках? И проснувшись еще раз, точно так же, как в гетто в Праге, Голем какое-то время был в состоянии

помогать людям, которых он должен был защищать? В первые годы своего существования Израиль регулярно подвергался нападениям соседей-арабов, и ему удалось выиграть каждую из этих войн, иногда каким-то чудесным способом. Может быть, Голем был там, помогая ему. Но, как предупреждает легенда, будить Голема опасно, или, иными словами, опасно разводить слишком сильный огонь в коллективной душе. Однажды зажженный, огонь все время требует подпитки, и в конце концов он может стать неуправляемой силой, слепой деструктивной мощью. Когда это случается, даже мудрецы не знают, как ее обуздать.

Глава 15

В ПРОСТРАНСТВЕ МОЛЧАНИЯ

Когда мы едем по Берлину на машине, мы видим, что всюду висят немецкие флаги. Они вывешены не только из окон и на зданиях, но также у многих машин вокруг нас выросли вторые антенны, с которых нам машут черно-красно-желтые полосы. Сейчас время чемпионата мира по футболу, и я только что прилетел сюда из Амстердама, который стал практически оранжевым в последние недели. Европа купается в море флагов из-за футбольных матчей, коллективная душа нации каждой страны купается в возбуждении.

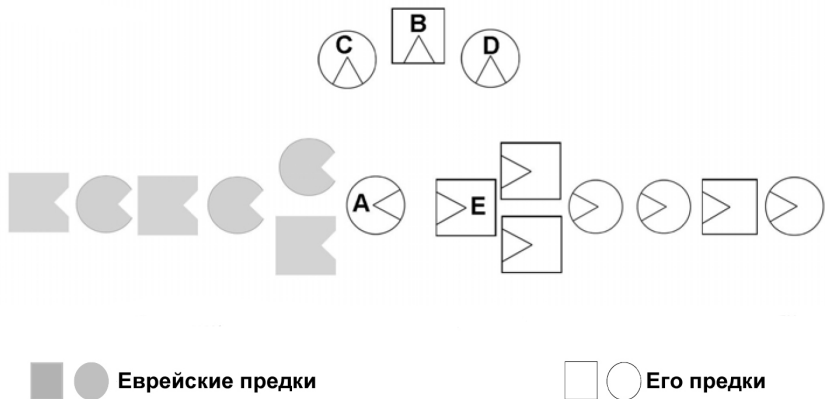
Сначала немецкие флаги, развешенные повсюду, не вызывают у меня удивления, но когда мой водитель (женщина) спрашивает меня, слегка встревоженно, что я думаю по поводу того, как выглядит сейчас город, я понимаю, что для нее сейчас происходит что-то одновременно двусмысленное и особенное. Впервые после войны немцы чувствуют, что могут свободно выставлять на обозрение национальный флаг, без стыда и без задней мысли, объясняет мне она. До этого момента только неонацисты использовали флаг с гордостью и рвением, все остальные делали это лишь в случае крайней необходимости. Когда я смотрю на все эти немецкие флаги, я понимаю, что им понадобилось 60 лет, чтобы снова оказаться на улицах, и я чувствую особую смесь грусти и жалости.

Я приехал сюда, чтобы провести семинар о наследии Третьего рейха в Германии, и то, что флаги снова свободно висят повсюду, кажется хорошим знаком. Может быть, у нас будет больше свободы, чем раньше, чтобы взглянуть на прошлое. Когда мы планировали семинар, мы не ожидали, что на него запишется много участников. В конце концов, это непростая тема. Но оказалось, что будет более 50 человек, и возможно, это еще один знак, что нечто, касающееся периода гитлеровской диктатуры, начинает постепенно открываться.

Участникам семинара было предложено заранее написать мне письмо, чтобы я мог познакомиться с их семейной историей. Даже после многих лет регулярной работы в Германии сбор историй все

еще остается сложной темой. Большинство из написавших мне происходят из семей, где папа, дедушка или дядя были нацистами. Некоторые из мужчин, упомянутых в письмах, участвовали в убийстве многих евреев, даже десятков тысяч. Письма рассказывают истории принудительных работ, заработанных денег, о богатстве, полученном путем конфискации имущества евреев, о золоте из еврейских зубов, выкраденных из лагерей, чтобы купить предметы роскоши; истории о людях, которые продолжали быть гордыми нацистами еще долго после капитуляции Германии. Но там также были истории об отцах, молодых дядях и братьях, которых послали на фронт и которые больше не вернулись или вернулись уже после многих лет, проведенных в лагерях для военнопленных в России. Люди говорят об ужасных событиях в конце войны, о бомбардировках армии союзников, о мести русских, о массовых переселениях и изгнании немецкоговорящих народов с восточных территорий. Помимо этого всего, письма говорят о том, о чем никогда не упоминалось: о секретах и молчании.

Прабабушка Марион выжила в войне, потому что ее защищал один мужчина-эсэсовец. После капитуляции этого мужчину посадили в тюрьму, и его семья попросила детей выжившей женщины дать показания в его защиту на суде. Есть что-то особое в этой истории: саму выжившую женщину не попросили давать показания, и сам нацист не стал просить ее семью дать показания в суде. Сам судебный процесс так и не случился, так как этот мужчина покончил с собой в тюрьме.

А – Жена, еврейка; В – Муж, не еврей; С + D – Их дети; Е – Нацист
Рисунок 26.

В расстановке я прошу заместителей эсэсовца и выжившей женщины встать друг напротив друга, родители обоих стоят сзади них. За родителями я ставлю несколько рядов предков, и рядом с женщиной я ставлю ее мужа и детей.

Заместитель отца нациста говорит, что он чувствует себя гордым нацистом и, по его мнению, его сыну нечего стыдиться. Я прошу заместительницу прабабушки Марион сказать эсэсовцу: «Ты спас меня, но других ты не спас». В ответ на это он важно кивает, признавая свою вину в том, что помог уничтожить так много других. Теперь становится очевидно, что идея попросить семью этой еврейки дать показания в суде исходила от матери нациста.

Очевидно, что заместители прабабушки Марион и ее защитника-нациста обременены этой просьбой. Когда я прошу мать нациста забрать свою просьбу назад, она видит, что ее просьба мешает, и со слезами забирает ее. Это дает ощущение заземленности обоим семейным системам. Теперь эсэсовец хочет уйти. Он просит своих предков принять его, и там он получает место, где обретает покой. Заместитель мужа прабабушки Марион удивляется тому, что он тоже хочет присоединиться к предкам нациста, но когда он узнает, что мужчина, которого он замещает, не еврей, то ему становится понятна его потребность присоединиться к немецким предкам. Умиротворенный, он туда и отправляется. Выжившая женщина теперь может опереться на своих собственных предков, и там она понимает, что может передать силу своим собственным детям, которые присоединяются к ней.

История о самоубийстве эсэсовца не единственная: по меньшей мере семь родственников-нацистов участников группы убили себя сразу после войны. И во время других семинаров в Германии я встречал людей с похожими семейными историями. Иногда такие самоубийства случаются через много лет после войны. Люди рассказывали мне такие истории о бывших нацистах, которые узнавали, что их скоро арестуют после того, как было раскрыто, что они жили под вымышленным именем.

Франц Штангль (Franz Stangl) был командующим лагеря смерти Трешлинка. После войны он покинул Европу (с помощью Католической церкви) и начал новую жизнь в Бразилии. В 1970-м его арестовали и отправили назад в Германию, где он предстал перед судом и был осужден на пожизненное заключение. В апреле и мае 1971-го Гитта Серени беседовала с Францем Штанглем в тюрьме. В своей книге «На темной стороне» она показывает, как Франц Штангль рационализирует, его полуправду, его попытки

переложить ответственность за то, что случилось в Треблинке, на других. После 70 часов бесед, во время их самой последней встречи, Серени еще раз подводит Штангля к вопросу о личной ответственности. В этот последний раз он хочет и способен преодолеть некоторые из своих собственных защит. Схватившись за стол, он тратит полчаса на то, чтобы сказать несколько коротких фраз, и одна из них: «Я должен был умереть». И его последние слова, адресованные ей, были такие: «Пусть это закончится. Пусть этому наступит конец». Всего 19 часов спустя Франц Штангль был обнаружен мертвым в своей камере – вскрытие показало, что это было не самоубийство, а спонтанная сердечная недостаточность. После того, как он взглянул на часть своей собственной роли и ответственности в Треблинке, Штангль просто не смог жить дальше и умер.

Выжившие в лагерях смерти были не способны поведать об истинной природе своих переживаний другим, и – что еще хуже – даже самим себе. Как будто то, что произошло в лагерях, настолько выпадает за пределы обычного сознания, за пределы нормальности, что язык просто не справляется. Слова не могут помочь построить мост между недо-жизнью в Аушвице-Биркенау и жизнью в обществе, основанном на поддержании и защите человеческих ценностей. И хотя узники в лагерях были абсолютно беспомощными и вся власть была в руках у нацистов и охранников, все же они там были вместе, разделяя эту реальность, отделенную от нормальной жизни. И нацисты, и их жертвы были жителями замкнутой вселенной, у которого практически не было связей с внешним миром по ту сторону забора и колючей проволоки. То, что заключенным предстоит умереть, было понятно всем. Но не каждый, кто участвовал в убийствах, был уверен, что сам он выживет. Уже в 1946 году Миклош Нисли опубликовал книгу «Я был ассистентом доктора Менгеле». После того, как он почти год прожил в Освенциме в качестве члена одной из зондеркоманд, однажды вечером один пьяный эсэсовец говорит ему: «Скоро вы все умрете, а потом будет наша очередь». В тот момент подтвердилась догадка Нисли, что часть персонала лагеря, который имел непосредственное отношение к убийствам в газовой камере и сожжению, будут убиты (стр. 159). Массовое убийство надо было держать в тайне, насколько это возможно, и одним из способов достигнуть этого было заставить молчать тех, кто принимал в этом участие.

Самоубийство преступников-нацистов остается загадочным феноменом. Когда мы с Анке, Габи и Еша делали расстановку, чтобы лучше узнать динамики в нацистских семьях, были моменты, когда, стоя в ролях агрессоров-нацистов, мы ясно чувствовали желание смерти. Было ли это для тех, кто забрал свою собственную жизнь, последним актом лояльности системе? Или это был драматичный способ гарантировать, что секреты, которые никогда нельзя раскрывать, будут похоронены? Кто-то, возможно, предпочел убить себя сам, не дожидаясь, пока их повесят судьи в Нюрнберге или в русских судах. Другие, возможно, выбрали самоубийство, потому что это был их последний способ избежать личной ответственности за то, что случилось. И, возможно, были нацисты, которые убили себя, потому что они поняли, что они не могут вернуться к нормальной жизни после того, как они приняли участие в невыразимых ужасах в лагерях, кампаниях на Востоке и в других преступлениях нацистов. Возможно, они почувствовали это, когда их индивидуальное сознание начало восстанавливаться после крушения коллективной души нацистов, они просто не смогли продолжать жить. Но какими бы ни были причины, они неизвестны приехавшим на семинар в Берлин потомкам и родственникам этих нацистов. Объяснительных записок не осталось.

Рената выросла в семье, где было запрещено говорить о войне. Ее отец никогда не упоминал ее и не переносил вопросов об этих годах своей жизни. Рената, однако, не молчала, и в результате ее выгнали из дома и лишили наследства. Большинство членов семьи Ренаты отвернулись от нее и не хотели с ней контактировать, так как она каким-то образом оказалась «зараженной» военными секретами ее отца. Оставшись сама по себе, отлученная от семьи, она продолжила расследования. В итоге она узнала подробности об участии ее отца в преступлениях нацистов, когда опознала его лицо в документальном фильме о лагерях, и она узнала, что он был членом персонала одного из крупных лагерей – секретной подземной фабрики по производству оружия, где умерли от 30 до 40 тысяч политических заключенных.

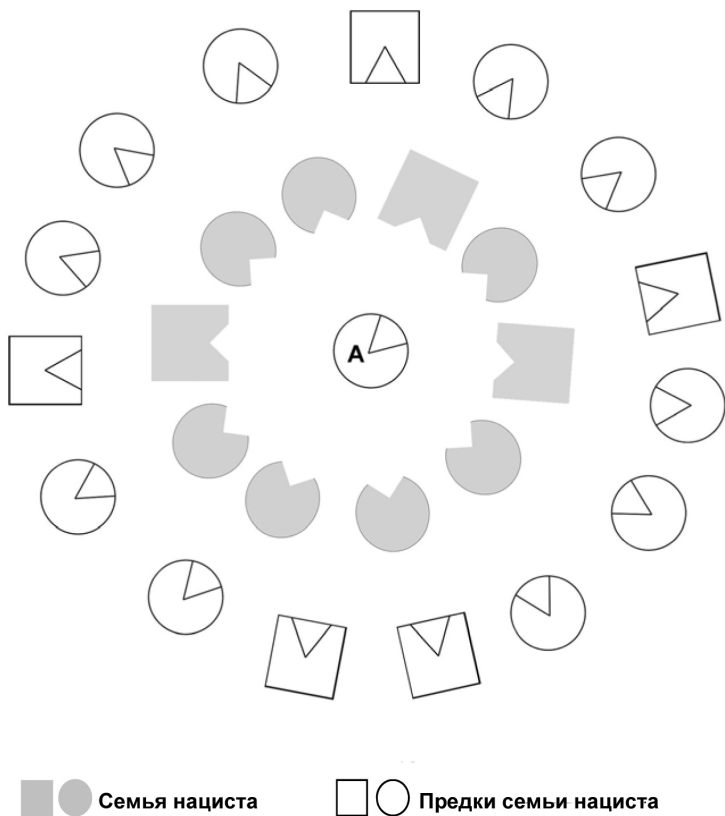
Для начала я прошу Ренату выбрать семь или восемь заместителей для членов ее родительской семьи, за исключением отца, и поставить их в круг. Потом я прошу ее выбрать как минимум в два раза больше людей и сделать еще один круг, который окружает первый. Я объясняю, что эти люди будут заместителями предков из времен до войны, людей из предыдущих поколений, которые

никогда в войне не участвовали. Предки будут поддерживающей системой для семьи. Когда эти два круга стоят на своих местах, Рената присоединяется к кругу своей семьи, и я прошу мою помощницу Кристиан стать в центре в качестве заместителя концентрационного лагеря.

Рената говорит: «Дорогая семья. Я была единственной, кто смотрит на концентрационный лагерь, и это бремя становится слишком тяжелым, чтобы нести его одной. Пожалуйста, не отворачивайтесь больше. Наш отец глубоко причастен к этому. Пожалуйста, посмотрите на это, чтобы я больше не должна была смотреть на это одна».

Члены семьи смотрят на лагерь. Несколько человек остаются на своих местах, некоторые ищут поддержки в круге предков, один или два медленно отворачиваются от расстановки. Я намеренно не включил отца в группу семьи, потому что это он создал запрет смотреть на прошлое, и в его отсутствие, возможно, члены семьи смогут установить независимую связь с прошлым. Но через некоторое время я спрашиваю, не чувствует ли кто-то в круге, что он начал быть заместителем отца Ренаты. Один из мужчин, который стоит в круге предков, говорит, что это так, и я прошу его сделать несколько шагов вперед, чтобы посмотреть на концентрационный лагерь. Все развивается очень медленно, и тем временем я спрашиваю у заместительницы концентрационного лагеря, как она себя чувствует. «Я буду тут вечно, – говорит она, – я не спешу».

К этому моменту Рената громко всхлипывает, и я отворачиваю ее от центра. «Ты уже долго смотрела на это, – говорю я ей. – Теперь оставь это другим. Твой отец смотрит, ты сделала свою часть работы». Постепенно она успокаивается, ее держат предки, пока расстановка разворачивается дальше. Отец долго смотрит на заместителя лагеря, в то время как члены семьи смотрят на него и на лагерь и видят между ними связь. В итоге он говорит лагерю: «Ты для меня – единственная реальность». Для большинства членов семьи это приносит облегчение. И когда Рената слышит эти слова, она вспоминает, как однажды, абсолютно ни с того ни с сего, отец признался ей: «Смерть, которую я заслуживаю – это заживо броситься в пылающую печь». После участия в гибели огромного количества людей ее отец продолжал жить, но на уровне души он ждал облегчения, которое обещает смерть. Он не убил себя, как некоторые нацисты, и не умер спонтанно, как Франц Штангль, после того, как принял по крайней мере часть своего прошлого.

А – концлагерь
Рисунок 27.

Для него лагерь был единственной реальностью, и он больше не мог по-настоящему покинуть его.

Большинство детей нацистов, как Рената, выросли в семьях, где очень мало говорилось о военных годах. Многие из участников семинара упоминают это всепоглощающее молчание; понятно, что с этим молчанием надо как-то обойтись. Но как? Я решаю провести ритуал, в котором мы можем посмотреть на молчание как на симптом коллективной души, как на реакцию на коллективную травму и вину, а не на что-то, что присуще лишь нескольким отдельным семьям. Чтобы сделать это, я прошу группу встать в большой круг. Затем каждый, кто хочет, может сделать шаг вперед,

чтобы быть заместителем какого-то аспекта секрета, который он понял, или той части, которую он почувствовал, даже если никто никогда не рассказывал о подробностях.

Мгновение мы стоим там, в тишине, затем первый человек делает шаг вперед и говорит: «Я являюсь заместителем стыда в этом молчании». За ним другой: «Я представляю решение выжить во что бы то ни стало, и какую бы высокую цену не пришлось заплатить». За ним следующий, и друг за другом более 50 участников выходят вперед и называют словами то, что всегда было покрыто молчанием. Мы вместе узнаем названия многих граней секрета: Убийство. Боль. Возбуждение, которое возникает во время убийства. Шизофрения. Тайная радость от того, что темные и секретные вещи делаются сообща. Утрата. Страх. Мертвец. Не-чувствование. Не-смотрение на все это. Предательство. Страдание жертв. Вина, которую отрицают. Многочисленные «Нет», которые никогда не были сказаны вслух. Травмы, полученные во время сражений на фронте. Заключение в лагерях для военнопленных в России и других местах. Жажда власти. Шок. Насилие. И многое другое.

В конце секрет уже не туманный и не абстрактный. Мы можем понять причины молчания, его многочисленные слои. Мы чувствуем его вес на душе тех, кто его нес, его неподвижность. Это уже не молчание отдельного отца, бабушки или семьи, – это молчание целой культуры, которая потеряла часть своей души и не знала, как ей быть со своей потерей. На мгновение мы замираем с уважением к этому, и пока мы это делаем, мы находим новый способ установить отношения с этим. И потом мы возвращаем молчание назад – тем, кто никогда не мог или не хотел говорить о своей части секрета, – и отступаем.

Семинар о наследии Третьего рейха в Берлине, который длится всего несколько дней, никогда не может быть исчерпывающим, за это время можно прикоснуться лишь к некоторым аспектам войны. Из множества ролей, которые сыграли люди в эти времена, можно обратиться только к горстке. Но встреча была бы незавершенной, если бы мы не уделили внимание тем, кто сопротивлялся и не позволил подчинить себя, немцам и не немцам.

Официальные часы работы Мемориального центра Плетцензее уже закончились, но один из охранников остался, чтобы в этот вечер открыть двери специально для нашей группы. Тюрьма Плетцензее – это огромный комплекс, который непрерывно действует с конца 19 столетия и до сегодняшнего дня, мемориал занимает только небольшую часть комплекса. Место, где чтут память

казненных членов Сопротивления, отделено стенами от основного сооружения тюрьмы. Оно состоит из маленького здания с двумя комнатами, мемориальной стены и большой урны, в которой содержится земля из основных концентрационных лагерей. Здесь, с 1933-го по 1945-й, были убиты около 3000 человек, которые подняли свой голос против нацистов. Экзекуции проводились в одной из этих комнат, которая теперь пустует. В другой комнате находится выставка, которая рассказывает о жизнях некоторых из тех, кто здесь погиб.

Прежде чем войти, я рассказываю группе о предстоящем нам визите. «Когда мы войдем в Плетцензее и окажемся в той комнате, где были убиты люди, давайте будем хранить молчание, – сказал я. – И если вы почувствуете там, что хотите сделать еще что-то, вместо того, чтобы просто молчать, вы можете молиться. Представьте на минуту, что один из тех, кто погиб, стоит там, рядом с вами. Может быть, вы пригласите одну из душ тех, кто погиб там, прийти к вам. Возьмите ее за руку и подождите немного. Затем спросите себя: что нужно этой душе, какую молитву могу я предложить? И затем помолитесь так, как будет правильно для вас. Когда будет пора, отпустите эту душу снова, отпустите ее руку. И затем пригласите душу одного из убийц прийти и стать рядом с вами. Мы часто говорим о потере души тех, кто был причастен к убийствам. Как вы думаете, куда эти души делись? Они все еще где-то там, рядом, в поисках целостности и освобождения. Если такой образ кажется вам слишком эзотеричным, просто представьте себе одного из убийц, как будто он стоит рядом с вами. И также возьмите его за руку и спросите себя, какая молитва может помочь этой душе. И помолитесь так немного».

Итак, это происходит. Мы исследуем это место, предоставленные сами себе. Каждый из нас проводит некоторое время в пустой комнате, где у всех у нас происходят личные встречи с жертвами и преследователями. Голоса жертв были насильственно отняты у них, и большинство тех, кто был причастен к их смерти, после продолжали молчать. На некоторое время мы присоединяемся к их молчанию, предлагая им свои молитвы.

Глава 16

КОРНИ, КОТОРЫЕ ИСЦЕЛЯЮТ

Однажды, когда я был в Соединенных Штатах, я получил просьбу о помощи от одной еврейской семьи. Отец и мать попросили меня помочь их дочери Эстер. Девочке было около восьми лет, и она не переносила прикосновения. В то время у нее часто бывало плохое, даже агрессивное настроение. Эстер была такой с очень раннего возраста, но постепенно ситуация становилась все более сложной. Я посетил эту семью у них дома, чтобы иметь возможность встретиться с девочкой, и я пообещал, что я буду молиться за ребенка и семью. Я чувствовал, что я не должен работать с Эстер напрямую, и будет лучше подождать и посмотреть, какой ответ или идеи возникнут после моих молитв за всех них.

Однажды поздно вечером, несколько недель спустя, я молился и неожиданно обнаружил, что попадаю в некоторое пространство, в которое обычно попадаю, только когда пою или бью в барабан. То, как разворачиваются такие спонтанные трансы, очень похоже на сны: образы жизненные, в них есть звуки и кинестетические ощущения. Но в отличие от обычного сна, вы не спите физически. Во время сна бессознательное является хозяином события и определяет, как оно будет разворачиваться, а во время спонтанного переключения сознания в бодрствующем состоянии можно осознанно взаимодействовать с содержимым переживания.

Я увидел себя в затемненной комнате в старом деревянном доме. Я увидел Эстер сидящей за столом. Она выглядела на свой фактический возраст, но я понял, что она всегда была в этой комнате, с момента рождения ее индивидуальной души. На столе была одна свечка, и Эстер наклонилась над ней, как будто бы защищая ее, руки девочки закрывали маленькое пламя. Когда мои глаза привыкли к темноте, я увидел там еще одну девочку, которая была на несколько лет старше. Эта другая девочка была худой и грязной, ее одежда была почти тряпьем. Она напоминала фотографии брошенных детей в переполненных польских гетто, которые умирали на улицах от голода и холода. Эта старшая девочка была очень агрессивной, и ей удалось завладеть свеч-

кой, оттолкнув Эстер в сторону. Теперь старший ребенок сидел за столом и наклонился над маленьким огоньком в позе обладателя. Эстер была пассивной и сразу не предприняла попытки заполучить свечку назад, но я знал, что она будет пытаться это сделать, и иногда ей это будет удаваться. Но ей никогда не удастся удержать место надолго, другая девочка, в силу старшинства и большей силы, всегда его отбирает у нее. У меня было ощущение, что эта девочка из гетто была потерянной душой, которая все еще пытается выжить, и единственное, что ей приходит на ум, – это попытаться завладеть энергией души кого-то другого – кого угодно другого. Возможно, умершая девочка была родственницей отцу или матери Эстер, а может, и нет. То, что она пытается присвоить жизненную силу Эстер (которую я увидел в виде свечки), могло быть случайностью. Было ясно, что эта непрерывная борьба между девочками не могла решиться без вмешательства извне. И так как мои молитвы привели меня сюда, то я и должен быть тем, кто найдет решение.

Сначала я пытался работать со старшей девочкой так, как я обычно работаю с потерянными душами: я заговорил с ней и мягко прикоснулся к ней. Это не произвело никакого влияния. Девочка полностью сосредоточилась на пламени свечи, и она была очень агрессивной по отношению ко мне, когда я попытался на минуту ее отвлечь. Очевидно, она знала, что в ту секунду, когда она отвлечется, Эстер попытается снова завладеть свечкой. После нескольких попыток я не увидел другого варианта, кроме как крепко схватить эту девочку. Держа ее, я молился, чтобы ее предки помогли мне привести этого ребенка туда, где она получит поддержку. Я молился, чтобы они пришли и поддержали своего потомка в поисках способа принять свою судьбу и то, что ей пришлось прожить только 12 или 13 лет.

Обычно, когда я работаю с душами умерших людей, молясь о помощи, то ответ приходит. Приходит проводник, предок – кто-то, кто может забрать эту душу из моих рук и помочь ей или ему совершить следующий шаг. Но в этот раз ничего не случилось. Никто не ответил. Однако через некоторое время я почувствовал, что сам начал двигаться. Молитва стала невидимой дорогой, путем, по которому я продвигался вперед. Но меня окружала только пустота. Я держал сопротивляющуюся девочку, у меня было впечатление, что этот ребенок умер в одиночестве, покинутый, и что та пустота, которую я чувствовал, была не тем, что нас окружало в действительности, а отображением внутреннего чувства мрачной

пустоты и изолированности, которые пережила девочка, когда она умирала.

Пока девочка боролась со мной, кусаясь и пинаясь, мы долго путешествовали вместе. Иногда я чувствовал, что меня окружают предки, но ничего не было видно. Затем, наконец, движение остановилось. Я посмотрел вокруг и увидел песок, скалы и валуны, невысокие холмы и немного сухих и тонких кустов: мы прибыли в пустыню. Впереди я увидел низкий шатер, отдаленно напоминающий шатры бедуинов на Среднем Востоке. Перед шатром сидела маленькая фигура, пожилая женщина, почти полностью закрытая платьем и шальями. Я увидел покрытое морщинами лицо и темные сияющие глаза, которые смотрели на меня и девочку, и, как это бывает во снах и трансах, она без слов заговорила со мной. Я понял, что мы прибыли к шатру Сары – Древней Сары, жены Авраама, которая всегда желала ребенка, но никак не могла его зачать. Но однажды, когда она уже была далеко не в детородном возрасте, ангел спустился к ней и сказал ей, что она родит ребенка. Благодаря этому божественному заступничеству она родила сына и стала прародительницей каждого еврея.

Сара открыла свою одежду, чтобы обнажить грудь. Одна грудь была пустой и сухой. Она свисала с ее морщинистого тела, как кожаный мешок. Другая была как грудь молодой матери: круглая и мягкая, из нее капало молоко. Она раскрыла свои объятия, и я отдал ей девочку. Сара была на удивление сильной, она мягко, но крепко прижала открытый рот кричащей девочки к своей наполненной груди. Сбитый с толку ребенок начал сосать, и скоро ее сопротивление прекратилось. Пока девочка сосала, она становилась меньше и младше, пока не стала новорожденным ребенком, и уснула. Затем Сара покрыла ребенка своими одеждами и казалось, будто она впитала крошечного ребенка в себя.

«Когда нет никого, кто может помочь или помнить их, приводи их ко мне», – сказала она мне без слов.

Далее я начал двигаться назад, назад через темноту. Я вернулся в деревянную комнату, где я видел Эстер и ее свечу. Я не думаю, что она знала о моем присутствии, и выглядела она так, как будто она уже забыла о другой девочке. Она смотрела на свечку молча и умиротворенно, впитывая ее свет, и ничто ее не отвлекало. Теперь все было так, как должно быть, она познавала свою собственную душу, впитывая ее. Потом внезапно я оказался в настоящем, снова в Амстердаме, в моем собственном доме.

Через некоторое время родители Эстер сказали мне, что ее состояние намного улучшилось, что ее симптомы начали исчезать. Это переживание, однако, имело хорошее воздействие не только на девочку, но также и на меня. В результате молитвы за эту отдельную семью я нашел путь в то место, куда я мог приводить одинокие души тех, у кого никого не осталось, кто бы мог молиться за них. И мне не нужно было держать это место для одного себя. Когда другим было нужно место, куда можно привести своих родственников, так как их семья была недостаточно сильной, чтобы держать их, я мог также направить их к шатру Сары.

Однажды на группе в Вене моей помощи попросил Мартин, чтобы встретиться с печалью, связанной с его убитыми еврейскими родственниками. Следуя моим предложениям, Мартин выбрал группу из восьми женщин, которые стояли в круге и были заместителями шатра Сары, и затем заместительницу для самой Сары, которая стояла в середине. Я поставил Мартина на некотором расстоянии от этой конструкции. Затем я спросил, хочет ли он пойти один или взять кого-то с собой, и он сказал, что был бы рад поддержке. Я добавил в расстановку ангела, чтобы идти с ним. История говорит нам о том, что ангел пришел к Саре, — значит, ангелы знают путь к Саре, и они хорошие проводники в этом ритуале. В дополнение я попросил Мартина выбрать трех заместителей для трех качеств или вещей, которые соединяют его с жизнью. Он выбрал свое чувство юмора, непринужденность и друзей. Три заместителя стояли за спиной Мартина в начале работы, и после того, как он посетит Сару, он должен будет вернуться к ним. Ниже приведен фрагмент письма Мартина об этой расстановке, которое он прислал мне год спустя:

Во время расстановки было важно чувство, что на самом деле есть кто-то, кто заботится о моих умерших родственниках. Я помню взгляд заместительницы Сары — и я никогда его не забуду. У меня было чувство очень глубокого понимания и заботы. Для меня было важно, что я должен был идти к Саре, таким образом я мог активно предпринимать что-то сам. Это было что-то новое по сравнению с тем, чтобы просто оплакивать моих предков и молиться за них, что я прежде делал много раз. Ангел, который сопровождал меня, помог мне сосредоточить все внимание на членах моей семьи, чтобы я не растрачивал энергию на свою собственную печаль, и объятие с заместительницей Сары было таким, как будто я одолжил свое

тело умершим, чтобы они могли почувствовать тепло и безопасность, которой им не хватало. Когда я снова оказался дома, у меня было ощущение, что я сделал очень большой шаг к исцелению. Это определенным образом изменило мою жизнь, часть бремени ушла. Сначала я думал, что три хорошие вещи в моей жизни не были по-настоящему важны в расстановке. Но сейчас, оглядываясь назад, я думаю, что они были важнее, чем мне казалось. Это дало мне чувство большей полноты, и их присутствие помогло мне интегрировать расстановку в мою повседневную жизнь.

В доиндустриальные времена для бесчисленных поколений истории, сказки, мифы и песни были дорожками, которые проводили людей к глубинным слоям коллективной души, позволяя активно участвовать в ее работе. В иудейской традиции у живых по-прежнему есть активные отношения с древнейшими предками и Богом, который говорит с ними. Кто-то древний, как Сара, не является темной фигурой из прошлого, но воспринимается как кто-то знакомый, например, как тетя, как родственник, чьи особенности и черты можно открыто обсудить. Таким образом, она остается близка людям, которые живут сегодня. Поставить заместительницу для нее в расстановке, возможно, не самый ортодоксальный способ встретиться с ней; но то, что Сара или кто-то из ее современников могут вдохновить живущих сегодня или исцелить их раны, не является новшеством. Люди по всему миру, в различных традициях находят утешение и силу через связь с мифологическими предками.

Однажды на группе в Германии, после того, как я рассказал историю о своей встрече с Сарой, один участник сказал мне, что испытывает фрустрацию: «У меня вообще нет никакого представления о принадлежности к коллективной душе, я не могу почувствовать моих предков, и нет ничего такого в прошлом, о чем я бы мог думать как об источнике исцеления для себя или для нас». И жестом он показал, что имеет в виду всю группу. Я сказал ему, что понимаю его видение и его нехватку чувства, но в то же время я смотрю на это по-другому. Это правда, что в отличие от большинства других народов, евреи помнят имена и жизни предков, которые были за тысячи лет до них. Но значит ли это, что еврейский способ помнить – это единственный способ помнить о глубочайших родовых корнях? Вовсе нет.

Даже если большинство людей в северо-западных регионах Европы не знают имена своих дальних предков, истории

о жизни и деяниях древних богов и богинь никогда не были полностью забыты. Древняя сила могла уйти в подполье на какое-то время, например, скрываясь от церкви, но она никогда не исчезала полностью; она выходила на поверхность, как только предоставлялась подходящая возможность. Следы дохристианского мира находятся повсюду, если вы знаете, что нужно искать. Например, имена некоторых древних богов и богинь в буквальном смысле ежедневно используются! В III веке новой эры римляне пришли в Северо-Западную Европу. Они ввели неделю как систему организации времени (изначально это было семитское изобретение) и назвали каждый день в честь бога или богини. Когда римляне ушли, германские племена сохранили инновацию – повторяющийся временной цикл из семи дней, но они заменили имена римских божеств именами из их собственной традиции. Например, четверг – Thursday – Thor's day – это день Тора, а римляне посвятили этот день Юпитеру. Пятница – Friday – изначально была днем Венеры, но ее место заняла богиня Фрейя – Freya. Каждый, кто вырос как член доминирующей культуры в Западной Европе и кто начнет читать о древних нордических/германских богах и о древе мира, которое соединяет различные духовные уровни миров, будет удивлен тому, насколько знакомо, насколько близко все это ощущается. Коллективная душа помнит.

Понятно, что когда Третий рейх пал, то старые германские боги оказались снова в изгнании. Руны были осквернены, а мифическая земля, откуда они пришли, была объявлена запретной зоной. Хотя в гитлеровской Германии немцы обращались к фактически выдуманному прошлому, но все же они давали детям имена богов, богинь и мифических германских героев, они пользовались рунами, зажигали костры в середине лета и приносили овец в жертву богу Вотану¹⁷ (). С духовной точки зрения – это не пустые жесты и безжизненные ритуалы, их использование соединяло нацистов с полем, которое было гораздо старше, чем они сами. Точная природа отношений, которые были у нацистов с древними силами земли, сильно переоценивается некоторыми исследователями, но и значительно недооценивается остальными.

Один немец однажды рассказал мне, что когда его отец лежал на смертном одре, то он признался, что участвовал в убийстве одной еврейской девочки – человеческой жертвы, принесенной

¹⁷ Одно из имен бога Одина, которое использовали англо-саксонские и германские племена. – *Прим. пер.*

богу Вотану. Отец участвовал в гитлерюгенд¹⁸, и молодых людей из его группы заставляли активно участвовать в секретных ритуалах убийств по ночам, у костра, распевая имя Вотана. Это единственная история о ритуальных убийствах, связанных с древними богами, которую рассказали мне лично, и я не нашел ссылок на такие события в письменных источниках. Но в разных местах я слышал слухи о них. Сколько еще человеческих жертв было принесено в гитлеровской Германии, кровь скольких евреев и других людей была предложена Вотану, чтобы утолить его жажду? Не похоже на то, чтобы событие, о котором я слышал, было единственным в своем роде. С психологической точки зрения такое ритуальное убийство – это очень мощный способ создать связь между мальчиками, которых заставляют присоединиться к группе, и в действительности это, наверное, и было устроено для того, чтобы подготовить их к дальнейшим преступлениям. Я думаю, что мы смело можем предположить, что связь нацистов с древними богами была частично открытой, а частично секретной; возможно, она отличалась от одной местности к другой, от группы к группе, и мы еще многого не знаем, даже спустя все эти годы.

Очевидно, что нацисты интересовались военной культурой, которая связана прежде всего с Вотаном и Тором, богами войны. У этих двух богов, как и у большинства богов и богинь, есть много лиц и много аспектов, и нацисты решили создать связь только с их деструктивными и агрессивными частями. По этой причине их связь с древними силами была неполной, искаженной и неуравновешенной.

Пытаясь понять силы, которые создали нацистов и удерживали их у власти, можно обнаружить исторические влияния разного рода: и националистический вирус, который прокатился по многим европейским странам в 19 веке, и огромный страх международной коммунистической революции, и Первая мировая война, и унижительный Версальский договор, и слабое правительство Веймарской Республики, и экономическую депрессию, и многое другое. Но если подумать системно, – может ли там присутствовать еще дополнительный фактор, значительно более древний, чем упомянутые, который уходит глубже? Германские племена сначала были захвачены римлянами. Римляне были разбиты и вернулись домой, но они привнесли перемены в жизнь северных племен. Вскоре после них пришла церковь, которая хотела установить и расширить

¹⁸ Hitler-Jugend – юношеская военизированная нацистская организация. – *Прим. пер.*

свою религиозную империю. Постепенно, и не без борьбы, старым богам пришлось уступить место единому Богу христиан, который на самом деле был Богом иудеев. На древних священных местах построили церкви, элементы языческих ритуалов были вплетены в праздничные дни христиан, как, например, охота за яйцами на Пасху и вечнозеленое дерево, на котором зажигают свечи на Рождество. Возможно, христианство и было новым деревом, но оно было привито на корни гораздо более старого дерева, которое срубили. Но его корни, однако, остались на своем месте.

Сегодня мы видим коллективный гнев и оторванность от корней у народов, которые были колонизированы за последние несколько сотен лет. Мы можем спросить себя: какая ярость и какая коллективная травма все еще присутствуют в сумрачных слоях коллективной души нордических и германских племен? Если мы можем на минуту предположить, что этот сдвиг все еще существует, то тогда истинными носителями этой ярости были бы Водан и Тор, и возможно, они бы совершали соответствующие действия, чтобы вернуть то, что когда-то принадлежало им. Конечно, Гитлер использовал эти божества, но – кто знает? – может быть, это они использовали Гитлера?

Мы знаем, каким образом старый европейский религиозный антисемитизм постепенно трансформировался в миф о расовом превосходстве, который поддерживала лженаука. Мы понимаем, как страх ожидаемой большевистской революции был спроецирован на евреев в целом, потому что многие евреи изначально принимали участие в русской коммунистической партии. Все это исторические факты. Мы также знаем, что в семейных системах те, кого исключают и не уважают, не уходят. Они снова возвращаются, внося свой вклад в болезни и насилие в следующих поколениях. То, что справедливо на уровне семейной души, также справедливо и на уровне коллективных душ. Таким образом, возможно, в насильственной экспансионистской политике нацистов есть очень древняя системная составляющая.

«Где же сейчас твой бог?» – такой вопрос нацисты часто задавали евреям, которых они унижали и убивали. «Где наш Бог?» – рыдали многие евреи, умирая в гетто и в лагерях. «Бог умер в Освенциме», – я много раз слышал и читал такое утверждение. Кто знает, может быть в этом утверждении скрыто больше, чем видно на первый взгляд. В лагерях смерти умер только один конкретный Бог – Бог евреев и христиан. Пока умирали миллионы

Его последователей и умирал Он Сам, древние германские боги войны пировали, согреваясь в теплой крови. Умирающих собирали и убивали под знаком свастики, одного из символов Тора, и на самом деле их смерти были человеческой жертвой невообразимых масштабов.

Это было мудро, что дверь, ведущая к древним богам, после войны была заперта. Нужно было остановить исступленные убийства, и все, что вносило в это свой вклад, необходимо было заставить молчать. И в то же время держать эту дверь запертой навсегда может иметь свою цену. Если – и в этот момент я делаю предположение в пользу исследования, – древние боги были одним из многих факторов, которые придали форму нацизму, то они также могут дать нам ключи к тому, чтобы мы могли лучше его понимать. Но если мы хотим смотреть на этих древних богов и богинь, то нам лучше избежать ошибки нацистов, которая состояла в том, что они настроились только на отрицательные аспекты нескольких древних сил. Если мы хотим смотреть на глубочайшие корни коллективной души германских племен, то нам лучше смотреть на все поле богов и богинь, на все их аспекты. Может быть, тогда мы сможем найти там помощь, силу, которая снова принесет некоторую гармонию в коллективную душу, частью которой были и остаются нацисты. Старые мифы могут помочь нам понять некоторые динамики недавнего прошлого.

Часто, когда в расстановке ставят заместителей нацистов, то они стоят холодные и жесткие. Обычно у них вообще нет никаких чувств, кроме презрения к тем, кого они считают слабыми или чувствительными. Я был свидетелем этому в стольких расстановках, что я могу теперь с уверенностью сказать, что основными характеристиками нацистов (в расстановке) является жестокая холодность, замороженность: эмоциональная, психологическая, духовная и иногда даже физическая. В мифологических корнях коллективной души такая холодность часто ассоциируется с руной Иса, которая изображается как прямая вертикальная линия. Иса обозначает лед и символизирует застой, безжизненность и контроль.

Целью нацистов было не меньше чем создание нового мира – для своего собственного народа. В мифологии германских племен мир создан из двух первичных сил – огня и льда. Нацисты воплощали в себе деструктивные аспекты руны Иса, и в то же время они носили символ свастики (двойная руна Соулу), который является символом солнца. Мы можем увидеть, как деструктивный огонь

и смертоносный лед, правая и левая руки тьмы, пронесли по Европе. Кажется, что в своих попытках переделать мир нацисты углубились в очень старую матрицу. Однако где-то по дороге они попали в ловушку льда. Однажды замерзнув, они стали автоматами, неспособными изменить направление, долгое время неспособными остановиться.

Однажды в расстановке, которую поставил один клиент, маленькая группа пленных рабочих стояла перед несколькими нацистами. Один из заместителей рабочих сказал: «Вам нужно наше тепло». Не сила, подчинение или труд, – а тепло. Это было необычное утверждение, но для меня оно имело смысл в свете замороженности душ нацистов, неспособных ни на какую эмпатию.

Огонь и мороз, вышедшие из-под контроля, в сочетании с деструктивными аспектами богов войны. Не самая приятная комбинация. Как можно позвать на помощь другие аспекты, которые присутствуют в мифологическом поле древних германских племен, чтобы справиться с наследием нацистов?

Как быть с теми молодыми мужчинами, которые соблазнились лихорадочными мечтами о славе и маршем отправились на фронт, и с теми многими, которых просто принудили вступить в армию? Они умерли бесчисленными тысячами. Бальдр – один из богов, который может принять их. Бальдр – прекрасный, он воплощает мужскую красоту и чистоту, некоторую невинность, он бог Солнца, воплощающий позитивные аспекты небесного огня, это не разрушительные молнии Тора, которые спускаются с неба и убивают вслепую. Согласно мифу, он был надеждой и гордостью всех богов, они стремились оберегать его и сделать его бессмертным. Но Бальдр умер, его предали. Вся Земля горевала, за исключением Локи, который его убил. В расстановке для пропавших без вести солдат – для потерянных отцов, братьев, сыновей, дядей – мужчины, которые замещают их, как мотыльки к пламени, тянутся к Бальдру и его трагической смерти. В действительности их впитывает в себя Бальдр. Они становятся им, и таким образом боги и богини служат моделью, с которой можно отождествляться, чтобы мы могли понять смысл нашего человеческого опыта. И когда они собираются в объятиях Бальдра, то члены семей, которые потеряли их, горюют, покоясь в объятиях других богов, которые оплакивали смерть Бальдра.

В некоторых расстановках я ставил заместителей для Тора и Вотана рядом с нацистами, которые были жесткими и неприкосновенными, лишенными эмпатии и жизни. И затем, напротив этих

троих, я ставил заместителя для Фрейра, брата-близнеца Фрейи. Он – тот, кого Вагнер исключил из «Кольца нибелунга», что было системным исключением чувствительного, гармоничного мужского. Каким образом мужское может надеяться найти равновесие без доступа к Фрейру? Фрейр – бог земли, который приносит оплодотворение. Его часто изображают с эрегированным фаллосом, он воплощает радостный секс, радостную и блаженную встречу с женским, а не насилие. Когда он умирает, он снова возрождается, как и сама природа. Руна Фрейра (которую он делит со своей сестрой Фрейей) – это Ингуз, она связана с женственным элементом воды. Это вода жизни в своей текучей форме, а не замороженный лед. Стоя в расстановке, я попросил Фрейра обратиться к Тору и Вотану и сказать: «Мои братья, вы уже достаточно долго держали душу этого мужчины. Он дал вам все, что полагается, и даже больше. Пришло время отдать его мне». Нацист был передан в руки Фрейра, который вывел его из поля разрушения, далеко от войны и смерти. Душа нациста задрожала и заплакала. Немецкие ведущие расстановок, такие как Альфред Рамода и Беттина Аустерманн, обнаружили, как и я, что присутствие древних мифологических сил часто оказывается ключевым фактором, который влияет на то, что души нацистов могут оттаять.

Я видел уравнивающее и исцеляющее воздействие присутствия дохристианского в расстановке не только в Германии. Недавно я работал в Испании, и в группе присутствовало несколько басков. Одним из критических факторов в истории баскской земли являются их попытки восстановить свою идентичность, культуру и язык. После гражданской войны наступила диктатура Франко, что привело к появлению националистической сепаратистской организации ЭТА (ETA – Euzkadi ta Askatasuna, «Страна басков и свобода»). Баскский конфликт продолжается. Современное баскское общество разделено и травмировано из-за этой длинной истории, и Инаки, один из участников-басков, попросил сделать ему расстановку. После беседы с ним я решил поставить несколько маленьких групп людей: одну для ЭТА, одну для церкви и одну для обычной жизни. Также был заместитель для Инаки и один заместитель для членов его семьи, но подробности их движений не были существенными для того, чем я хочу поделиться, поэтому эту часть работы я оставляю за кадром. В расстановке видно было только застой и неподвижность. Затем я вспомнил, что Инаки довольно небрежно упомянул о силе ведьм и других язычников, которые бросали вызов церкви в давние

времена. Поэтому я решил добавить еще одну маленькую группу людей в поле, чтобы они замещали «дохристианских предков». Воздействие новых людей в расстановке было немедленным и сильным. Все члены ЭТА стояли как вкопанные и смотрели на них, это был первый случай, когда они были увлечены чем-то за пределами их собственного круга. Та же реакция возникла в группе, которая была заместителем нормальной жизни. Люди из круга заместителей церкви начали смотреть на группу ЭТА, за исключением одного-двух, которые смотрели на дохристианских предков. Большинство заместителей ЭТА вскоре слились с группой языческих предков, за ними последовали заместители нормальной жизни. Постепенно несколько последних членов ЭТА присоединились к этой большой группе. Один из членов церкви тоже сделал шаг, но остальные члены этой группы остались стоять отдельно. Когда я спросил различных заместителей ЭТА о том, что они чувствовали, когда их приветствовали и держали их предки, они описывали это такими словами, как достоинство, мир и сила.

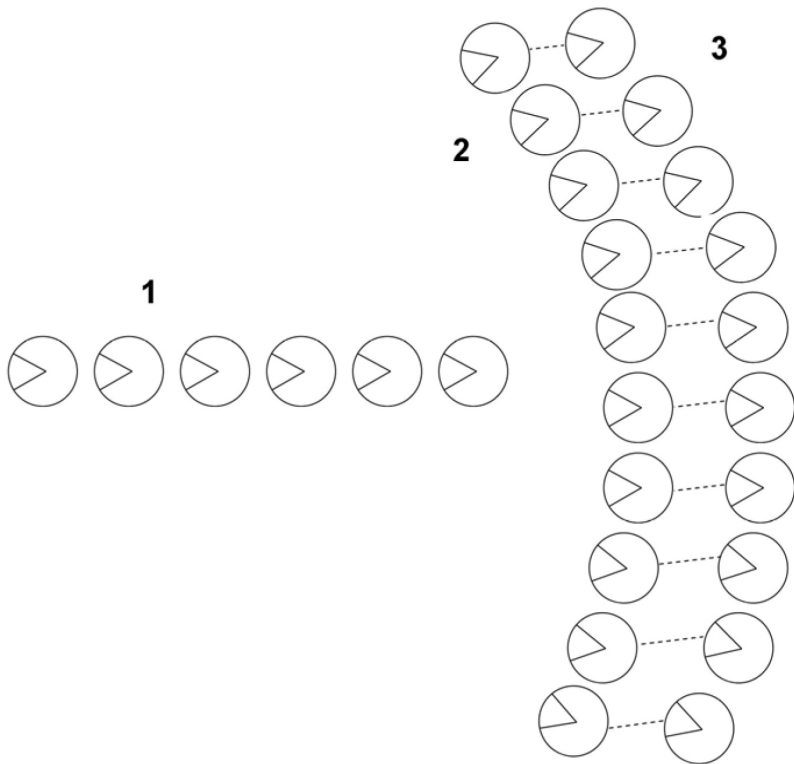
Небрежное замечание Инаки пустило меня по следу древних предков, и когда их заместителей добавили в расстановку, то они оказались ключевыми фигурами для того, чтобы открылось поле ЭТА. Очевидно, они воплощали что-то существенное и важное, что требовалось заместителям ЭТА, чтобы начать чувствовать полноту и эмпатию к остальным в расстановке.

Во время семинара в Берлине (см. главу 15) я рассказал группе об этих открытиях, и мы их использовали в нескольких расстановках. Группа смогла убедиться на личном опыте, что те аспекты древних богов, которые отрицались и отвергались нацистами, могут включаться в расстановку и оказывать целительное воздействие на различных заместителей. Когда семинар уже приближался к концу, мне захотелось сделать ритуал, в котором приняли бы участие все участники группы, и после молитвы родилась идея поставить такую структуру, которая даст возможность каждому участнику лично встретиться с древними богами и богинями.

Сначала я попросил девять человек стать в ряд. Они представляли собой путь в прошлое – они могли быть предками или историческими периодами, в зависимости от того, как на них смотреть. Они создали мост, который ведет в дохристианские времена. Затем рядом я поставил заместителей для различных древних нордических богов и богинь в полукруг: в центре стояли близнецы Фрейр и Фрейя, представляя уравновешенность и плодородие,

за ними – Водан, который связан не только с войной, но также является мистическим провидцем, который способен смотреть в иной мир, Хильда – хранительница колодца, который является входом в иной мир, Тор – воплощение силы молнии и грома, которая разрушает, а также возобновляет жизнь, Локи-хитрец, три Норны – сестры, которые прядут нити судьбы, и, наконец, Бальдр, воплощающий красоту и невинность, который умер молодым. Потом за каждым из них мы поставили отдельного заместителя, который представлял ту силу в природе, которая создала их и чью мощь они несли.

Люди, которые не участвовали в расстановке в качестве заместителей, могли войти в царство богов, медленно проходя мимо девятерых заместителей, прикасаясь к ним по очереди. Когда они

1 – Шаги в прошлое; 2 – Германские боги и богини
3 – Сила природы, которая создала богов и богинь
Рисунок 28.

входили, то они могли пойти к любому богу или богине, к которым они хотели. Они могли представиться, и если им хотелось, попросить благословения или силы. Они также могли пойти дальше, за богов, и встретиться с великими силами природы, которые стояли за ними. Таким образом, они могли выйти за пределы мифологической матрицы германских племен. То, что происходило в таких встречах, было открыто – каждая встреча индивидуальна и не похожа на другие. Мы договорились, что заместители, у которых были определенные роли в расстановке, могли в любое время попросить кого-то встать на их место, чтобы у них тоже была возможность свободно двигаться в поле.

Я взял барабан и спел старинную норвежскую мелодию. Некоторые участники начали медленно двигаться, робко ища путь к прошлому, ломая культурные послевоенные табу, начали смотреть на германских богов, руны и все, что связано с ними. Сначала встречи в расстановке были робкие и даже немного колеблющиеся. Но за час или около того, пока длился ритуал, уровень энергии и радости постепенно рос. В конце это был динамичный и полный жизни ритуал: тут люди молча обнимались, там они болтали друг с другом с сияющими глазами, в другом месте люди пели и танцевали. То, чему не хватало жизни, снова стало по-настоящему живым не только для тех, кто пришел встретиться с древними силами, но и для заместителей богов и богинь.

Глава 17

ДВОЙНЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ

Однажды ко мне обратилась одна пара по поводу их младшего сына, который становился беспокойным и буйным, как только его отец и мать уходили в свою спальню. Для мальчика было невозможно позволить им побыть вдвоем, и он устраивал такие сцены, что родители сдались и перестали вместе спать. Однако яростная ревность ребенка была все еще ощутимой и грозила взрывом буйства в любой момент. Психолог-аналитик-фрейдист, наверное, был бы в абсолютном восторге от такого, казалось бы, совершенно очевидного проявления Эдипова комплекса, но я чувствовал, что корни этого беспокойства нельзя объяснить так просто. Мать сказала мне, что она уверена в том, что таким образом бросает свою тень на семью секрет, который касается ее отца и войны. Она долгое время все пыталась и пыталась его раскрыть. Из ее рассказа я понял, что ее попытки раскрыть секрет на самом деле имели воздействие, противоположное привнесению равновесия в семью. Чем больше мать пыталась узнать об этом, тем менее ясно все становилось. Я предложил ей сделать небольшой маленький гроб и положить в него символ, представляющий секрет. Затем ей надо будет похоронить секрет, попрощаться с ним, и покинуть маленькую могилу, и пообещать никогда не возвращаться к нему, чтобы он мог почивать в мире. У меня было чувство, что секрет был очень активной силой, которая очень хотела открыться, и я предположил, что обратное движение, вероятно, заставит его всплыть, так как он не захочет остаться там нераскрытым.

Через несколько недель после семинара эта мать связалась со мной. Она похоронила секрет и оставила все попытки узнать о прошлом. Через несколько дней после ритуала она говорила по телефону с отцом, и вдруг ни с того ни с сего он сказал ей: «Я думаю, мне все еще предстоит научиться жить с фактом, что я убил человека, когда был еще мальчиком». И потом он резко повесил трубку. Она ему сразу же перезвонила, и впервые после войны отец был в состоянии рассказать ей всю историю.

Его отец умер на войне, его застрелили югославские партизаны, и он, еще мальчишка, остался один с матерью. Несколько офицеров СС квартировали в деревне, и один из них жил в их доме. Офицер вскоре стал злоупотреблять своей властью, ежедневно насилуя мать мальчика. Мальчику пришлось быть свидетелем этому, и он ничем не мог ей помочь. Но однажды вечером он встретил этого офицера на мосту над рекой, которая протекала через городок, и он потерял контроль над собой. Мальчик так толкнул мужчину, что он упал с моста и утонул. Мальчик понимал, что будет, если кто-то узнает, что он стал причиной смерти нацистского офицера, и поэтому хранил молчание. Он стал мужчиной, отцом, дедушкой. И затем безнадежная ярость, которую он чувствовал, будучи мальчиком и глядя, как его матери приходится идти в постель с офицером СС, проявилась в его внуке: неуместная, непроясненная и необузданная. Только когда он, наконец, рассказал эту свою историю, семья начала процесс интеграции секрета, который бросал на нее свою тень.

Когда мы думаем о полярности жертвы и агрессора, куда нам нужно поместить мальчика, который убил нациста и хранил тайну? Очевидно, что он был виктимизирован: его отец убит, неполная семья взята в заложники офицером-нацистом, и он сам травмирован ежедневным изнасилованием его матери. Многие люди возразят, что офицера СС надо было остановить тем или иным способом. Однако факт остается фактом: мальчик убил мужчину, толкнув его с моста. Даже если мальчик был жертвой, то это действие сделало его также и убийцей.

Энергии жертвы и преследователя могут переплетаться многочисленными странными и сложными способами, как мы уже видели – не только на личном уровне, но также и на уровне больших групп и наций. У Польши, например, есть история завоеваний и разделений иностранными государствами, которая повторялась снова и снова. В 1939 году пришли нацисты. Миллионы поляков умерли во время войны, эта нация была невероятно травмирована. Но пока все это происходило, многие поляки присоединились к нацистам в убийстве евреев и цыган. Были поляки, которые рисковали жизнью, помогая евреям, но было и много-много других, которые хотели, чтобы евреи исчезли, и они не останавливались даже когда немцы, наконец, потерпели поражение. Многие евреи, которые выжили в лагерях смерти, были убиты поляками, как только они вернулись назад в бывшие родные города. Польша пользуется репутацией единственной в Европе страны, где еврей-

ские погромы имели место даже после окончания Второй мировой войны. Является ли Польша как нация жертвой или преследователем? И тем, и другим. И все же Польша в основном считает себя жертвой нацистов и никогда – активным участником холокоста.

Когда жертва и преследователь переплетаются, мы видим, что люди, группы и нации с большей легкостью отождествляются с жертвами, нежели с агрессорами. Страна, которая сейчас называется Индонезией, сотни лет была голландской колонией. Когда Япония напала на Голландскую Ост-Индию в 1942 году, японцы установили сеть концентрационных лагерей, следуя примеру своего союзника – нацистской Германии. Там были лагеря для различных этнических групп, и туда поместили всех белых, мужчин отдельно от женщин и детей. Лагеря сильно отличались друг от друга, в одних условия были относительно легкими, в других ужасными, и многие люди умерли. С момента японского вторжения голландцы считают себя жертвами, они забыли о своей роли колонизаторов перед началом войны, забыли о периоде после капитуляции Японии, когда голландская армия боролась с индонезийцами, которые хотели независимости.

В бывшей Югославии во время войны 1991–1995 годов все ее участники совершили ужасные преступления, хотя сербы были значительно более активными и убили больше всего людей, особенно во времена своих кампаний по «этническим чисткам». И все же, если вы послушаете речи официальных сербских спикеров, вы подумаете, что они были единственными пострадавшими. Сербские массовые убийцы и военные преступники все еще почитаются как герои.

В Израиле огромная рана холокоста еще далека от исцеления, но печально то, что с палестинцами в Израиле обходятся как с гражданами второго класса в государстве в состоянии фактически апартеида, которым управляют евреи. Израильское правительство оправдывает такое отношение, имея в виду еще свежую память о холокосте, отождествляясь с жертвами во враждебном мире. Палестинцам приходится справляться с разнообразными материально-техническими сложностями и выносить широкий спектр ежедневных оскорблений и несправедливостей, но как группа они виновны в том, что терроризировали еврейское население Израиля бомбардировками самоубийц и ежедневными обстрелами еврейских поселений. Эти действия описываются как оправданные действия жертвы, пытающейся защитить себя от врага.

Из этих примеров – и можно привести еще много других – становится ясно, что как только дело касается идентификации, то роль жертвы всегда имеет преимущество перед ролью агрессора, даже если факты очевидным образом несколько более сложные. Интересно, что в сегодняшней Германии, которая является одним из редких примеров страны, которая идентифицируется как виновная, мы также можем обнаружить непризнанный аспект смеси энергий жертвы и агрессора. Здесь в тень заталкивается часть, которая связана с жертвой. Даже сегодня в Германии тяжело открыто горевать по умершим гражданским немцам, которые потеряли на войне свои жизни. Преступления нацистов делают все остальное неважным, несущественным.

У каждой из упомянутых стран или регионов (Польша, Голландия, бывшая Югославия, Германия, Израиль) есть место только для одной коллективной идентичности: или как жертва, или как преступник, хотя в каждом случае исторические факты подтверждают смесь ролей жертвы и агрессора. Почему существует глобальное предпочтение роли жертвы? Для этого, конечно же, есть много разных причин. Во-первых, произошла реальная виктимизация. Но быть жертвой также означает, что какая-то внешняя сторона становится ответственной за твои проблемы. Пока ты жертва, есть кто-то, кто сделал что-то неправильное с тобой и кто тебе что-то должен. В дополнение к этому концепция «жертвы» часто имеет некоторую ауру невинности. Очевидно, что это более привлекательное основание для построения идентичности, чем ассоциация с загрязнением и виной, которые сопровождают агрессора.

Далее, существует представление, что жертвы могут очиститься через свои страдания, даже стать святыми через них. Здесь можно распознать отчетливое эхо истории об Иисусе Христе, для которого пытки и жертвенность стали божественной самореализацией, необходимым шагом для перехода на следующий уровень света и жизни. Однако реальность такова, что жертвы не восстают из того, жертвой чего они оказались, наполненные светом – прощающие и мудрые. Наоборот, они выходят из своей ситуации глубоко травмированные, диссоциированные и расщепленные. И в таком состоянии они с легкостью сами могут стать агрессорами больших и малых масштабов, будучи даже не в состоянии полностью осознать это или задуматься об этом.

Американские солдаты, которые освобождали концлагеря, были свидетелями их ужасных условий. У многих выживших

не было домов, куда они могли бы вернуться, и их собрали и поместили в лагерь для перемещенных лиц. Им снова предстояла жизнь в бараках. Американские солдаты понимали поведение людей в таких местах, которые зачастую были лишь ненамного лучше, чем тюрьмы. Многие из выживших были грубыми, жестокими, антисоциальными. Они крали и прятали еду, и у них были огромные трудности в том, чтобы сотрудничать с властями в их временных домах. Когда солдат, которые присутствовали при освобождении, отправили домой, и вместо них из США приехала новая партия военных, то они были потрясены видом и поведением бывших узников концлагерей, и вскоре они начали предпочитать цивилизованных пленных нацистов, которые хорошо себя вели. Нет, глубоко травмированные люди не всегда самые легкие в обращении, особенно если им больше нечего терять, потому что у них забрали все, включая базовое чувство достоинства. Пытки, лишение свободы и унижения, санкционированные тоталитарными режимами во времена, когда преследуются целые группы людей, предназначены для того, чтобы сломать и разрушить жертву – и не только физически. В реальности мы не можем ожидать, что все выжившие восстановят то, что у них было отнято, с такой же легкостью, как это было разрушено.

Имеющиеся в нашей культуре образы жертвы как невинного, очищенного и возвышенного существа и агрессора как скотского и нечеловеческого монстра призваны помочь нам дистанцироваться от реальных динамик агрессора и жертвы и многих сложных переплетений между ними. Мы держим преступников на расстоянии от себя, осуждая их как ненормальных, чтобы нам не надо было сравнивать себя с ними. Как только они начинают действовать нормально и дружелюбно, как нацисты в лагерях для военнопленных, мы перестаем видеть в них реальных преступников. Мы заботимся о жертвах до тех пор, пока они покорные, наивные и пока они благодарны за нашу помощь. Но когда жертвы становятся злобными и начинают вести себя агрессивно, терпение по отношению к ним быстро заканчивается, и мы их отстраняем.

Давайте на мгновение сделаем один шаг назад от точки зрения коллективной души и переключимся на индивидуальный уровень, чтобы отсюда взглянуть на переплетения жертвы и агрессора. Энергия жертвы и агрессора часто всплывает в личных историях о сексуальном злоупотреблении и инцесте. Юдифь Ротен (Judith Rothen), родом из Швейцарии и проживающая в Голландии, работает консультантом с жертвами сексуального

злоупотребления, она проводит обучение и тренинги для терапевтов и социальных работников о том, как поддерживать клиентов с историями насилия и инцеста. Рэй Вайе (Ray Wyre) является соучредителем RWA¹⁹, независимой организации по защите детей в Шотландии, которая занимается проблемами насилия над детьми, сексуального насилия, педофилии и сексуальных преступлений. Персонал RWA предлагает целый ряд услуг, включая различные программы лечения для взрослых и подростков, совершивших сексуальные преступления. Юдифь Ротен и Рэй Вайе оба являются признанными экспертами в своих отраслях – чему мы можем у них научиться? Сначала послушаем Юдифь:

Люди часто сражаются с опытом насилия. Прежде всего, он не интегрирован. Жертва переполнена идентификацией с агрессором, она поглотила характеристики и искажения мышления и энергию преследователя. Реальность преступника интроецируется – она проглатывается, вбирается в себя. Жертве нужно научиться разотождествляться, и необходимо привнести реальность событий, которые произошли. Это происходит шаг за шагом, это медленный процесс обнаружения, что ты интроецировал реальность, которая не является твоей собственной, но которая в действительности стала единственной позволенной реальностью. Может создаваться идентичность «меня» и «тебя». Жертва должна осознать, что случились определенные события, и что они случились с ней или с ним, и что там был еще один участник – преступник. Ей нужно разделить этих двоих участников. Только после этого виктимный опыт может трансформироваться в личную силу или может прийти что-либо другое. В этом смысле идентичность жертвы является необходимым шагом, конструкцией, которая помогает принять тот факт, что произошло что-то плохое и что это имело огромное воздействие и вызвало чувства изоляции, ухода и пустоты.

Жертве нужно понять поле виктимизации, различные виды контекстов, которые создавали события. Особенно четко нужно понимать хроническое злоупотребление, стратегию соблазнения и предательства. Необходимо полностью принимать травмирующую реальность, чтобы прочувствовать различные аспекты ядра травмы, – не все подробности или сами события, но ключевые события. Когда виден контекст (вранье, неправда, угрозы), в поле зрения входят и жертва, и преступник. На этой стадии очень важно психологическое информирование. Например, испытать

¹⁹ RWA – Ray Wyre Associates. – *Прим. пер.*

оргазм во время сексуального злоупотребления – это абсолютно органическая реакция, и это никоим образом нельзя сравнивать с действительно добровольным сексуальным наслаждением.

Если эта работа не сделана, то невозможно что-либо прояснить, и жертва остается в смятении из-за переплетений. Прошлое продолжает вмешиваться и захлестывать настоящее. И кроме понимания контекста и отделения от агрессора, с самой травмой надо работать в какой-то форме терапии. Когда прошлое отделено от здесь-и-сейчас, то появляется будущее.

Рэй Вайе объясняет, что в мотивы сексуальных преступников входит секс, злость, контроль, желание устрашать, мощь, месть, и еще многое другое.

Во время терапии или лечения преступник идентифицирует те потребности, которые он удовлетворял через преступление, и с помощью терапевта ищет способы, как удовлетворить их подходящим образом. Если он не изменит свое искаженное мышление и представления, не выработает чувство эмпатии и близости, то остается мало надежды на настоящие изменения. Подростки, которые становятся преступниками после того, как сами побывали жертвами, с большей вероятностью совершают преступления, если они не развивают подходящее чувство эмпатии и близости.

Любое эффективное лечение должно признавать, однако, что преступники – это думающие, верящие, активно действующие и чувствующие люди, и для того, чтобы был успех в лечении, любой подход должен затрагивать все эти четыре уровня.

У некоторых людей внутренние чувства, подталкивающие их сделать то, что незаконно, перевешивают внешние причины, по которым этого делать не стоит, и тогда они становятся преступниками. Вопрос о том, как мы можем повлиять в этом случае, включает в себя вызов, связанный с тем фактом, что если мы не затрагиваем внутренний мир преступника, то наши внешние способы контроля ограничены в том, чего они могут достигнуть.

Юдифь Ротен и Рэй Вайе дают важные ключи к пониманию динамик жертвы и преследователя и к тому, как с ними можно взаимодействовать.

Жертве нужно создать идентичность, которая будет основываться на проведении различия между ним/ей и лицом, совершившим злоупотребление; преступнику нужно развить эмпатическое понимание реальности, которую переживает жертва. Интересно, что они оба могут найти новое равновесие только через принятие и эмпатичное исследование реальности друг друга. В этом процессе

индивидуальность каждого из них также усиливается через признание личного опыта и ответственности. Это не простые задания как для жертвы, так и для агрессора. Как говорит Рэй Вайе, преступник часто спрятан так глубоко внутри самого себя, что найти доступ к его внутренней реальности – это огромный вызов.

Почему так трудно найти доступ к внутреннему миру преступника? Есть много причин: чувства стыда и вины, например. Но они не всегда присутствуют. Часто консультант или терапевт не может установить контакт с преступником просто потому, что в самом преступнике нет способности действительно чувствовать свое собственное внутреннее я и описать словами это переживание. Некоторые люди не смогли развить эту способность из-за собственного опыта жертвы, они несут такие глубокие раны, что они прекратили чувствовать что-либо вообще, и таким образом они защищаются от своей собственной боли и страха. Этот механизм активно используется во многих культурах, чтобы превратить обычных молодых парней в безжалостных солдат – агрессоров, которые могут защищать интересы народа и его лидеров.

Нора Винсент, американская журналистка, прожила полтора года как мужчина. В своей книге «Мужчина, который сделал себя сам», она описывает свой опыт посещения стрип-клубов, свиданий с женщинами, членства в чисто мужской команде по боулингу и участия в длительной группе нью-эйдж для мужчин. Ее собственные размышления о динамиках между мужчинами и женщинами иногда поистине радикальные. Избегая быстрых и простых выводов, она увлекает читателя во все более некомфортное, но захватывающее путешествие, бросая вызов конструкции идентичности мужского и женского и тем способам, как эти два пола взаимодействуют. Один из выводов, к которым она приходит, состоит в том, что в американском обществе мужчины совершенно диссоциированы и отщеплены от большей части их внутреннего мира. После прочтения книги Норы Винсент остается мало причин полагать, что в других странах ситуация будет намного лучше. Таким образом, когда молодые мужчины поступают на военную службу, базовый паттерн диссоциации уже выработан, и фактически, остается только поднять его на следующий уровень.

В своей книге «У врат ада» Клод Эншин Томас описывает, как он, будучи ребенком, оказался заперт в цикле домашнего насилия. Когда он достаточно повзрослел, он записался в армию, и там он подвергся множественным и экстремальным злоупотреблениям, все они были направлены на то, чтобы сломить его волю. В дей-

ствительности Клод научился полностью диссоциироваться от своего опыта. Затем его отправили во Вьетнам, где он как боец выживал целый год. Когда он вернулся домой, там не оказалось ни структуры, ни чего бы то ни было, что помогло бы ему справиться с влиянием его подготовки и предельной травмы, которую он получил, будучи солдатом, и он оказывается в полной изоляции, наркозависимый и бездомный. Оба – и Клод – травмированная жертва, и Клод-убийца – отвергаются американским обществом, и он становится изгоем. Едва ли суть переживаний солдата была когда-либо описана более трезво, без обвинения и саможаления. Клод Томас стал буддистом, и он нашел способ и язык, чтобы справиться со своей травмой и своими ранами – неспособный полностью их исцелить или заставить исчезнуть, но обретя понимание, что это такое и как с этим можно обходиться, по крайней мере, до некоторой степени. История Клода Эншина Томаса показывает неприятный портрет общества. Она показывает, как некоторые страны поддерживают систематическое злоупотребление и травматизацию солдат на военной службе, чтобы потом выбросить их как мусор, когда грязная работа будет сделана и они уже будут не нужны.

В расстановочных группах мы часто соприкасаемся с наследием разного рода насилия и встречаемся с жертвами и агрессорами. В этой книге уже было описано много видов расстановок и ритуалов, которые можно использовать в группах для работы с этими полями. Но как насчет ведущего, который использует эти методы? Ведущие групп также являются важными игроками в поле. Ведущий группы будет способен принять в других только то, что он или она уже сам смог интегрировать. Если мы хотим быть в состоянии работать с энергиями агрессоров и жертв у наших клиентов, мы должны работать с этими энергиями у себя.

Недавно Элис, одна из участниц моей супервизионной группы для ведущих расстановок, попросила о поддержке. «Я знаю, как в расстановке обходиться с агрессорами из прошлого, но я начинаю путаться, когда на группу приходят люди, которые являются агрессорами здесь и сейчас», – сказала мне она. Я предложил расстановку, в которой у нас будет заместитель для Элис и еще два человека, по одному заместителю для «внешней жертвы» и «внешнего агрессора» – тех клиентов, которые приходили на ее семинары. Когда Элис расставила этих троих заместителей, я попросил ее выбрать еще двух дополнительных заместителей, одного для внутренней жертвы и одного для внутреннего агрессора самой

Элис. Вскорости заместитель Элис пошел к ее внутренней жертве, чтобы позаботиться о ней. Это движение сбалансировало все поле, но оно казалось слабым, как будто еще чего-то не хватало. Тогда я добавил еще одного заместителя для Элис, который затем занялся внутренним агрессором. Только после того, как два заместителя Элис соединились с энергиями внутренней жертвы и внутреннего агрессора, внешние агрессор и жертва смогли по-настоящему расслабиться. Внешняя жертва подчеркнула, что чувство доверия смогло появиться только после того, как Элис интегрировала свою собственную энергию агрессора.

Когда мы имеем дело с трансгенерационными влияниями войны и преследования в больших группах, то открыться для «других» является одним из важных шагов процесса. Людям в группе жертв помогают признать агрессоров и их роль, чтобы у них было больше возможностей отделиться от них. Тех, кто находится на стороне преступления, проводят по пути открытия реальности и страданий жертв и позволяют этому подействовать на них. Таким образом, в поле зрения выходит сама энергия преступника. К счастью, агрессоры (и их потомки) могут относиться с эмпатией и к себе тоже. Это не движение к универсальной душе, – нет, это мягкое открытие поля коллективной души, которое вводит другую группу в переживаемый опыт, как это случилось в ритуале с группами ирландских протестантов и католиков, описанном в последней части главы 9.

В напряженном процессе открытия друг другу есть скрытый дар. Когда группы открываются друг другу, они также открываются и своим собственным непризнанным частям, и тогда болезненные и глубокие переплетения между жертвой и агрессором, внутренне и внешне, могут выйти на свет для того, чтобы стало возможно осторожно поработать с ними.

Глава 18

ПОВОРОТ КОЛЕСА

Мы исследовали различные аспекты коллективной души в свете наследия преследований и геноцида, и мы рассмотрели несколько способов обходиться с этим в расстановках и ритуалах. Мы прикоснулись к различным слоям переживаний жертв и агрессоров и увидели, как они могут становиться фундаментом коллективной идентичности. Мы знаем, как создаются жертвы – через действия агрессоров. Но остается вопрос: как и почему люди становятся активными участниками преследований, пыток и (массовых) убийств. Это важный вопрос, не только потому, что ответ может нам помочь лучше понять прошлое, но и потому, что он, возможно, поможет нам распознавать сигналы того, что общества движутся в сторону национальных войн, со всеми сопутствующими трагедиями и несчастьями.

Есть историки, которые утверждают, что Освенцим был аномалией, умопомрачением. Конечно, это привлекательная идея. Если это правда, что Освенцим мог появиться только в момент временного провала цивилизации, то цивилизованному миру не нужно бояться его повторения. В своей книге «Истоки нацистской жестокости» Энцо Траверсо показывает, что правдой является обратное. Каждый из кирпичиков, из которых состоит философия нацизма и методы, которые использовали нацисты, уже был частью доминирующей европейской культуры. Правда, нацисты собрали новую и ужасающую конструкцию, но они использовали уже привычные элементы. Пытаться поместить Освенцим в вакуум вне цивилизации – это избегание того факта, что, если хотите, Освенцим был чисто европейской конструкцией. Мы просто должны избавиться от иллюзии, что культура и цивилизация могут защитить нас от организованного геноцида.

Книга Джеймса Уоллера «Становясь Дьяволом», возможно, является самым подробным из существующих на сегодня исследований корней массового насилия. Проводя оценку различных научных моделей и теорий о психологии преступника, Уоллер подводит читателя к новым моделям. Биология – это один из

факторов. Благодаря опыту наших древнейших предков любой человек, живущий сегодня, старается создать связи с другими, защищает интересы своей группы и не доверяет чужакам. Это поведение существует еще с тех времен, когда мы жили маленькими группами и имели ограниченные ресурсы, – убийство других групп людей давало убийцам прямые преимущества, например, получение доступа к большему количеству пищи. К сожалению, там, где у животных есть встроенный инстинкт прекращать борьбу, когда одна из сторон демонстрирует знак подчинения, у человека, кажется, не хватает такого ограничивающего механизма. Когда мы начинаем убивать, мы продолжаем до тех пор, пока не остается никого, кого можно убить.

Исследования показывают, что даже когда создается группа из произвольно выбранных участников для короткого психологического теста, ее члены будут отдавать предпочтение людям своей группы по сравнению с посторонними. Они не захотят, чтобы другая группа получила превосходство над ними, и будут считать, что способности их группы лучше, чем способности другой.

Ясно, что некоторые из динамик коллективной племенной души встроены в наши психологические особенности. И все же далеко не каждый становится массовым убийцей, но некоторые-таки становятся. Уоллер вводит понятие «культуры жестокости», которая может появиться в любом обществе. В культуре жестокости эксплуатируются наши древнейшие биологические импульсы, они направляются на избранные группы-мишени. Комбинация стратегий превращает группу «других» в дегуманизованную абстракцию, которая обвиняется во всем, что не так. Затем группа жертв обвиняется в том, что они оказались в невыгодном положении. Применение насилия становится приемлемым и, наконец, избавление от них становится логичным шагом, необходимостью. Четкое и глубокое изучение разных стадий этого постепенного процесса и механизмов, которые задействованы в нем, делают книгу «Становясь Дьяволом» ценным исследованием.

Одна особая динамика, свойственная внезапным взрывам массовой жестокости, была продемонстрирована некоторыми представителями хуту²⁰, которые участвовали в геноциде 1994 года в Руанде, когда потеряли жизни около миллиона тутси²¹. В книге «Близкий враг» Роберта Лайонса и Скотта Штрауса мы можем

²⁰ Хуту – народ в центральной Африке, основное население Руанды и Бурунди. – *Прим. пер.*

²¹ Тутси – народ в Центральной Африке (Руанда, Бурунди, Демократическая Республика Конго), численностью около 2 млн. – *Прим. пер.*

прочсть свидетельства мужчин и женщин, которые активно участвовали в преступлениях. За несколько месяцев до бума убийств, который длился около 100 дней, напряжение возрастало, по радио ежедневно транслировалось сообщение, что тутси следует уничтожить. Начальная фаза убийства была запланирована заранее. Были созданы списки людей, которых надо убить. Также была разработана стратегия, как построить контрольно-пропускные пункты в городах и на дорогах, которые будут контролировать хуту, требуя, чтобы каждый проходящий предъявлял свои документы. Все это вписывается в паттерны культуры жестокости, которые описал Уоллер. Затем случается внезапный всплеск насилия, в котором огромное количество представителей племени хуту начинают массово убивать тутси. В повествованиях многих участников описывается тот момент, когда они присоединились к группе убийц. Инициаторы действовали в маленьких группах, используя личные угрозы («Мы знаем тебя, мы убьем тебя и твою семью, если ты к нам не присоединишься»). И один за другим, другие хуту должны были доказывать лояльность своей группе, убивая одного тутси. Без сомнения, некоторые присоединились с легкостью и их не пришлось принуждать, но другие хуту подчинились из страха. Вскоре все были поглощены групповым сознанием, опьяненные дикой энергией. Как только люди перешли черту и стали виновными, они оказались «в деле» и продолжали убивать, вероятно, требуя, чтобы другие к ним тоже присоединились. В такой невероятно накаленной ситуации у человека остается мало шансов пребывать в контакте со своим чувством индивидуальной ответственности, которая в нормальных обстоятельствах заставила бы людей отказаться от убийства своих друзей и соседей. Те из хуту, кто открыто отказался убивать тутси, сами были убиты. Приблизительно 50 тысяч человек.

Постепенное расширение границ, описанное в «культуре жестокости» Уоллера, и внезапные массовые убийства, в которых участвует огромное количество людей, подобные тому, что случилось в Руанде, имеют одно сходство: в обоих ситуациях жертвы и агрессоры приходят к тому, что они могут иметь только одну идентичность. Не важно, был ли это медленный процесс превращения определенной группы в «козлов отпущения» и объект преследования или это было внезапное взрывоподобное массовое помешательство; длился процесс десять лет или три месяца, — идентичность всех задействованных в процессе базировалась на все более узких и узких параметрах, до тех пор, пока остается

только одна возможность: люди должны принадлежать или к одной группе, или к другой. Больше не остается места для каких бы то ни было нюансов.

Нобелевская лауреатка Амартия Сен в своей книге «Идентичность и жестокость» показывает, как после террористических атак по мишеням США 11 сентября 2001 года мир был полностью пойман в ловушку только что описанной динамики. Все чаще и чаще не только люди, но и идеи, и ценности называются или «западными», или «мусульманскими», и затем, в зависимости от того, кто проводит маркировку, они либо принимаются, либо отвергаются. Деление всего и вся на эти две категории представляется абсурдным с одной точки зрения и глубоко тревожным – с другой. Идеи, которые возникли в разных культурах и в разные времена, такие как принятие демократических решений различного рода, во многих африканских странах теперь воспринимаются как «западные» и поэтому отвергаются. Это происходит на континенте, где жили вместе большие группы людей из разных культур, принимавшие решения относительно благополучия целых коллективов, по сути, демократичным способом. По обе стороны разделения на «западное» и «мусульманское» отрицаются, обесцениваются и забываются общее человеческое наследие, старые связи и кросс-культурное обогащение. Реальность упрощается, история переписывается, факты отрицаются или маскируются. Амартия Сен утверждает, что единственным доступным лекарством – и мы должны применять его осознанно – является отказ верить в гипнотические внушения, которые каждый из нас должен распознавать на основе одного общего знаменателя. Почему каждый из нас должен принадлежать только к одной из двух категорий, которые по определению считаются противостоящими друг другу силами? Сен подчеркивает, что каждый из нас имеет множественные идентичности, что мы никогда не бываем только мусульманином или только европейцем, – более того, мы одновременно являемся еще и многим другим. Вслед за словами таких ученых, как Энцо Траверсо, Джеймс Уоллер и других, слова Амартии Сен приобретают дополнительную важность, потому что современная тенденция делить людей и концепции на одну или две категории – это культурный механизм, который в разные времена и в разных странах традиционно использовался как стартовая ступенька к войне и геноциду.

Теперь – в последний раз – мы вернемся к колесу душ. Что оно может нам рассказать о том, как начинается динамика агрессора и жертвы?

В нашей душе всегда есть тяга к северу. Северо-восток является местом рождения, а северо-запад – это ворота в смерть, север же является местом посередине. Север – это место, откуда мы пришли изначально и куда мы отправляемся после смерти, это дом нашей души. Когда одна часть глубоко внутри нас стремится к северу, мы стремимся к его покою, простору, непреходящему чувству единства, где все, чем мы являемся, принимается и ничто не отвергается. «Alle Menschen werden Brüder» («Все люди братья») – это послание надежды, являющейся выражением того стремления, которое в действительности стало анафемой Европейского союза.

Реальность, однако, такова, что, пока мы живы в физическом мире, мы движемся через восток, юг и запад колеса. И это не мешает нам время от времени испытывать тоску по дому на севере. Мы пытаемся прикоснуться к нему в медитативных практиках, которые успокаивают наш ум и открывают более тонкие чувства. Мы также бессознательно пытаемся уйти на север, когда мы отрезаем восприятие болезненного и травмирующего опыта, когда мы диссоциируемся, чтобы больше не чувствовать некоторую часть нас самих. И все же фактом остается то, что мы живем на юге, в месте физического взаимодействия, трения, дуальности и соревнования.

В некотором смысле мы застряли на юге, в то время как наш внутренний компас продолжает указывать на север. Возможно, именно поэтому так популярны отпуск и каникулы – это способ искупаться в приятных аспектах юга: хорошая компания, хорошая еда, свободное время, без стресса, без требований, без борьбы. Это максимум того, куда мы можем продвинуться, используя возможности, которые предоставляет нам юг, чтобы обрести ощущение севера. В отпуске мы перезаряжаем батарейки, но затем нам нужно вернуться в мир полярности, в реальность зубных врачей, пробок на дорогах, инспекторов по налогам и неприятных коллег.

Стремление к сочетанию благополучия и простоты остается с нами, но поскольку мы живем в сложном физическом мире на юге, мы можем видеть его только с перспективы юга, и мы думаем, что можем достичь его только при помощи средств юга. Что это значит? Юг – это также место коллективной души; таким образом, мы используем механизмы коллективной души, чтобы приблизиться к чувству единства и мира. Мы создаем границы, мы исключаем посторонних и защищаем наше пространство, если необходимо – то делаем это с жестокостью. Мы не принимаем то, что нам досаждают, мы пытаемся избежать этого или избавиться от этого. И в конце концов это никогда не получается, потому что

всеобъемлющее умиротворение севера невозможно воссоздать, отвергая то, что, как мы думаем, не принадлежит нам, в надежде сделать жизнь проще. Я упомянул лозунг «Все люди братья» («Alle Menschen werden Brüder»), знаменитые слова из «Оды радости» Фридриха Шиллера, положенной на музыку Людвигом ван Бетховеном в 1823 году. Разве нет иронии в том, что раньше эти слова пели на Олимпийских играх, в ситуации, где люди собирались, чтобы с огромной решимостью соревноваться друг с другом, желая доказать, что они лучше остальных? Мы можем петь много песен о наших благородных мечтах о единстве, но мы сами себе противоречим в тот же момент. Мечтая о покое, мы используем средства юга, чтобы создать временную иллюзию севера. Мы не создаем единство, принимая и сливаясь с тем, что есть; наоборот – мы только пытаемся сделать все правильно для нас самих и для нашей группы, соревнуясь и, если необходимо, удаляя «чужих». Стремление к северу присуще нашей душе, но мы никогда не сможем попасть туда прямо из коллективной души. С юга мы можем попасть на север только через запад – через индивидуальную душу.

Однако запад – это трудное место. Здесь мы встречаемся с собой, запад – это направление, движение которого идет внутрь. Это место осени, когда опадают листья, и все, что уже послужило своей цели и стало ненужным, отпадает. Для души отпустить – это тяжело, из-за того, что может проявиться. Все мы проживаем жизнь в частичной диссоциации, у всех нас есть страхи и боли, надежно запертые в подвалах нашей личности. При входе на запад нам придется встретиться со всем этим, оно выйдет на поверхность. Процесс индивидуации – это процесс обращения внутрь, чтобы встретиться со своими демонами. В этом процессе мы развиваем сострадание и силу. Найти и развить по-настоящему индивидуальную силу – то, что позволяет нам делать наши собственные выборы и иметь собственные мнения, что, к сожалению, является очень плохой идеей, если смотреть на это с точки зрения коллективной души. Коллектив (род или народ) не приветствует независимость и индивидуальность, он хочет слияния в однородности.

И тут у нас возникает дилемма. У нас есть стремление к безусловному единству и покою севера, которое в действительности, является качеством нашей собственной души, потому что наша душа пришла с севера. Мы бы хотели вернуться к нему, чтобы проживать свою жизнь в этой реальности полнокровно. Но мы находимся на юге, в месте физического мира и коллективной

души. И здесь мы можем достигнуть только условного мира, ограниченного единства, отбрасывая или удаляя то, что нам мешает. Путь, который действительно может привести нас к глубокому и целительному переживанию единства севера, лежит через запад. К сожалению, этот путь страшный и болезненный, он может отдалить нас от коллективной силы и принятия. Поэтому мы остаемся на юге и пытаемся дотянуться до севера оттуда. У нас это не получается, поэтому мы еще больше стараемся туда попасть, но по-прежнему избегаем главной дороги – дороги через запад.

Настоящая дорога из цепкой хватки коллективной души лежит через встречу с личной идентичностью. В образах коллективной души это означает, что нам надо продвинуться от области ядра к границе. Когда мы находимся у границы, у нас есть возможность взаимодействовать с пространством за пределами коллективных границ. У людей на границе коллективной души могут быть дополнительные идентичности, потому что границы могут соприкоснуться или пересекаться с другими коллективными полями. Ядро должно оставаться одно. Границы по-прежнему нужны, и иметь идентичность, которая основывается на личном опыте вместо группового, не означает, что надо избавиться от коллективной идентичности. Без границ коллективная идентичность растворится, что вовсе не является нашей целью. Коллектив (род или народ) в своих позитивных аспектах дает нам силу, чувство принадлежности и соединяет нас с нашими предками. Это прекрасные и необходимые аспекты. Вырастать в индивидуальном пространстве может означать, что мы остаемся членом нашей группы (групп), и в то же время эта принадлежность уже не является единственным фактором, который определяет нашу идентичность. Индивидуация не означает, что процесс коллективной идентификации прекращает функционировать, просто идентичность становится многослойной.

Каждый из четырех уровней души является частью нашего существа. Мы не можем отказаться от одного или двух из них и попытаться оставаться только на одном уровне. Наша задача – быть и оставаться ответственным членом различных коллективных душ, развить нашу индивидуальность и силу, найти и привести равновесие в нашу семью, насколько это возможно, и подключиться к универсальной душе. У всех четырех душ есть для нас свои дары – и, к сожалению, также и свои ловушки. Мы можем наслаждаться их дарами полностью и избежать застоя, только когда мы взаимодействуем с ними. Колесо душ – это часть нас, и

мы являемся его частью. Когда мы заботимся обо всех наших душах, мы можем вести жизнь в центре колеса, в контакте со всеми четырьмя направлениями. Таким образом, мы можем достичь самореализации во всех аспектах нашего существования и, надеемся, избежать путей, которые ведут к вражде между коллективами (родами или народами).

Глава 19

У ВОРОТ МАУТХАУЗЕНА

Раннее утро, мы стоим в большом круге у каменных стен Маутхаузена, концентрационного лагеря, находящегося недалеко от австрийского города Линц. Примерно половина участников группы, с которой я работал последние четыре дня, приехали со мной в Маутхаузен, и еще к нам присоединилось несколько человек, которые участвовали в других моих семинарах. Многие сказали, что они никогда не бывали здесь раньше, и не поехали бы в Маутхаузен в одиночку. Быть вместе с группой – это значит иметь поддержку, которая позволяет всем нам быть здесь. Начиная с того момента, когда мы выйдем из круга, мы не будем разговаривать, мы будем сохранять молчание до тех пор, пока не вернемся в это место во второй половине дня. Это будет день молчания и размышлений, где каждый из нас будет следовать своим собственным внутренним ориентирам. Но хотя мы будем сами по себе, мы будем не одиноки. В течение дня мы будем связаны друг с другом нитями молчания и молитв. Друг за другом мы покидаем круг и направляемся ко входу в лагерь.

Имя Маутхаузен связано с первым потрясением голландцев, увидевших истинное лицо и истинные намерения немецких оккупационных сил, и по этой причине он до сих пор окружен кольцом страха, который в некотором смысле даже превышает страх перед Освенцимом, Трешлинкай, Берген-Бельзеном и другими известными лагерями. 22 и 23 февраля 1941 года Амстердам пережил свой первый *razzia* (рейд). 427 еврейских мужчин были окружены на улицах старого еврейского квартала и перевезены в Маутхаузен. Это была первая транспортировка такого рода, и ни один из узников не выжил: в течение нескольких недель новости об их смерти достигли их семей, которые остались дома. Когда кто-то сегодня входит в ворота Маутхаузена, он входит одновременно в физическое место и в темный миф.

Лагерь оказался не таким большим, как я думал, но значительная часть его была разрушена, так что я не могу точно почувствовать, каких размеров он был во время войны. Поскольку

мы пришли ранним утром, тут мало других посетителей. Маутхаузен пуст, тих, заброшен, и дым молчаливо поднимается сразу за его стенами. На соседней ферме жгут мусор. Ветра нет, поэтому дым поднимается вверх тонким серым столбом, иногда становясь гуще и темнее. Вдруг мне открывается дезориентирующее зрелище: когда я медленно прохожу за зданиями, кажется, что дым поднимается из дымохода крематория. Пустой лагерь наполнен призраками.

За пределами основной территории лагеря я обнаруживаю длинную «лестницу смерти», которая ведет вниз в каменоломню. Это место, каменоломня «Винер Грабен», стало одним из наиболее известных символов жестокости нацистов. Здесь последние из 427 евреев из Амстердама в отчаянии решили прыгать в шахту навстречу смерти. Два дня и две ночи, без перерыва, их группу заставляли бегать вниз и вверх по лестнице, нося тяжелые камни. Последние, кто остался жив, знали, что они не выживут, и поэтому они решили сами выбрать время своей неизбежной смерти, прыгнув вместе, держась за руки.

Сегодня «Винер Грабен» – одно из самых умиротворенных и живописных мест, которые только можно представить. Просторный луг, зеленый и сочный. По его краям растут красивые деревья, и там есть несколько прудов с рыбками. Вся территория отделена и защищена с трех сторон высокими каменными стенами. Клеа Кофф, судебный антрополог, которого ООН посылало исследовать многие места массовых захоронений в Руанде и бывшей Югославии, заметила, что многие места, где совершались ужаснейшие жестокости, на первый взгляд выглядят как идеальное место для пикника. Здесь сейчас тоже так.

Тут сейчас всего пара-тройка людей, и это большое открытое пространство пусто. Меня тянет пойти на середину лужайки, и там я достаю из сумки талит, мое покрывало для молитв. Я произношу традиционные благословения, когда одеваю его, и заворачиваюсь в него, чтобы полностью скрыться в нем. Но в этом месте благословение звучит неуместно, нереально. Я не могу честно произнести ни одну из старинных молитв, обращенных к Богу, который должен присутствовать, который защищает и выполняет обещания. Очевидно, тот Бог не присутствовал здесь, когда люди кричали и их души разбивались вдребезги. Был ли Он убит в Освенциме, Он не мог или не хотел вмешиваться? Почему я должен обращаться к Нему сейчас? Здесь абсурдно повторять фразы, которые прославляют Его.

И все же у меня нет намерения снять мой талит или перестать молиться, поэтому я раскачиваюсь и кланяюсь в ритме, который продиктован моими собственными словами, вместо архаичных формулировок. Я говорю оплошавшему Богу, что я не могу верить в Него. Нет – что здесь я даже отказываюсь в Него верить. Я разговариваю с мертвыми, которые были и все еще есть здесь. Я молюсь, чтобы их души снова стали целостными, где-то, как-то. Вероятно, это ветер нежно дует на цицит – кисточки на моем талите, но мне кажется, будто призрачные руки мертвых пытаются ухватиться за них. Я постепенно осознаю, что мои ноги дрожат, колени будто бы потеряли силу. Что этому причина? Возможно, просто как в расстановке, когда ты считаешь ощущения и симптомы того, кого ты замечаешь, я переживаю слабость кого-то, кто стоял тут на перекличке и чувствовал эту слабость. Я не знаю. «Я здесь, – говорю я, – я помню. Мои ноги дрожат». Что еще, кроме этих слов, могу я предложить отдельным призракам, которые все еще находятся здесь? Но когда я не знаю, что еще дать или сказать, мое трясущееся тело становится моей единственной молитвой. Солнце начинает припекать мои ступни. Через некоторое время – я не знаю точно, как долго я стоял, – возвращается мое привычное ощущение себя и ноги снова становятся сильными. Бывают дни, когда я с уверенностью знаю, что молитвы могут достичь умерших, в иные дни я не так в этом уверен. Сегодня я чувствую себя голым, ничего не понимающим, и я больше ничего не предполагаю. Когда я сворачиваю мой талит, ко мне подходит еврейская пара, чтобы поблагодарить меня за мои молитвы, их глаза наполнены слезами. Я не могу знать насчет умерших, но мои попытки молиться тронули души некоторых из живых. Я молча поднимаюсь по ступенькам и покидаю лагерь.

Перед тем, как девятью месяцами ранее я отправился в Аушвиц-Биркенау, я сказал некоторым из моих друзей, что я еду, «чтобы наконец покинуть это». Было очень удивительно обнаружить, что, когда я оказался там, я не хотел уходить. Неожиданно для самого себя я почувствовал ту часть меня, которая принадлежала этому месту и которая там и останется. Вместо того, чтобы уходить откуда-то, я прибыл. И сейчас, когда я покидаю Маутхаузен, меня ожидает другой, но такой же непредвиденный, сюрприз. Ощущение обнаженности – что у меня больше нет уверенности в том, зачем я здесь, или какова природа моих молитв, и что у меня даже нет мнения об этом или интерпретации моего внутреннего состояния – становится выходом.

На краю бывшего лагеря построена широкая каменная площадь, которая ведет к новому центру для посетителей. И пока я медленно иду по этой просторной и пустой площади, купаясь в бесконечности, которую могут подарить только жаркий летний день и бескрайнее голубое небо, мои чувства раскрываются. Запахи, звуки и особенно зрительное восприятие усиливаются: все становится ясным. Кажется, что мир наполнен жизнью, и я замедляю шаг, пока полностью не останавливаюсь. Рядом с угрюмыми стенами Маутхаузена моя собственная живость поражает меня, переживание, одновременно тонкое и мощное, интенсивность которого продолжает нарастать и переполняет меня. Мое сердце заполняет ощущение радостной полноты, оно наполняет меня, и жизнь как субстанция расплескивается и касается камней, стен, неба.

«Радость мира, приди к воротам», – написал в своем стихе «Когда война закончится» Яковос Камбанеллис, выживший в Маутхаузене.

Этот стих, положенный на музыку Микиса Теодоракиса, передает нам галлюцинаторные последние слова человека, который умирает в Маутхаузене и просит тех, кто, возможно, выживет, вернуться в лагерь, когда закончится война. Вернитесь, наполните лагерь любовью и жизнью, просит он, займитесь любовью в карьере и в газовых камерах. Танцуйте на ступенях лестницы смерти, прогоните прочь тени смерти. Моя мать ставила мне эту запоминающуюся песню, когда мне было лет 11–12, и я чувствовал, будто я стою на берегу серого моря слез и густой воздух пронизан скорбью, немой и безудержной. В моем сердце просьба умирающего мужчины всегда оставалась невыполнимой.

В расстановках заместители умерших часто просят живых принять жизнь и полнокровно наслаждаться ею. Как часто, будучи ведущим группы, я слышал эти слова, иногда даже в расстановках, которые делались для меня лично? Сегодня я слышу это, действительно слышу, впервые в жизни. Сколько дней провел я, навещая мертвых, молясь в местах, где они погибли? Теперь мне кажется, что один из них однажды молился за меня, и все еще молится – здесь, в Маутхаузене. Молился не только за меня, но и за всех нас, кто живет после войны, за всех нас, кто пришел навещать это место, и он хочет, чтобы мы жили. Его слова доходят до меня через стих Камбанеллиса, и в состоянии открытости и ясности моя душа ясно слышит и отвечает.

У ворот Маутхаузена, у тех самых, о которых говорится в стихе Камбанеллиса, я начинаю петь и танцевать один на просторной

площади, под ярким летним голубым небом. Невозможное случилось – «Радость мира» пришла к воротам. В этот неподвластный времени момент живой дневной свет заполняет мою душу. И хотя мертвые все еще здесь, тень смерти уже отступает.

Уважаемые читатели!

Между автором книги «Слёзы предков» Даан ван Кампенхаутом и ИКСР достигнуто предварительное соглашение о проведении в июне 2013 года семинара автора в Москве.

Дополнительную информацию смотрите на нашем сайте: www.mostik.org

ЛИТЕРАТУРА

Arendt, Hannah: Eichmann in Jerusalem – a report on the banality of evil. Penguin Group, 1969

Bar-On, Dan: Legacy of Silence – encounters with children of the Third Reich. Harvard University press, 1989

Canetti, Elias: Crowds and Power. Farrar, Straus and Giroux, 1984 edition

Cooper, David: Entering the Sacred Mountain – a mystical odyssey. Crown publishers, New York, USA, 1991

Gilbert, Martin: Holocaust Journey – traveling in search of the past. Weidenfeld & Nicholson, 1997

Gobodo-Madikizela, Pumla: A Human Being died that Night. Mariner books, Houghton Mifflin Company, 2003

Goldensohn, Leon: The Nuremberg Interviews. Vintage, 2005

Harris, Sam: The End of Faith – religion, terror, and the future of reason. Norton & Company, 2004

Heimannsberg, Barbara; Schmidt, Christoph (editors): The Collective Silence

– German identity and the legacy of shame. Jossey-Bass Publishers, San Francisco, 1993

Hellinger, Bert: Farewell – family constellations with descendants of victims and perpetrators. Carl-Auer-Systeme Verlag, 2003

Hellinger, Bert; Weber, Gunthard and Beaumont, Hunter: Love's Hidden Symmetry. Zeig, Tucker & Co, 1998

Koff, Clea: The Bone Woman – among the dead in Rwanda, Bosnia, Croatia and Kosovo. Atlantic books, 2004

Koonz, Claudia: The Nazi Conscience. Harvard University press, 2003

Langer, Lawrence L.: Holocaust Testimonies – the ruins of memory. Yale University press, 1991

Lebert, Stephan and Norbert: My Father's Keeper – children of nazi leaders – an intimate history of damage and denial. Little, Brown and Company, 2001

Lyons, Robert (photo's), Straus, Scott (text): Intimate Enemy – Images and voices of the Rwandan Genocide. Zone books, 2006

Gilbert, Martin: Holocaust Journey – travelling in search of the past. Phoenix, Orion Books Ltd, 1998.

Meyrink, Gustaf: The Golem. Vitalis, 2005

Mukagasana, Yolande: La Mort ne veut pas de Moi. Editions Robert Laffront. S.A., 1997

- Mukagasana, Yolande & Kazinierakis, Alain: *Les Blessures du Silence – témoignages du genocide au Rwanda*. Actes Sud, 2001
- Nathan, Susan: *The Other Side of Israel – my journey across the Jewish-Arab divide*. HarperCollins Publishers, 2005
- Nyiszli, Miklos: *I was Doctor Mengele's Assistant*. Frap-Books, 2000
- Nor, Malika: *La Prostitution*. Le cavalier blue, 2001
- Pechackova, Ivana: *The Legend of the Golem*. Meander, 2004
- Pranis, Kay; Stuart, Barry; Wedge, Mark: *Peacemaking Circles – from crime to community*. Living Justice Press, 2003
- Rosenberg, Göran: *Het verloren land – een geschiedenis van Israel*. Uitgeverij Atlas, 2000
- Sen, Amartya: *Identity and Violence – the illusion of destiny*. Allen Lane, the Penguin Group, 2006
- Spitz, Vivien: *Doctors from Hell – the horrific accounts of Nazi experiments on humans*. Sentient Publications, 2005
- Schivelbusch, Wolfgang: *The Culture of Defeat – on national trauma, mourning and recovery*. Metropolitan Books, Henry Holt & Company, 2003
- Sereny, Gitta: *Into That Darkness – an examination of conscience*. Vintage Books 1983 (Random House Inc., 1974)
- Thomas, Claude Anshin: *At Hell's Gate – a soldier's journey from war to peace*. Shambala, 2004
- Traverso, Enzo: *The Origins of Nazi Violence*. The New Press, 2003
- Vincent, Norah: *Self-Made Man – one woman's journey into manhood and back*. Viking/Penguin group USA, 2006
- Waller, James: *Becoming Evil – how ordinary people commit genocide and mass killing*. Oxford University Press, 2002
- Wardi, Dina: *Auschwitz – contemporary Jewish and Christian encounters*. Pau ↯ list press, 2003
- Wardi, Dina: *Memorial Candles – children of the holocaust*. Routledge, 1992
- Wiesel, Elie: *Night*. Hill and Wang, a division of Farrar, Straus and Giroux, 2006 edition

ПОСЛЕСЛОВИЕ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА

Где можно сделать качественную семейную расстановку и кто может обучать семейным расстановкам

В связи с большим спросом на системные семейные расстановки и признанной эффективностью метода в последнее время участились случаи проведения расстановок людьми, не имеющими не только базового образования по семейным расстановкам, но иногда даже психологического, консультационного или медицинского образования. Это приводит к негативным последствиям у клиентов с одной стороны и к дискредитации метода системных семейных расстановок – с другой. Поэтому, если вы решили сделать для себя семейную расстановку, поинтересуйтесь, где обучался специалист, к которому вы обращаетесь.

Институт консультирования и системных решений (ИКСР) является ведущим в России и русскоязычном пространстве институтом, который готовит специалистов по системным семейным расстановкам и другим видам расстановочной работы. Наш институт официально признан IAG-ISCA (Международное общество системных решений). Подготовка будущих расстановщиков осуществляется в соответствии со всеми принятыми международными стандартами. Список наших выпускников вы можете посмотреть на сайте института www.mostik.org в разделе «Сертифицированные ведущие по системным расстановкам». ИКСР добился официального признания в России «Системно-феноменологического подхода и системных расстановок (СФПиСР)» как психотерапевтической модальности. Список официально признанных модальностей можно посмотреть на сайте Профессиональной психотерапевтической лиги (ППЛ) по адресу www.oppl.ru в разделе «Комитеты (комитет модальностей)». Если у вас есть сомнения по поводу квалификации того или иного специалиста по семейным расстановкам, вы можете

оставить запрос на нашем сайте. Мы проверим, прошел ли этот специалист обучение в признанном расстановочном институте, и дадим вам ответ.

Но еще более опасной тенденцией является то, что в последнее время появились «специалисты», предлагающие за один-два семинара обучить проведению семейных расстановок. Часто это люди, не получившие даже признанного базового образования по семейным расстановкам. Естественно, что это недопустимо. Проведению семейных расстановок невозможно научиться читая книги, смотря видеофильмы или даже наблюдая за работой признанного мастера. Это только дополнительные формы обучения. Обучение семейным расстановкам включает не только обучение ремеслу, оно подобно обучению художника и должно затронуть саму душу будущего расстановщика, а часто и исцелить ее в процессе этого обучения. Невозможно привести клиента к матери, если у расстановщика, ведущего эту расстановку, есть проблемы со своей собственной матерью. Невозможно помочь клиенту завершить предыдущую связь, если сам расстановщик в своей жизни тянет шлейфы незавершенных отношений. Работать с душой другого человека может только тот, кто проделал такую же работу с самим собой. Обучение семейным расстановкам проводится по специальной программе, это длительный процесс, который занимает минимум два года и ориентирован он прежде всего на практику. Эта программа была разработана с соблюдением всех критериев IAG/DGfS (Международное общество системных решений / Германское общество системных расстановок), она учитывает более чем десятилетний опыт работы специалистов нашего института и адаптирована для русскоязычной культурной среды. Обучение системным расстановкам может проводиться только в признанных институтах и только сертифицированными тренерами, имеющими соответствующую квалификацию. Сегодня ИКСР проводит обучение не только в Москве, но и в других городах России, странах СНГ и Балтии. Это означает, что во многих регионах уже появились или в ближайшее время появятся действительно квалифицированные профессионалы в области системных расстановок и метод станет доступным многим.

Для защиты профессионального пространства системных расстановок ИКСР зарегистрировал права на название Расстановка® в сфере психологических, образовательных, консультационных, консалтинговых и медицинских услуг. Сейчас право использования этого названия делегировано Экспертному совету по

системным расстановкам, в который вошли директора ведущих российских расстановочных институтов (Марина Бебчук (ИИСТ), Лев Белгородский (ППЛ), Михаил Бородянский (ИМАГО), Михаил Бурняшев (ИКСП) и Светлана Воробей (ИСТОК)). Любое коммерческое использование этого названия и любых словосочетаний, содержащих название Расстановка®, без согласия правообладателя, запрещено. Только выпускники институтов, имеющие признанную международную сертификацию, могут использовать название Расстановка® в своей профессиональной деятельности.

Мы по мере возможности отслеживаем процессы, происходящие на рынке расстановочных услуг, и пресекаем факты непрофессиональной расстановочной деятельности, но, естественно, что мы не можем охватить и проконтролировать все пространство нашей необъятной России и других русскоязычных стран. Защита клиентов от непрофессиональной работы невозможна без активного участия простых людей. Мы просим вас информировать всех заинтересованных лиц о том, где можно сделать качественную семейную расстановку и где можно получить качественное образование по семейным расстановкам. Ваша помощь нужна и для предупреждения «пиратов от расстановок» об их персональной и юридической ответственности как перед клиентами, так и перед профессиональным сообществом. Мы просим вас проявлять активную позицию и информировать нас о лицах и организациях в случае, когда они систематически нарушают профессиональную этику и профессиональные границы. В ближайшее время для более полной информации о наших выпускниках ИКСП планирует размещать на своем сайте www.mostik.org визитные карточки сертифицированных специалистов по семейным и системным расстановкам с указанием телефонов, адресов электронной почты, web-страниц, мест работы и др.

Если вы решили сделать семейную расстановку, то обращайтесь к нашим выпускникам, а если вы сами хотите получить профессиональное образование в сфере семейных расстановок, то мы ждем вас в нашем институте.

Директор ИКСП, сертифицированный тренер по системным расстановкам, член-корр. МАПН, к.п.н. Михаил Бурняшев

ВЫСШАЯ ШКОЛА ПСИХОЛОГИИ (ИНСТИТУТ)

год основания 1993

(лиц. № 166816, гос. аккредитация № 0402 от 01.12.2006)

Проводит набор по направлению 030301 «Психология»

- Первое высшее образование (вечернее)
- Второе высшее образование
- Специализации: психологическое консультирование, психология менеджмента

Курсы повышения квалификации по психологическому консультированию и психотерапии, коучингу, подготовки менеджеров по персоналу, бизнес-тренеров.

: (495) 683-5930

e-mail: vshp@psychol.ras.ru

www.vshp.ru

Даан ван Кампенхаут

Слёзы предков

Директор издательства: М.Г. Бурняшев
Компьютерная верстка
и техническое редактирование: С.М. Бурняшев
Художник: Н.Г. Зотова
Корректор: М.В. Зыкова

Сдано в набор 20.12.2011. Подписано в печать 07.02.2012.

Формат 60х90/16. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Печ. л. 15

Тираж 3000 экз. Заказ №

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных диапозитивов
на ФГУП ордена «Знак Почета»
Смоленская областная типография им. Смирнова.
214000, Смоленск, пр-т им. Ю. Гагарина, 2.

ИНСТИТУТ КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ И СИСТЕМНЫХ РЕШЕНИЙ

С момента своего основания Институт консультирования и системных решений (ИКСР) организует и проводит различные обучающие программы (в том числе и международные), ведет издательскую, консультационную и психотерапевтическую деятельность.

Одним из главных направлений деятельности Института является развитие системно-феноменологического подхода (СФП) и системных расстановок (СР) в русскоязычном пространстве. ИКСР является ведущим в России и русскоязычном пространстве институтом, обучающим системным расстановкам. Мы официально признаны Профессиональной психотерапевтической лигой (ППЛ), Немецким (IAG/DGfS) и Международным обществом системных решений (ISCA). Наши программы обучения полностью соответствуют международным критериям качества, предъявляемым к подготовке специалистов, использующих в своей практике системные расстановки, а по многим параметрам превосходят их. Высокий уровень подготовки специалистов в ИКСР не раз признавался многими зарубежными коллегами и организациями.

Нашими партнерами по организации обучающих программ и семинаров являются Вислохский институт системных решений (WISL, Германия), Институт системной практики, расстановок и реконструкции (APSYS, Австрия), Институт Берта Хеллингера (BNI, Голландия), Психологический фонд «Имаго» (Санкт-Петербург, Россия), Высшая школа психологии (ВШП, Россия).

В нашем институте преподавали и продолжают преподавать такие известные европейские специалисты, как Гунтхард Вебер (Германия), Хантер Бомон (США–Германия), Якоб Шнайдер (Германия), Альбрехт Мар (Германия), Берт Хеллингер (Германия), Хайнрих Бройер (Германия), Ян Якоб Стам (Голландия), Штефан Хаузнер (Германия), Гунтер Шмидт (Германия), Михаэль Блюменштайн (Германия–Австрия), Бертольд Ульзамер (Германия), Фридрих Ингверзен (Германия), Герхард Штай (Германия), Йохан Швайцер (Германия), Андреас Каннихт (Германия), Руди Кляйн (Германия), Ульрих Клемент (Германия), Дирк Ревенсдорф (Германия), Клод Росселе (Швейцария), Йозеф Рабенбауер (Германия), Франк Галленмюллер (Германия), Диана Дрекслер (Германия), Гунхильд Бакса (Австрия), Марианна Франке-Грикш (Германия), Кристина Эссен (Австрия), Зиглинда Шнайдер (Германия), Михаэла Каден (Германия), Сюзанна Кеслер (Германия), Дагмар Ингверзен (Германия), Урсула Франке (Германия), Кордула Рихельсхаген (Германия), Барбара Шмидт-Келлер, Рут Алламанд-Маттманн (Швейцария), Ульрика Реддемманн (Германия), Хеди Лейтнер Диль (Германия), Корнелия Гётц-Кюне (Германия), Констанце Почка-Ланг (Франция) и др.

Обучающие программы, пользующиеся особой популярностью у наших клиентов, это:

- Системно-феноменологический подход и семейные расстановки
- Системная работа в организации и организационные расстановки
- Системное оргконсультирование и системный коучинг
- Структурные расстановки и расстановки «внутренних частей»
- Консультирование и терапия пар
- Системная терапия и консультирование
- Травма и травмотерапия
- Подготовка бизнес-тренеров
- Подготовка менеджеров по персоналу

На сегодняшний день уже более тысячи специалистов из разных регионов России, Украины, Белоруссии, Латвии, Литвы, Эстонии, Молдавии, Казахстана и Узбекистана получили профессиональную подготовку по этим направлениям и большинство из них успешно работают в различных организациях.

ИКСР постоянно организует клиентские консультационные и терапевтические семинары, которые проводят ведущие специалисты нашего института – Михаил Бурняшев, Сергей Корчагин, Андрей Васильев, Наталья Андреева, Лола Ишутина, Нина Пасютина и др.

ИКСР активно сотрудничает с организациями, заинтересованными в проведении обучающих программ и клиентских семинаров в других городах. В настоящее время наши программы проходят в Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске, Екатеринбурге, Хабаровске, Владивостоке, Перми, Краснодаре, Челябинске, Уфе, Ростове-на-Дону, Ставрополе, Киеве, Запорожье, Риге, Минске, Алматы, Южно-Сахалинске, Ижевске, Чите, Красноярске, Одессе, Воронеже и др.

ПРИНЦИПЫ НАШЕЙ РАБОТЫ:

- Высокий уровень специалистов
- Высокое качество обучения
- Постоянное совершенствование
- Доступные цены
- Инновационный подход

**☎☎: +7 495 507 0894, +7 925 004 3464,
+7 495 518 2594, +7 495 744 6260 (с 10 до 19 ч.)
e-mail: rasstanovka@yandex.ru,
mostik-reka@yandex.ru
www.mostik.org**

**По вопросам организации обучающих программ и клиентских групп
в регионах:**

**☎☎: +7 985 222-2492 (с 10 до 19 ч.)
e-mail: rasstanovka-region@yandex.ru**

СТРУКТУРНЫЕ РАССТАНОВКИ И РАССТАНОВКИ «ВНУТРЕННИХ ЧАСТЕЙ»

Диалогически-системная расстановочная работа с абстрактными (неличными) элементами.

Программа повышения квалификации для психологов, психотерапевтов, консультантов, врачей, социальных работников и т.д., организованная APSYS (Австрия), ИКСР (Россия) и ВШП (Россия).

Координаторы программы: д-р Гунхильд Бакса (Австрия) и к.п.н. Михаил Бурняшев (Россия).

Тренеры программы: ведущие европейские тренеры, имеющие международную сертификацию и признание в области структурных расстановок.

Программа и расписание курса включают:

- Четыре трехдневных семинара (12 дней, по 8 часов в день) для обучения теории, методу и приобретения личного опыта.
- Шесть дней (по 8 часов в день) работы в группах практики рядом с опытным расстановщиком.
- Три дня супервизии (по 8 часов в день).
- Общая продолжительность программы – один год (168 очных часов).

По окончании программы участники получают сертификат двух институтов (APSYS, ИКСР) и свидетельство о повышении квалификации, дающие право работать в области структурных расстановок.

МОСКВА 2011-2012

Модуль 1. 21–23 января 2012	Михаил Бурняшев и команда ИКСР
Модуль 2. 12–14 мая 2012	Михаил Бурняшев и команда ИКСР
Модуль 3. 21–23 сентября 2012	Гунхильд Бакса (Австрия)
Модули 4. 30 нояб.–2 дек. 2012	Кристина Эссен (Австрия)

Подробная информация и предварительная регистрация:

 : +7 495 744 6260, +7 925 004 3464 (с 10 до 19 ч.)

e-mail: rasstanovka@yandex.ru,

mostik-reka@yandex.ru

 www.mostik.org

СИСТЕМНО-ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД И СЕМЕЙНЫЕ РАССТАНОВКИ

Начало новой программы 23-25 ноября 2012

Программа повышения квалификации для психологов, психотерапевтов, консультантов, врачей, социальных работников и т.д., организованная ИКСР (Россия) при поддержке WISL (Германия) и ВШП (Россия).

Координатор программы: чл.-корр. МАПН, к.п.н. Михаил Бурняшев.

Ведущие программы: европейские и российские тренеры, имеющие международное признание в области системно-феноменологического подхода и семейных расстановок.

Наша программа обучения полностью соответствует международным критериям качества, предъявляемым к подготовке специалистов, использующих системные расстановки.

Это позволяет нашим выпускникам после выполнения ими всех квалификационных требований получить международно признанный сертификат.

Программа и расписание курса:

- Восемь трехдневных семинаров (24 дня, по 8 часов в день) для обучения теории, методу и приобретения личного опыта.
- Шестнадцать дней (по 8 часов в день) работы в группах практики рядом с опытным расстановщиком.
- Восемь дней супервизии (по 8 часов в день).
- Общая продолжительность программы – два года (384 очных часа).

МОСКВА 2012-2014 гг.

Модуль 1. 23–25 ноября 2012

Ведущий определяется

Модуль 2-8

Даты и ведущие определяются

Подробная информация и предварительная регистрация:

☎: +7 495 744 6260, (с 10 до 19 ч.)

E-mail: rasstanovka@yandex.ru,

🌐 www.mostik.org